

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№3 (11) 2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербак М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавача А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2024

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia) Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia) Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy), Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

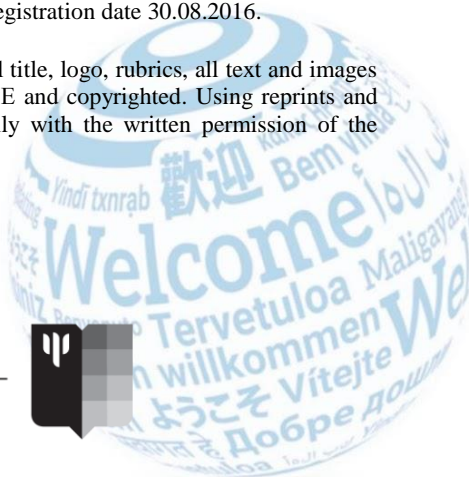
Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2024

Содержание

2024. Том 11. № 3

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Грамматические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект <i>Бурмистрова Т.А.</i>	5-14
Лингвосемиотический метод исследования в политической коммуникативистике <i>Исхакова З.З.</i>	15-21
Междометия как средства выражения эмпатии в русскоязычной сетевой коммуникации <i>Пивоварчик Т.А.</i>	22-32
Особенности восприятия плеоназма в русском и итальянском языках <i>Капилути С.М., Костина А.А.</i>	33-40
Типы семантических изменений в агульском языке <i>Мерданова С.Р.</i>	41-47

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Дипломатические связи и межкультурная коммуникация Российской империи и Итальянского королевства в эпоху Рисорджименто <i>Дергачева И.В.</i>	48-60
Женщины-оборотни: от образа в сказке до сюжетного мотива в литературе <i>Мань С.</i>	61-71
Кому молились о рождении Ивана Грозного: «неизвестные» и новые молитвы прп. Александра Свирского <i>Соболева А.Е.</i>	72-81
От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто <i>Канель И.В.</i>	82-89
Оценка-оксюморон «больной талант» <i>Леденева В.В.</i>	90-97
Творчество Максима Грека и проповедь Андрея Денисова: к постановке проблемы <i>Журавель О.Д.</i>	98-107

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Когнитивное развитие языковой личности: к проблеме формирования самоорганизующегося ментального лексикона посредством корпусных технологий <i>Гайворонская С.О.</i>	108-120
---	---------

Contents

2024. Vol. 11. No. 3

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Grammatical Peculiarities of Russian and Chinese Languages: Comparative Aspect	
<i>Burmistrova T.A.</i>	5-14
Linguosemiotic Method of Research in Political Communicativism	
<i>Iskhakova Z.Z.</i>	15-21
Interjections as Means of Expressing Empathy in Russian-language Network Communication	
<i>Pivavarchyk T.A.</i>	22-32
Peculiarities of Perception of the Pleonasm in Russian and Italian	
<i>Capilupi S.M., Kostina A.A.</i>	33-40
Types of Semantic Changes in the Agul Language	
<i>Merdanova S.R.</i>	41-47

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Diplomatic Relations and Intercultural Communication of the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the Risorgimento Era	
<i>Dergacheva I.V.</i>	48-60
Werewolf Women: from Fairy Tale Image to a Plot Motif in Literature	
<i>Man X.</i>	61-71
To Whom They Prayed for the Birth of Ivan the Terrible: “Unknown” and New Prayers of St. Alexander Svirsky	
<i>Soboleva A.E.</i>	72-81
From St. Petersburg to Naples: A Historical Analysis of Russo-Neapolitan Diplomacy during the Risorgimento Period	
<i>Kanel I.V.</i>	82-89
The Assessment of “Sick Talent” as an Oxymoron	
<i>Ledeneva V.V.</i>	90-97
The Work of Maxim the Greek and the Sermons of Andrei Denisov: towards the Formulation of the Problem	
<i>Zhuravel O.D.</i>	98-107

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Language Identity Development: Cognitive Aspects of Being a Self-made Bilingual	
<i>Gaivoronskaya S.O.</i>	108-120

Грамматические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект

Бурмистрова Т.А.

Российский государственный гидрометеорологический университет (ФГБОУ ВО РГГМУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: burmistrova_07@mail.ru

Актуальность данного исследования связана с включенностью его в современную парадигму лингвистических исследований, направленных на изучение языков в сопоставительном аспекте. Интерес к сопоставительным исследованиям вызван потребностью выявления универсальных черт языкового материала, стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков, необходимостью совершенствования двуязычных словарей и другими причинами. Сопоставительное описание является эффективным методом изучения взаимодействия и взаимообогащения языков, позволяющим выявить структурные различия языков, национальную специфику семантики, лингвокультурные особенности языков, когнитивные различия сознания народов. В сферу сопоставительного описания попадает вся область фонетического строя языка, лексики, грамматика, синтаксиса. В данной статье мы рассмотрим грамматические особенности русского и китайского языков.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, грамматика, русский язык, китайский язык, морфология, синтаксис, заимствования, терминология, национально-культурные особенности.

Для цитаты: Бурмистрова Т.А. Грамматические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 5–14. DOI:10.17759/langt.2024110301

Grammatical Peculiarities of Russian and Chinese Languages: Comparative Aspect

Tatiana A. Burmistrova

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia,
e-mail: burmistrova_07@mail.ru

The relevance of this study is connected with its inclusion in the modern paradigm of linguistic research aimed at studying languages in a comparative aspect. Interest in comparative studies is caused by the need to identify universal features of linguistic

material, the desire to describe the national picture of the world of speakers of different languages, the need to improve bilingual dictionaries and other reasons. Comparative description is an effective method of studying the interaction and mutual enrichment of languages, allowing to reveal structural differences of languages, national specificity of semantics, linguocultural peculiarities of languages, cognitive differences of peoples' consciousness. The sphere of comparative description includes the whole area of phonetic structure of a language, lexicon, grammar, syntax. In this article we will consider the grammatical features of the Russian and Chinese languages.

Keywords: comparative linguistics, grammar, Russian language, Chinese language, morphology, syntax, borrowings, terminology, national-cultural peculiarities.

For citation: Burmistrova T.A. Grammatical Peculiarities of Russian and Chinese Languages: Comparative Aspect. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 5–14. DOI:10.17759/langt.2024110301 (In Russ.).

Как известно, на современном этапе развития лингвистики актуальным представляется сопоставительное описание языков и культур. Соответственно, **актуальность** данного исследования связана с включенностью его в современную парадигму лингвистических исследований, направленных на изучение языков в сопоставительном аспекте. **Цель** данной работы — описание сходств и различий грамматических особенностей русского и китайского языков. Данной цели соответствуют следующие **задачи**: рассмотреть грамматические особенности русской и китайской морфологии и синтаксиса как основных разделов грамматики; выполнить сопоставительный анализ. **Научная новизна** проведенного исследования состоит в сопоставительном описании грамматических особенностей русского и китайского языков. **Теоретическая значимость** данного исследования определяется его актуальностью и новизной и заключается в том, что оно позволяет глубже понять специфику и грамматические особенности русского и китайского языков. **Практическая значимость** исследования предполагает использование результатов в преподавании русского языка как иностранного (далее РКИ), в теории и практике перевода, на практических занятиях в качестве материалов для изучающих китайский язык.

Сопоставительное направление является одним из молодых в науке и насчитывает всего около четырех десятков лет. Однако сопоставительные исследования легли в основу сравнительно-исторического языкознания, история которого начинается с начала XIX века. Большой вклад в развитие сравнительно-исторического языкознания внесли отечественные и зарубежные лингвисты (Ф. Бопп, Я. Гримм, Р. Раск и А.Х. Востоков). На современном этапе известны различные лингвистические направления, в основе которых заложен сопоставительный принцип (сопоставительное языкознание, контрастивная лингвистика, сравнительная грамматика и др.). По мнению И.А. Стернина и М.А. Стерниной, сравнительный метод в языкознании позволяет выявить различия в структуре языков, национально-специфические особенности семантики и др. [19, с. 1-10]. Ведущую роль в развитии отечественной сопоставительной лингвистики сыграли Л.В. Щерба [21], Е.Д. Поливанов [14], В.Д. Аракин [1], А.И. Смирницкий [18], В.Н. Ярцева [22] и др. Основная задача сопоставительной лингвистики в практическом плане сводится к разработке способов решения проблем, которые возникают у изучающих иностранные языки. В современной науке известны исследования, посвященные сопоставительному описанию разных языков,

например, В.Г. Гак [5], Чжао Юньпин [20], Д.Х. Бакеева [2], А.Х. Загаштоков, Ж.Д. Гедгафова [10] и др. Сопоставительное описание выявляет национально-специфические черты разных языков, которые наблюдаются практически на всех уровнях языка: фонетическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом, фразеологическом.

Русский язык, как хорошо известно, по происхождению относится к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи языков. С типологической точки зрения русский язык принадлежит к синтетическим или флективным языкам, поскольку грамматические значения слов (категории рода, числа, падежа, лица, времени и др.) выражаются формами самих слов. Для русского языка характерна многозначность аффиксов, отсутствие строгого порядка слов в предложении. Современный русский литературный язык представляет сложную систему со стабильными грамматическими категориями [16, с. 7-9]. В русском языке грамматические значения очень абстрактны, поэтому в нем много частей речи. Лексическое значение более конкретно, чем грамматическое и представлено основой слова, а грамматическое представлено специальными формальными знаками.

Китайский язык относится к сино-тибетской языковой семье и имеет своеобразные национально-специфические особенности, существенно отличающие его от других языков. Так, китайский язык характеризуется сложным фонетическим строем. Слоги имеют четкую структуру и по количеству звуков не превышают четырех. Они произносятся закрепленными за ними тонами, которые выполняют смысловозначительную функцию. Другой специфической особенностью китайского языка является иероглифика. Количество иероглифов превышает 80 тысяч, но большая их часть используется в языке художественной литературы. Следует отметить, что в китайском языке мало заимствований, поскольку национально-специфические особенности китайского языка являются сдерживающим фактором в процессах проникновения слов из других языков. В современном китайском языке представлены несколько видов заимствований, которые исследователи классифицируют как фонетические, семантические (термины-кальки и термины-полукальки), заимствования из японского языка [6, с. 136]. Китаисты придерживаются в своих исследованиях разных подходов к проблеме японских заимствований [23, 24]. Согласно другому мнению, фонетико-семантические заимствования в китайском языке включают в себя фонетические и лексические элементы. К отдельной группе смешанных (гибридных) заимствований относят аббревиатуры и полные слова [3, с.70-72]. Грамматические значения слов в китайском языке выражаются проще, чем в русском языке. В китайском языке нет падежей, спряжений глаголов. В грамматике не существует специальных средств выражения или грамматических категорий. Китайский язык относится к языкам изолирующего типа, поэтому центральное место в словообразовании занимает сложение основ. Первичные лексемы имеют грамматическую определенность: могут быть существительным, глаголом, прилагательным и т.д. По мнению исследователей китайского языка, такие единицы связаны с национально-культурными особенностями китайского языка и языковым мышлением носителей языка [17, с. 22]. В настоящее время в китайском языке растет количество сложных и сложносокращенных слов. По мнению Ли Сяогэ, это объясняется влиянием различных экстралингвистических факторов (социальная среда, психологические особенности носителей языка и др.). По мнению исследователя, главную роль в создании новых сложных слов играет молодежь [12, с. 8].

В грамматике любого языка лингвисты выделяют два больших раздела: морфологию и синтаксис. Первым в отечественном китаеведении части речи описал А.А. Драгунов. В

совместной работе с Чжоу Сунюанем «Начальная грамматика китайского языка» [9] он предложил свою классификацию частей речи в китайском языке, в основе которой лежит грамматическая классификация слов. При этом классификации частей речи в русском и китайском языке имеют существенные различия. А.А. Драгунов считает, что в основу китайской грамматической системы заложены лексико-грамматические категории, которые отражаются в синтаксисе и на других уровнях языка [9, с. 3-9].

Китаист В.И. Горелов в монографии «Грамматика китайского языка» [7] представил морфологические и синтаксические особенности китайского языка. К морфологии китайского языка исследователь относит части речи (знаменательные слова) и частицы речи (служебные слова), в синтаксисе приводит описание простого, усложненного и сложного предложений. Синтаксис простого предложения включает сведения о членах предложения и основных функциональных и структурных типах простых предложений. Усложненные предложения занимают промежуточное положение между простыми и сложными предложениями. Синтаксис сложного предложения включает описание основных структурных типов сложных предложений. В.И. Горелов предлагает следующую классификацию частей речи китайского языка: 1) существительные (собственные, нарицательные, единицы измерения). Отдельную группу существительных в китайском языке составляют наречные существительные. К ним относят существительные, которые примыкают к наречиям (明天, 早上 и др.). Отличительной особенностью данных существительных является то, что они могут выполнять в предложении функцию подлежащего и обстоятельства. Это сближает их с существительными и наречиями; 2) прилагательные (качественные, относительные); 3) числительные (количественные, порядковые); 4) местоимения (личные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, относительные); 5) глаголы (полнозначные и неполнозначные); 6) наречия (качественные, обстоятельственные, наречия степени) [7]. Совершенно очевидно, что в китайском языке принципы выделения частей речи и отношения между ними отличаются от частей речи в других языках. Следует отметить, что в современной лингвистике продолжается дискуссия по поводу природы частей речи, что свидетельствует о сложности данной проблемы [11, с. 9].

Интересным в этой области представляется исследование китайского лингвиста Чжао Юньпин «俄语和汉语比较语法» [20]. Автор проводит сопоставительное описание грамматики русского и китайского языков, выделяя основные сходства и отличия. Сопоставительное описание лингвист начинает с описания частей речи русского и китайского языков. Чжао Юньпин все части речи делит на две группы: знаменательные (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, категория состояния (безлично-предикативные слова)) и служебные (частицы, предлоги, союзы и междометия). В китайском языке существительные не имеют категории рода, числа и падежа. Как правило, многие грамматические признаки существительных «вычитываются» из контекста. Есть конкретные существительные, есть абстрактные. Китайские существительные могут выступать в качестве субъектов или объектов в предложениях и имеют свои словообразовательные особенности. Так, при помощи суффиксации образуется целый ряд существительных. Например, при помощи суффикса 子 образуются слова, обозначающие предметы (房子 дом, 桌子 стол и др., с помощью суффикса 家 образуются существительные, обозначающие лиц, занятых какой-то деятельностью (作家 писатель и др.) и др. Сопоставляя русские и китайские существительные, исследователь указывает на самые частотные признаки у русских имен существительных (одушевленность/ неодушевленность,

род, число, падеж). Число и падеж являются изменяющимися характеристиками существительных. Чтобы полностью описать природу русских существительных, важно учитывать их синтаксические и словообразовательные особенности. Существительные обычно являются субъектами или дополнениями в предложениях. Для словообразования характерны суффиксы: *-тель-*, *-щик-*, *-ник-*, *-ость-* и др.

Следует добавить, что в китайском языке слова, относящиеся к отглагольным существительным, сближаются с глаголами, поскольку в китайском языке распределение слов по частям речи носит условный характер. Части речи китайского языка различаются по трем основным признакам (семантическому, синтаксическому и морфологическому) и характеризуются грамматической близостью. В русском языке отглагольные существительные широко представлены и активно используются в речи. Они образуются суффиксальным и бессуффиксальным (или нулевой суффиксации) способами. Д.Э. Розенталь считает, что одним из преимуществ отглагольных существительных являются их краткость и компактность. Однако такие конструкции, по мнению лингвиста, имеют существенные недостатки: неясность высказывания, связанная с отсутствием у отглагольных существительных значения времени, вида, залога; нанизывание падежей; расщепление сказуемого и др. [15, с. 325-326]. Примечательно, что отглагольные имена существительные представляют большие трудности для китайских студентов и требуют пристального внимания в методике преподавания РКИ.

Прилагательные в китайском языке также не имеют категории рода, числа и падежа. Они обозначают качественный или относительный признак предмета, а также могут указывать на признак действия. В предложениях прилагательные выступают в роли определения и в исключительных случаях в роли сказуемого. В китайском и русском языках выделяют количественные и порядковые числительные. В русском языке среди количественных числительных выделяют отдельную группу — собирательные числительные. Собирательные числительные обозначают определенное количество предметов как единое целое, как совокупность. Такие числительные не имеют категории рода и числа, могут изменяться только по падежам. При изучении имени числительного на занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории следует обращать особое внимание на грамматический материал, который не имеет соответствия в родном языке. Китайские числительные не имеют категории рода, числа и падежа. Китайская система счета в целом имеет свои национально-специфические особенности. В ней представлены единицы, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч, сотни миллионов. Классификация китайских местоимений приблизительно такая же, как и в русском языке, но есть некоторые отличия. Так, например, личные местоимения имеют такое же значение, но в зависимости от контекста в китайском языке могут включать или не включать слушающего. В китайском языке есть некоторые особенности употребления третьего лица личных местоимений. Чтобы показать уважительное отношение к каким-либо вещам, вместо местоимения 它 оно используют местоимение 她 она (например, 指祖国 страна, 中国 Китай, 共产党等 Коммунистическая партия и др.). Китайский глагол не имеет специальных морфологических признаков и все грамматические значения выражаются с помощью личных местоимений, наречий, частиц. Китайские глаголы классифицируются не по основе, а по значению и делятся на следующие группы: 1. глаголы, выражающие поведение или состояния: 坐 сидеть, 听 слушать, 开始 начать и др.; 2. глаголы, выражающие существование и изменения: 有 иметь, 在 быть, 变化 изменяться и др. 3. глаголы, выражающие психологические состояния: 爱 любить, 怕 бояться и др.; 4. глаголы, выражающие отношения между вещами: 是 являться, 等于 равняться и др.; 5. глаголы,

выражающие готовность: 能 *мочь*, 会 *уметь* и др.; 6. глаголы, обозначающие движение: 上 *подниматься*, 下 *спускаться* и др. Интересной представляется позиция исследователя по поводу причастий и деепричастий. В китайском языке нет термина для обозначения причастия. Основной причиной, по которой причастия не выделяются в китайской грамматике, Чжао Юньпин считает простоту их образования. В китайском языке причастия образуются путем прибавления к глаголу частицы 的. Причастия достаточно широко используются в китайской речи. Также в китайском языке нет термина для обозначения деепричастия. Китайские деепричастия не имеют никаких морфологических признаков и могут быть поняты только из контекста. В русском языке причастия и деепричастия имеют явные морфологические признаки. Многие китайские наречия являются непроизводными. В китайском языке вопросительные наречия не относятся к наречиям и входят в состав местоимений. К китайским наречиям относят модальные частицы и отрицательные слова. Слова категории состояния в китайском языке труднее охарактеризовать, чем в русском. Чжао Юньпин предлагает воспринимать их как наречия или рассматривать как глаголы. В русском языке предлоги могут выражать различные отношения: 1) пространственные (между, посередине, сверху и т.д.); 2) временные (в течение, после и т.д.); 3) причинные (ради, благодаря и т.д.); 4) целевые (с целью, за и т.д.); 5) объектные отношения (о, по); 6) отношения потери (без, кроме); 7) сравнительные отношения (наподобие) и др. В китайском языке предлоги сходны по своему значению с русскими. Структура китайских предлогов очень проста. Они оформляются в одно слово. В русском языке широко представлены частицы. В китайском языке частицы можно разделить на четыре группы: утвердительные, вопросительные, экспрессивные и восклицательные. В китайском предложении частицы ставятся в конце предложения, но иногда могут находиться в середине. В русском и китайском языках выделяются сочинительные и подчинительные союзы. Сочинительные союзы в китайском предложении указывают на то, что соединяемые ими компоненты имеют одинаковое грамматическое значение (*и, но, не только, но и...*). Подчинительные союзы в китайском языке выполняют такую же функцию, что и в русском языке, и в основном используются для связи частей сложносочиненного предложения. По структуре в русском языке можно выделить простые и сложные союзы. Простые связки состоят из одного слова (*и, да, чтобы*). Сложные союзы состоят минимум из двух слов (*затем чтобы, несмотря на то, что и т.д.*). В китайском языке союзы состоят из одного или двух иероглифов (和, 跟, 同, 但是 и т.д.). Союзов, состоящих из трех иероглифов, не существует. Для китайского языка характерны двойные связки (*要么..... 要么....., 虽然..... 但是.....* и т.д.). Китайские междометия по значению сходны с русскими междометиями, но некоторые расхождения прослеживаются. Междометия не имеют смыслового значения и выражают лишь модальное значение. Русские междометия обычно ставятся в начале или в середине предложения или оформляются отдельно. Примерно также и в китайском языке. По значению русские междометия можно разделить на три основные группы: 1) модальные междометия (*о, ой, м-да и др.*); 2) эмоциональные (*алло, караул, цыц* и т.п.); 3) этикетные (*спасибо, здравствуйте, до свидания*). В принципе, можно считать, что данная классификация применима к китайскому языку, однако есть определенные различия. Русские междометия *спасибо, до свидания* и другие в китайском языке вообще не считаются междометиями.

Грамматические особенности языков проявляются и на уровне синтаксиса. Так, для русских предложений характерны достаточно свободный порядок слов, разветвленная система согласования в роде, числе и падеже, сложные синтаксические конструкции с разными видами

связи (сочинительной, подчинительной, однородными членами и др.) Лингвисты связывают такую сложную структуру русских предложения с русской национальной культурой [13, с. 36]. Для китайского синтаксиса характерен строгий порядок слов и определенная структура. Слова в китайском предложении связаны при помощи служебных слов (предлогов, союзов, частиц, классификаторов), в редких случаях — интонацией [8, с. 36]. Одной из характерных особенностей китайского синтаксиса является то, что при соединении частей сложного предложения не используются союзы, части сложного предложения соединяются по смыслу. С другой стороны, использование союзов в китайском языке больше характерно для письменной речи, в устной речи они используются крайне редко. Еще одной особенностью китайского синтаксиса является наличие усложненных предложений, представляющих собой промежуточные структуры между простыми и сложными предложениями [4, с. 292].

Таким образом, сопоставительное описание позволяет выявить грамматические особенности русского и китайского языков. В русском языке грамматические значения слов (категории рода, числа, падежа, лица, времени и др.) выражаются формами самих слов. В русском языке грамматические значения очень абстрактны, поэтому в нем много частей речи, а синтаксис характеризуется условно отсутствием четкого порядка слов в предложении, достаточно разветвленным видом согласования слов в роде, числе и падеже. В китайском языке способы выражения грамматических значений слов проще, чем в русском языке. В китайском языке нет склонения (изменения по падежам), спряжений глаголов. В китайском языке синтаксические структуры формируются с помощью строгого порядка слов, служебных слов и в редких случаях интонацией. Особый интерес в китайском синтаксисе представляют так называемые усложненные предложения, которые обладают свойствами простых и сложных предложений.

Литература

1. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. 1989. М.: Высш. шк. 157 с.
2. Бакеева Д.Х. Сопоставительная фонетика английского и татарского языков. 1985. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 129 с.
3. Бачурин В.В. Методы заимствования терминологии в области информационных технологий в китайском языке [Электронный ресурс] // Филологические науки. 2017. № 10 (64). DOI: 10.23670/IRJ.2017.64.70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-zaimstvovaniya-terminologii-v-oblasti-informatsionnyh-tehnologiy-v-kitayskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 29.04.2024).
4. Бурмистрова Т.А., Колбасенкова А.Е. Национально-культурные особенности в языке и их учет в процессе обучения русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-osobennosti-v-yazyke-i-ih-uchet-v-protsesse-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 20.05.2024)
5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 2006. М.: URSS; ЛЕНАНД. 287 с.
6. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. 1979. М.: Просвещение. 192 с.
7. Горелов В.И. Грамматика китайского языка. 2013. М.: Книга по Требованию. 279 с.
8. Гурулева Т.Л. Типологические различия китайского и русского языков: функциональный, структурный и квантитативный анализ [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875).

- С. 30-39. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-razlichiya-kitayskogo-i-russkogo-yazykov-funktionalnyu-strukturnyu-i-quantitativnyu-analiz> (дата обращения: 05.05.2024)
9. Драгунов А.А., Чжоу Сунюань. Начальная грамматика китайского языка. 1934. Хабаровск: Дальгиз. 112 с.
 10. Загайтоков А.Х., Гедгафова Ж.М. Некоторые аспекты сопоставительного описания лексики русского и кабардино черкесского языков [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). С. 199-201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sopostavitelnogo-opisaniya-leksiki-russkogo-i-kabardino-cherkesskogo-yazykov> (дата обращения: 01.05.2024)
 11. Ивченко Т.В. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. 2022. М.: Издательство АСТ. 736 с.
 12. Ли Сяогэ. Способы словосложения в русском и китайском языках: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. 2023. М. 25 с.
 13. Мельникова А.А. Синтаксис языка и национальная специфика способа деятельности: социально-философский аспект [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 21-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz/viewer> (дата обращения: 10.05.2024)
 14. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. 1933. Ташкент: ГОСИЗДАТ УзССР. 182 с.
 15. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 2023. М.: Айрис-Пресс. 386 с.
 16. Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 1980. М.: Наука. 783 с.
 17. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. 2007. М.: АСТ: Восток-Запад. 284 с.
 18. Смирницкий А.И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. 1955. М.: Изд-во Моск. ун-та. 57 с.
 19. Стернин И.А., Стернина М.А. Теоретические проблемы сопоставительных исследований // Сопоставительные исследования. 2015. Воронеж: «Истоки». С. 3-11.
 20. Чжао Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. 2003. М.: Издательская группа «Прогресс». 460 с.
 21. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 1974. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние. 427 с.
 22. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. 1981. М.: Наука. 111 с.
 23. 崔崑, 丁文博. 日源外来词探源. 2013. 广州: 世界图书出版广东有限公司. 196 页.
 24. 王良杰, 梁华. 现代汉语中日语借词的分类. 辽东学院学报 (社会科学版) 第17卷第3期. 2015年6月. 93–98 页.

References

1. Arakin V.D. Tipologiya yazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniya [Language Typology and the Problem of Methodological Prediction]. 1989. Moscow: Vyssh. shk. 157 p. (In Russ.)
2. Bakeeva D.Kh. Sopostavitel'naya fonetika angliiskogo i tatarskogo yazykov [Comparative Phonetics of the English and Tatar Languages]. 1985. Kazan': Publ. Kazan. un-ta. 129 p. (In Russ.)
3. Bachurin V.V. Metody zaimstvovaniya terminologii v oblasti informatsionnykh tekhnologii v

kitaiskom yazyke [Methods of Terminology Borrowing in the Field of Information Technologies in the Chinese Language] [Elektronnyi resurs]. *Filologicheskie nauki = Philology*. 2017, no. 10 (64). DOI: 10.23670/IRJ.2017.64.70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-zaimstvovaniya-terminologii-v-oblasti-informatsionnyh-tehnologiy-v-kitayskom-yazyke/viewer> (Accessed: 29.04.2024) (In Russ.).

4. Burmistrova T.A., Kolbasenkova A.E. Natsional'no-kul'turnye osobennosti v yazyke i ikh uchet v protsesse obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [National and Cultural Peculiarities in the Language and Their Consideration in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language] [Elektronnyi resurs]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*. 2022, no. 2 (93). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-osobennosti-v-yazyke-i-ih-uchet-v-protsesse-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (Accessed: 20.05.2024) (In Russ.).

5. Gak V.G. Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of the French and Russian Languages]. 2006. Moscow: URSS; LENAND. 287 p. (In Russ.)

6. Gorelov V.I. Stilistika sovremennogo kitaiskogo yazyka [Stylistics of the Modern Chinese Language]. 1979. Moscow: Prosveshchenie. 192 p. (In Russ.)

7. Gorelov V.I. Grammatika kitaiskogo yazyka [Chinese Grammar]. 2013. Moscow: Kniga po Trebovaniyu. 279 p. (In Russ.)

8. Guruleva T.L. Tipologicheskie razlichiya kitaiskogo i russkogo yazykov: funktsional'nyi, strukturnyi i kvantitativnyi analiz [Typological Differences between Chinese and Russian Languages: Functional, Structural and Quantitative Analysis] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2023. Iss. 7 (875), pp. 30-39. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-razlichiya-kitaiskogo-i-russkogo-yazykov-funktsionalnyy-strukturnyy-i-quantitativnyy-analiz> (Accessed: 05.05.2024) (In Russ.).

9. Dragunov A.A., Chzhou Sunyuan'. Nachal'naya grammatika kitaiskogo yazyka [Basic Chinese Grammar]. 1934. Khabarovsk: Dal'giz. 112 p. (In Russ.)

10. Zagastokov A.Kh., Gedgafova Zh.M. Nekotorye aspekty sopostavitel'nogo opisaniya leksiki russkogo i kabardino cherkesskogo yazykov [Some Aspects of the Comparative Description of the Russian and Kabardian Vocabulary] [Elektronnyi resurs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Questions of Theory and Practice*. 2016, no. 12 (66), pp. 199-201. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-sopostavitelnogo-opisaniya-leksiki-russkogo-i-kabardino-cherkesskogo-yazykov> (Accessed: 01.05.2024) (In Russ.).

11. Ivchenko T.V. Kitaiskii yazyk. Polnaya grammatika v skhemakh i tablitsakh [The Chinese Language. Full Grammar in Schemes and Tables]. 2022. Moscow: Publ. AST. 736 p. (In Russ.)

12. Li Syaoge. Sposoby slovoslozheniya v russkom i kitaiskom yazykakh: avtoreferat diss. ...kand. filol. nauk [Means of Word Formation in the Russian and Chinese Languages. Ph. D. (Philology) Thesis]. 2023. Moscow. 25 p. (In Russ.)

13. Mel'nikova A.A. Sintaksis yazyka i natsional'naya spetsifika sposoba deyatelnosti: sotsial'no-filosofskii aspekt [Language Structure and National Features of Activities: A Philosophical Anthropological Analysis] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Proceedings of Russian State Pedagogical University Named after A.I. Gertsen*. 2006, no. 21-1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-yazyka-i-natsionalnaya-spetsifika-sposoba-deyatelnosti-sotsialno-filosofskii-analiz/viewer> (Accessed: 10.05.2024) (In Russ.).

14. Polivanov E.D. Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom [Russian Grammar in Comparison with the Uzbek Language]. 1933. Tashkent: GOSIZDAT UzSSR. 182 p. (In Russ.)
15. Rozental' D.E. Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke [Guide to Spelling and Literary Editing]. 2023. Moscow: Airis-Press. 386 p. (In Russ.)
16. Russkaya grammatika. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian Grammar. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology]. 1980. Moscow: Nauka. 783 p. (In Russ.)
17. Semenas A.L. Leksika kitaiskogo yazyka [Chinese Lexicon]. 2007. Moscow: AST: Vostok-Zapad. 284 p. (In Russ.)
18. Smirnitskii A.I. Sravnitel'no-istoricheskii metod i opredelenie yazykovogo rodstva [Comparative and Historical Method and Description of Linguistic Affinity]. 1955. Moscow: Publ. Mosk. un-ta. 57 p. (In Russ.)
19. Sternin I.A., Sternina M.A. Teoreticheskie problemy sopostavitel'nykh issledovaniy [Theoretical Problems of Comparative Researches]. *Sopostavitel'nye issledovaniya = Comparative Researches*. 2015. Voronezh: «Istoki», pp. 3-11 (In Russ.).
20. Chzhao Yun'pin. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kitaiskogo yazykov [Comparative Grammar of the Russian and Chinese Languages]. 2003. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress». 460 p. (In Russ.)
21. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language System and Speech Activity]. 1974. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie. 427 p. (In Russ.)
22. Yartseva V.N. Kontrastivnaya grammatika [Contrastive Grammar]. 1981. Moscow: Nauka. 111 p. (In Russ.)
23. 崔崑, 丁文博. 日源外来词探源. 2013. 广州: 世界图书出版广东有限公司. 196 页.
24. 王良杰, 梁华. 现代汉语中日语借词的分类. 辽东学院学报 (社会科学版) 第17卷第3期. 2015年6月. 93–98 页.

Информация об авторе

Бурмистрова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет (ФГБОУ ВО РГГМУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: burmistrova_07@mail.ru

Information about the author

Tatiana A. Burmistrova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Domestic Philology and Russian as a Foreign Language, Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: burmistrova_07@mail.ru

Получена 10.07.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 10.07.2024
Accepted 15.09.2024

Лингвосемиотический метод исследования в политической коммуникативистике

Исхакова З.З.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: ishakova.zemfiraiz@yandex.ru

Данная статья посвящена лингвистическому подходу в новой междисциплинарной области знаний, именуемой как «политическая коммуникативистика». Автор среди лингвистических методов выделяет лингвосемиотический, направленный на дешифрирование речеповеденческих кодов в контексте коммуникативных стратегий. Отмечается важность эмотивных кодов в процессе транслирования информации в институциональном дискурсе. В работе приводятся примеры использования коммуникативных стратегий в современном институциональном общении национального варианта с учетом суггестивного и прагматического потенциала на основе отечественных и зарубежных исследований.

Ключевые слова: политическая коммуникативистика, лингвистический подход, лингвосемиотический метод, речеповеденческие коды, эмотивные коды, коммуникативные стратегии, институциональное общение, суггестивный потенциал, экспрессивность.

Для цитаты: Исхакова З.З. Лингвосемиотический метод исследования в политической коммуникативистике [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 15–21. DOI:10.17759/langt.2024110302

Linguosemiotic Method of Research in Political Communicativism

Zemfira Z. Iskhakova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
e-mail: ishakova.zemfiraiz@yandex.ru

This article is devoted to the linguistic approach in a new interdisciplinary field of knowledge called “political communicativism”. Among linguistic methods, the author singles out linguosemiotic method, aimed at decoding speech-behavioural codes in the context of communicative strategies. The importance of emotive codes in the process of information broadcasting in institutional discourse is noted. The paper provides examples of the use of communicative strategies in modern

institutional communication of the national variant taking into account the suggestive and pragmatic potential on the basis of domestic and foreign studies.

Keywords: political communicativism, linguistic approach, linguosemiotic method, speech-behavioral codes, emotive codes, communicative strategies, institutional communication, suggestive potential, expressiveness.

For citation: Iskhakova Z.Z. Linguosemiotic Method of Research in Political Communicativism. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 15–21. DOI:10.17759/langt.2024110302 (In Russ.).

Современная наука о языке характеризуется развитием внешней лингвистики [15], востребованной во всех областях научного знания, тем самым обуславливая развитие новых межпарадигмальных исследований, среди которых отмечают политическую коммуникативистику. Эта отрасль знания, получившая свое начало развития в середине XX века, призвана изучать «*природу и строение информационно-политической сферы общественной жизни, характерные для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов*» [14, с. 5]. Сложность и многогранность коммуникативистики в политическом контексте характеризуется ее широкой методологией, в рамках которой существует лингвистический подход. Он строится на нескольких методах, например, таких, как критический дискурс-анализ (Р. Водак, Тен Ван Дейк), проводимый на уровнях микроструктуры и макроструктуры текста; когнитивный метод, включающий концептуальный анализ (Е.И. Шейгал, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков) и метафорическое моделирование (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов); лингвоидеологический анализ политической коммуникации (Н.А. Купина, Т. Ван Дейк); описательный метод, в котором выделяются лингвостилистическое направление (П.Н. Денисов), риторическое направление (М.В. Гаврилова), семантическое направление (Р.М. Блакар), лингвистическая теория аргументации (А.Н. Баранов) и психолингвистическое направление (Е.Б. Шестопал); количественный анализ в виде контент-анализа (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов) [2]; а также информационно-семиотический метод, основанный на дешифрировании смыслов дейктических единиц [7].

В начале XXI века проникновение в контекстуальные смыслы посредством кодовых составляющих текста становится более актуальным по сравнению с предыдущим столетием. В эпоху постмодернизма постструктуралистский подход особенно востребован в гуманитарном знании [9]. Таким образом, современное научное знание об обществе и культуре развивается в рамках методологических изменений [1], среди которых достойное место занимает информационно-семиотический метод в антропоцентрическом ключе. Он позволяет определить прагматический, интенциональный контекст продуцируемого дискурса и механизмы речевого воздействия на сознание представителей разных культур. При этом институциональное общение находится в центре внимания ученых, изучающих корреляцию между текстом, мышлением, культурой и политическими событиями в определенный исторический период [17; 3], включая цифровизацию общества [22].

Основная функция дискурса институционального общения состоит в транслировании информации посредством убеждения массового сознания, что обусловлено интенцией отправителя информации [19]. Как отмечает профессор Л.Н. Тимофеева, язык есть

«средство социального контроля» [16, с. 77]. Речевое воздействие происходит через вектор доминирования адресанта над массовым сознанием [3], воплощенный в коммуникативных стратегиях [5], например, как «свои и чужие» или стратегии театральности [18].

Кодовые единицы дискурса являются важной составляющей коммуникативных стратегий. Профессор С.В. Иванова дает следующее определение речеповеденческому коду: это «система культурно-языковых соответствий, характеризующая то или иное лингвокультурное сообщество и выработанная им в процессе познания и описания окружающей действительности» [4, с. 80]. Перечень коммуникативных кодов достаточно широк. Здесь выделяют эмотивные, невербальные, пространственные, временные, гендерные и другие коды. За суггестивный потенциал текста при этом отвечают эмотивные знаки [8]. Речеповеденческие коды строятся на разных уровнях языковой системы, а именно: фонетических, семантических, синтактико-стилистических, образуя таким образом вектор коммуникативной направленности.

В качестве примера использования коммуникативных стратегий и соответствующих им коммуникативных кодов можно отметить когнитивно-семиотические особенности обращений политических деятелей к своему народу в период кризисных коммуникаций. Так, в институциональном общении между лидером государства и его народом в период пандемии COVID-19 на территории европейских стран использовались фреймы (или контексты) культурно-исторического характера [24]. Политические лидеры Австрии, Германии, Франции, Венгрии, Финляндии и Швеции составляли свои уникальные типы дискурса, как по форме, так и по содержанию, в рамках максимально понятного для массового сознания культурно-исторического контекста. Например, это были контекст борьбы с пандемией как призыв к войне во Франции, реализуемый через образно-эмотивные обращения Эммануэля Макрона к французскому народу (*We are at war*) и контекст отрицания смертельной опасности, как в Швеции, где не устанавливались жесткие рамки масочного режима и строгие дистанции в пространстве коммуникации, по-видимому, во имя соблюдения демократических принципов [24]. Характер лингвосомиотического оформления политического выступления с его лингвокультурными особенностями, с одной стороны, отражал понятный для массового сознания культурный контекст, а с другой стороны, определил в некоторой степени состояние сложившейся эпидемиологической ситуации в государстве. Так, Южная Корея и Финляндия продемонстрировали достаточно положительную динамику в период пандемии COVID-19 [12]. Со стороны государства не было стремления многократно убеждать общество соблюдать установленные правила согласно исторически устоявшемуся в обществе институциональному доверию. Многочисленные экспрессивные коды, как в других европейских государствах, здесь в политической речи не использовались. В целом среди современных коммуникативных тенденций в дискурсе, транслируемом властью, следует отметить нивелирование границ между особенностями институционального и межличностного общения, что характеризуется наличием и в том, и в другом типе коммуникации просторечных, эмотивно-экспрессивных речевых приемов-кодов [11].

Коммуникативные стратегии структурируют риторику коммуникативного имиджа политика [6]. В диссертации А.А. Поляковой в рамках исследования риторики электоральных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон выявлена интенционально-коммуникативная составляющая политического дискурса в виде обращения к проблеме безопасности страны, которая, по мнению претендентов на пост американского президента,

имеется со стороны России, Ирана и Китая [13, 20]. Как отмечает автор, безопасность является одной из мишеней речевого воздействия американских спикеров, реализуемой посредством разных речевых приемов, образующих, в свою очередь, вектор направленности коммуникативной стратегии [13]. В выступлениях Д. Трампа палестинцы — *they*, в то время как Израиль — *we*. Об американско-израильских отношениях Дональд Трамп говорит экспрессивно, используя оценочное прилагательное *unbreakable* (*unbreakable friendship*) с эмотивным отрицательным префиксом *-un*. В этой связи привлекает внимание использование в речи максимально действенных знаков выражения экспрессивности, а именно эмотива-номинатива «love» и его синтактико-стилистического оформления в виде повтора [8], что, по-видимому, приближает спикера к своему электорату: *I love the people in this room. I love Israel. I love Israel...* [21]. Все это подчеркивает идею коммуникативной дихотомии «свои и чужие» в обращении политика к американскому обществу.

Кроме того, коммуникативные коды выражают культурнообусловленный характер коммуникативных стратегий косвенной институциональной коммуникации через медиасферу [23]. В диссертации А.И. Ишемгуловой на основе конвергенции лингвистических методов, включая информационно-семиотический метод, автор приходит к общим выводам о преобладании в информационном пространстве глобального интернет-дискурса в рамках определенных политических событий (газового кризиса в Европе, нефтяной ценовой войны и Северного потока-2 в 2020 — 2021 гг.) нескольких стратегий: 1) стратегии на поддержание и разжигание конфликта между сторонами в медиатекстах на английском языке (*The Economist, The Guardian, The Washington Post*), 2) стратегии выжидания в текстах на арабском языке (*Aljazeera, Sputnik News*), 3) стратегии гармонизации в официальных информационных медиаисточниках на русском языке (*газета — Коммерсант, Парламентская газета, Московский комсомолец, РИА новости*) [10].

Таким образом, роль лингвистического подхода в политической коммуникативистике сложно переоценить. Осведомленность в области речеповеденческих кодов и основанных на них коммуникативных стратегий обуславливает корректное дешифрирование транслируемой информации. Дальнейшая перспектива развития политической коммуникативистики представляется в рамках конвергенции лингвистических методов. При этом привлечение семиотического эмотивно-экспрессивного инструмента обусловит получение максимально валидных эмпирических данных суггестивного и прагматического характера на материале институциональной коммуникации, востребованной на сегодняшний день в свете актуальности полипарадигмальных исследований в период кризисных коммуникаций и информационной напряженности в мире.

Литература

1. Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре // Новое литературное обозрение. 2017. 504 с.
2. Гаврилова М.В. Лингвистический метод исследования политических коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. 2012. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 258-278.
3. Дейк, Тен Ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. 2013. М.: URSS. 344 с.
4. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. 2010. Уфа: РИЦ БашГУ. 366 с.

5. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2002. УРСС. 284 с.
6. *Исхакова З.З., Преждарова В.Г.* Коммуникативный имидж главы государства в период четвертой индустриальной революции (на примере структурно-семиотического анализа Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1 марта 2018 г.) // *Коммуникология*. 2020. Том 8. № 4. С. 100-111. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-4-100-111
7. *Исхакова З.З.* Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере. 2019. М.: Флинта. 350 с.
8. *Исхакова З.З.* Гендерный эмотивный дейксис. 2019. М.: Флинта. 199 с.
9. *Ирхин Ю.В.* Постмодернистские и постструктуралистские теории, подходы и методы изучения политической коммуникации // *Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика* / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. 2012. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 208-234.
10. *Ишемгулова А.И.* Дискурсивные особенности использования нефтегазовой терминологии в межкультурной кризисной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. 2022. Уфа. 203 с.
11. *Катышева Л.В.* «Простой и понятый язык» как новый тренд коммуникации государства и общества // *Коммуникология*. 2022. Том 10. № 2. С. 85-94. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-85-94
12. *Катышева Л.В.* Финские и южнокорейские практики как основа для поиска универсальных подходов к кризисным коммуникациям в период пандемии COVID-19 // *Коммуникология*. 2021. Том 9 (4). С. 66-82. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-66-82
13. *Полякова А.А.* Средства речевой манипуляции в американском предвыборном дискурсе (на материале электоральных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон): дисс. ... канд. филол. наук. 2019. Уфа. 238 с.
14. *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // *Полис: Политические исследования*. 2002. М. № 3. С. 5–18.
15. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. 1998. М.: Логос. 296 с.
16. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 74-100.
17. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. 2003. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 248 с.
18. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. 2000. Волгоград. 440 с.
19. *Chomsky N.* Media control: the spectacular achievements of Propaganda. Second edition. Seven stories press. 2002. New York. 107 p.
20. Donald Trump: Amateur hour with the Iran nuclear deal [Электронный ресурс] // *The USA Today*. 2015. 8 September. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2015/09/08/donald-trump-amatehour-iran-nuclear-deal-column/71884090/> (дата обращения: 30.08.2024)
21. Donald Trump: Full Text of Donald Trump’s Speech to AIPAC 2016. 22 March [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalvanguard.org/2016/03/full-text-of-donald-trumps-speech-to-airac/> (дата обращения: 30.08.2024)
22. Dunt I. How Westminster works...and why it doesn’t. 2023. London EC4Y ODZ. 431 p.
23. *Iskhakova Z.Z.* Language, Culture and Emotions in Communication: Semiotic Dimension // *Global Journal of Human-Social Science*. 2023. № 23(C3), pp. 9–12.
24. *Wodak, Ruth.* Crisis Communication and crisis management during COVID-19 // *Global Discourse*. 2021. № 11 (3), pp. 329-353.

References

1. Bakhman-Medik D. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture [Cultural Turns. New Orienteers in Cultural Sciences]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2017. 504 p. (In Russ.)
2. Gavrilova M.V. Lingvisticheskii metod issledovaniya politicheskikh kommunikatsii [Linguistic Method of Studying Political Communication]. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika = Political Communicativism: Theory, Methodology and Practice*. In L.N. Timofeeva (ed.). 2012. Moscow: Rossiiskaya assotsiatsiya politicheskoi nauki (RAPN); Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 258-278 (In Russ.).
3. Deik, Ten Van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and Authority: Representation of Dominance in Language and Communication]. In E. Pereverzev, E. Kozhemyakin (transl.). 2013. Moscow: URSS. 344 p. (In Russ.)
4. Ivanova S.V., Chanysheva Z.Z. Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya [Linguoculturology: Problems, Searches, Decisions]. 2010. Ufa: RITs BashGU. 366 p. (In Russ.)
5. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 2002. URSS. 284 p. (In Russ.)
6. Iskhakova Z.Z., Prezhdarova V.G. Kommunikativnyi imidzh glavy gosudarstva v period chetvertoi industrial'noi revolyutsii (na primere strukturno-semioticheskogo analiza Poslaniya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu 1 marta 2018 g.) [Communicative Image of the State Head in the Period of 4th Industrial Revolution (on the Example of Structural-Semiotic Analysis of the Message from Russian President to Federal Assembly (1st March 2018))]. *Kommunikologiya = Communicology*. 2020. Vol. 8, no. 4, pp. 100-111. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-4-100-111 (In Russ.)
7. Iskhakova Z.Z. Emotivno-deikticheskaya konstanta v semiosfere [Emotive-Deictic Constant in the Semiosphere]. 2019. Moscow: Flinta. 350 p. (In Russ.)
8. Iskhakova Z.Z. Gendernyi emotivnyi deiksis [Gender Emotive Deixis]. 2019. Moscow: Flinta. 199 p. (In Russ.)
9. Irkhin Yu.V. Postmodernistskie i poststrukturalistskie teorii, podkhody i metody izucheniya politicheskoi kommunikatsii [Postmodernist and Poststructuralist Theories, Approaches and Methods of Studying Political Communication]. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika = Political Communicativism: Theory, Methodology and Practice*. In L.N. Timofeeva (ed.). 2012. Moscow: Rossiiskaya assotsiatsiya politicheskoi nauki (RAPN); Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 208-234 (In Russ.).
10. Ishemgulova A.I. Diskursivnye osobennosti ispol'zovaniya neftegazovoi terminologii v mezhkul'turnoi krizisnoi kommunikatsii: diss. ... kand. filol. nauk [Discourse Peculiarities of Using Oil and Gas Terminology in Intercultural Crisis Communication. Ph.D. (Philology) Thesis]. 2022. Ufa. 203 p. (In Russ.)
11. Katysheva L.V. «Prostoi i ponyaty yazyk» kak novyi trend kommunikatsii gosudarstva i obshchestva [Plain and Easy Language as a New Trend of Communication between the State and Society]. *Kommunikologiya = Communicology*. 2022. Vol. 10, no. 2, pp. 85-94. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-85-94
12. Katysheva L.V. Finskie i yuzhnokoreiskie praktiki kak osnova dlya poiska universal'nykh podkhodov k krizisnym kommunikatsiyam v period pandemii COVID-19 [Finnish and South Korean Practices as a Basis for Finding Universal Approaches to Crisis Communications during the COVID-19 Pandemic]. *Kommunikologiya = Communicology*. 2021. Vol. 9 (4), pp. 66-82. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-66-82

13. Polyakova A.A. Sredstva rechevoi manipulyatsii v amerikanskom predvybornom diskurse (na materiale elektoral'nykh vystuplenii D. Trampa i Kh. Klinton): diss. ... kand. filol. nauk [Means of Speech Manipulation in American Pre-election Discourse (on the Material of Electoral Speeches of D. Trump and H. Clinton)]. 2019. Ufa. 238 p. (In Russ.)
14. Solov'ev A.I. Politicheskaya kommunikatsiya: k probleme teoreticheskoi identifikatsii [Political Communication: towards the Problem of Theoretical Identification]. *Polis: Politicheskie issledovaniya = Polis: Political Researches*. 2002. Moscow, no. 3, pp. 5–18 (In Russ.).
15. Sossyur F. Kurs obshchei lingvistiki [Course of General Linguistics]. 1998. Moscow: Logos. 296 p. (In Russ.)
16. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: mirovaya i rossiiskaya proektsii [Political Communicativism: World and Russian Projections]. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2016, no. 2, pp. 74-100 (In Russ.).
17. Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii: monografiya [Metaphorical Mosaics in Modern Political Communication: a monograph]. 2003. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. 248 p. (In Russ.)
18. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: diss. ... dokt. filol. nauk [Semiotics of Political Discourse. Dr. Sci. (Philology) Thesis]. 2000. Volgograd. 440 p. (In Russ.)
19. Chomsky N. Media control: the spectacular achievements of Propaganda. Second edition. Seven stories press. 2002. New York. 107 p.
20. Donald Trump: Amateur hour with the Iran nuclear deal [Электронный ресурс] // The USA Today. 2015. 8 September. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2015/09/08/donald-trump-amatehour-iran-nuclear-deal-column/71884090/> (дата обращения: 30.08.2024)
21. Donald Trump: Full Text of Donald Trump's Speech to AIPAC 2016. 22 March [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalvanguard.org/2016/03/full-text-of-donald-trumps-speech-to-aipac/> (дата обращения: 30.08.2024)
22. Dunt I. How Westminster works...and why it doesn't. 2023. London EC4Y ODZ. 431 p.
23. Iskhakova Z.Z. Language, Culture and Emotions in Communication: Semiotic Dimension // *Global Journal of Human-Social Science*. 2023. № 23(C3), pp. 9–12.
24. Wodak, Ruth. Crisis Communication and crisis management during COVID-19 // *Global Discourse*. 2021. № 11 (3), pp. 329-353.

Информация об авторе

Исхакова Земфира Зульфугаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры международной политики и зарубежного регионоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ishakova.zemfiraiz@yandex.ru

Information about the author

Zemfira Z. Iskhakova, Doctor in Philology, Professor, Department of International Politics and Foreign Regional Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: ishakova.zemfiraiz@yandex.ru

Получена 01.09.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 01.09.2024
Accepted 15.09.2024

Междометия как средства выражения эмпатии в русскоязычной сетевой коммуникации

Пивоварчик Т.А.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ГрГУ им. Я. Купалы),
г. Гродно, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-281X>, e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Работа посвящена особенностям использования интернет-собеседниками междометий как средств выражения эмпатии в комментариях-реакциях на посты в социальной сети TikTok. Установлено, что дискурсивные практики сострадания вовлекают значительно большее количество пользователей, чем практики сорадования, и, соответственно, демонстрируют более широкую палитру междометных реакций. Проанализировано 60 русскоязычных сетевых полилогов (тредов), объединяющим дискурсообразующим признаком которых является коллективное интенциональное состояние сорадования. На основе лингвопрагматического и дискурсивного подходов рассматривается связь между реализуемыми интенционально-иллокутивными смыслами междометий и их регулятивно-диалоговым потенциалом в опосредованной сетевым форматом коммуникации. При оформлении эмоциогенного контента автор видеопоста может предлагать аудитории междометные стимулы, оформляемые в виде надписей на сообщении или в виде хэштегов. Цель инициатора сетевой коммуникации — получить одобрение и поддержку со стороны остальных пользователей сети и воздействовать на их эмоциональное состояние. Анализ показал, что в сетевом «устно-письменном» общении на междометия, употребленные одними пользователями, интеръективно реагируют другие участники общения, в результате в виртуальном полилоге прослеживаются не только повторы, но и целые цепочки одних и тех же или близких по семантике и прагматике междометных единиц. Репертуар и характер использования междометий как средств выражения эмоций онлайн-собеседников демонстрируют свою обусловленность медиакультурой TikTok как особой цифровой платформы. К специфичным явлениям такой медиакультуры относятся представления пользователей о допустимых нормах эмоциональных проявлений и устойчиво воплощаемых в общении когнитивных сценариях эмоций. Наблюдения за употреблением междометий показали, что общение в социальных сетях может иметь квази- или псевдоэмпатический характер.

Ключевые слова: русский язык, междометие, эмпатия, эмпатический дискурс, сетевая коммуникация, сетевой дискурс.

Для цитаты: Пивоварчик Т.А. Междометия как средства выражения эмпатии в русскоязычной сетевой коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 22–32. DOI:10.17759/langt.2024110303

Interjections as Means of Expressing Empathy in Russian-language Network Communication

Tamara A. Pivavarchyk

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-281X>, e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

The work is devoted to the peculiarities of the use of interjections by Internet communicants as a means of expressing empathy in comments-reactions to posts on the social network TikTok. It has been established that discursive practices of compassion involve a significantly larger number of users than practices of co-rejoicing, and, accordingly, demonstrate a wider range of interjection reactions. The author analyzed 60 Russian-language network polylogues (threads), the unifying discourse-forming feature of which is the collective intentional state of rejoicing. Based on linguopragmatic and discursive approaches, the relationship between the realized intentional-illocutionary meanings of interjections and their regulatory-dialogue potential in communication mediated by a network format is considered. When creating emotiogenic content, the author of a video post can offer the audience interjection stimuli, presented in the form of captions on the message or in the form of hashtags. The goal of the initiator of network communication is to gain approval and support from other network users and influence their emotional state. The analysis showed that in network “oral-written” communication, other participants in the communication react interactively to interjections used by some users; as a result, not only repetitions are traced in the virtual polylogue, but also entire chains of the same or similar interjections in semantics and pragmatics units. The repertoire and ways of using interjections as a means of expressing the emotions of online interlocutors demonstrate their conditioning by the media culture of TikTok as a special digital platform. Specific phenomena of such media culture include users’ ideas about acceptable norms of emotional manifestations and cognitive scenarios of emotions that are consistently embodied in communication. Observations of the use of interjections have shown that communication on social networks can have a quasi- or pseudo-empathic meaning.

Keywords: Russian language, interjection, empathy, empathic discourse, network communication, network discourse.

For citation: Pivavarchyk T.A. Interjections as Means of Expressing Empathy in Russian-language Network Communication. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 22–32. DOI:10.17759/langt.2024110303 (In Russ.).

Введение

Сетевая коммуникация занимает все более важное место во всех институциональных и

межличностных дискурсах, привнося в последние свои нормы и правила, в том числе и повышенную эмоциональность. И уже никого не удивляет, когда пресс-служба министерства по чрезвычайным ситуациям разъясняет правила поведения во время пожара с помощью «мемных котиков», а пользователь социальной сети делится переживаниями по поводу своей частной проблемы с совершенно незнакомой и неограниченно широкой аудиторией. Сетевое пространство заполняют аттрактивные, «инсталяционные» речевые жанры: фатические, смеховые, агрессивные [9, с. 99]. Как часть фатического общения в разных сетевых жанрах и дискурсах проявляет себя и эмпатия — *«искреннее сопереживание эмоциональному состоянию другого, способность разделить его ощущения и настроения, постижение эмоционального состояния, понимание другого человека путем эмоционального вчувствования в его переживания и действенная помощь»* [11, с. 150]. Будучи важнейшей составляющей институциональных и межличностных дискурсов, эмпатия способствует гуманизации общения, *«побуждает к положительному настрою, стимулирует выход сознания адресата за рамки данной исходной ситуации и делает его свободным, сильным и оптимистичным»* [15, с. 176]. В данной работе анализируются особенности использования междометных единиц (интеръективов) как средств выражения эмпатии в комментариях-реакциях на посты в социальной сети TikTok. На основе лингвопрагматического и дискурсивного подходов рассматривается связь между реализуемыми интенционально-иллокутивными смыслами междометий и их регулятивно-диалоговым потенциалом в опосредованной сетевым форматом коммуникации. Особое внимание уделяется такому аспекту эмпатической онлайн-коммуникации, как паттерны эмпатийного взаимодействия в диадах «автор поста → комментатор», «комментатор → автор поста», «комментатор 1 → комментатор 2».

Постановка проблемы

Гармонизация сетевого общения, создание эмоционального комфорта для онлайн-собеседников, нейтрализация сетевой агрессивности [21] являются важнейшими условиями эффективного взаимодействия в Интернете. При этом одним из способов гармонизации сетевых диалогов выступают эмпатические стратегии и тактики, поскольку *«самое положительное дискурсивное воздействие на адресата оказывает искреннее выражение эмпатии»* [15, с. 176]. Средствами вербальной эмпатии в сетевой коммуникации могут выступать разные средства русского языка: персональный дейксис, наименования эмоций, эмоционально окрашенные слова, модальные частицы, эмоционально заряженные грамматические конструкции, косвенные речевые акты и т. д., однако особое место в развитии эмоционально нагруженных сетевых диалогов отводится междометиям.

Наряду с эмодзи, лайками и дизлайками, интернет-мемами, стикерами междометия служат цели быстрой, прозрачной и малозатратной с точки зрения усилий пользователя реакции на сообщение другого участника сетевой коммуникации, что обуславливает усиленную интеръективацию сетевых диалогов. Логично предположить, что такие процессы не могут не приводить к изменениям в речевом репертуаре носителей русского языка, ведущих активное сетевое общение, а также в системе междометий и междометных сочетаний русского языка, в частности к семантическим и прагматическим сдвигам в значениях междометий, к появлению новых междометных единиц, к расширению внутренней и внешней синтагматики междометных сочетаний и т. д.

Таким образом, актуальной для исследований становится проблема междометий в сетевой коммуникации: для лингвистической прагматики — с точки зрения иллокутивной и

перлокутивной категоризации междометий, для медиалингвистики – в аспекте рассмотрения междометий и различных устойчивых междометных сочетаний как речевого инструментария в общей «грамматике профессионального речевого поведения» специалистов в области медиакоммуникаций, для дискурсологии и конверсационного дискурс-анализа – в контексте вопроса об операторах, организующих и регулирующих динамику дискурса и «движение» диалога, для функциональной грамматики — в рамках вопроса о статусе и объеме класса междометных единиц (или, по И.А. Шаронову, более широкого класса коммуникативов [17]). В целом указанная проблематика соответствует наблюдаемому с начала XXI века «аффективному повороту» в социально-гуманитарных науках [16, с. 72].

Обзор литературы

Исследователи сетевой коммуникации фиксируют в ней два разнонаправленных процесса: с одной стороны, интернет-среда нередко провоцирует снижение эмпатийности в коммуникации онлайн-собеседников (Н.В. Богачева, К.Г. Дмитриев, Л.Г. Дмитриева, Е.Н. Клименкова, Д.В. Хамзина, А.Б. Холмогорова), с другой стороны, наблюдаются активные процессы эмпатизации различных субдискурсов интернет-коммуникации (М.В. Бакин, А.В. Брега, С.В. Бондаренко, А.Б. Тимошева, М.А. Wood, W. Bukowski, E. Lis). На особую роль эмпатии и эмпатийной солидарности в сетевой коммуникации указывают С.Г. Агапова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина, О.В. Курасова, Р.В. Леушкин, В.К. Обыденкова, А.В. Полоян, Е.Ф. Серебренникова, А.А. Шошин и др. Наблюдая за проявлением онлайн-эмпатии в интернет-сообществе пожилых людей, У. Пфайль и П. Зафирис отмечают, что негативные эмоции чаще, чем положительные, становятся основой для возникновения эмпатии; при этом важным триггером эмпатии является наличие сходного опыта и похожих ситуаций, с которыми столкнулись сетевые собеседники [22, pp. 925-926]. А.А. Бен Шушан указывает, что в эмпатических реакциях участников сетевого общения преобладает аффективный компонент, при этом «специфичная для виртуальной коммуникации “масочность” коммуникантов способствует снижению значимости фактора искренности» [5, с. 307], и выделяет две доминантные прагмафункции в эмпатическом речевом поведении интернет-пользователей: в рамках обсуждения негативного эмпатогенного события — «консолятивную» функцию, позитивного события — функцию «удержания радостных переживаний» [4, с. 70]. Н.В. Шашкова и М.Е. Кудрявцева на основе изучения отношения студенческой молодежи к сетевым практикам сбора частных пожертвований и к медийным сюжетам с лейтмотивом «вместе справимся» приходят к выводу о том, что одной из актуальных коммуникативных стратегий социального взаимодействия в условиях сетевого общества является стратегия «этики сострадания» с ее консолидирующим потенциалом [19]. Т.А. Пивоварчик отмечает формирование в социальных сетях особого «эмпати-этикета» и создание ситуативных «эмпатирующих» онлайн-сообществ вокруг персональных профилей, смысловое поле которых насыщено эмоциогенным контентом [14, с. 170]. Обратим внимание на утверждение Р. М. Алейника: *«Все глубже современные коммуникации начали обмениваться аффектами, эмоциями, образами, допредикативными состояниями. Видеоблоги, мессенджеры, сети ориентированы не на фиксацию реальности, а на сопереживание. <...> Бытие-с-другими осуществляется не через понимание, а через сопереживание. Главное правило: нельзя быть безучастным»* [2, с. 8]. Если эти замечания верны, то они должны подтверждаться в наблюдениях за речевыми структурами сетевой коммуникации. Переживания, эмоции, аффекты в интернет-общении — это в том числе междометия — *«контекстно обусловленные*

знаки-индексы, значение которых зависит от ситуации употребления» [3, с. 9] и которые служат выражению эмотивно-экспрессивной сферы сетевых собеседников.

Междометия относятся к числу «мелких слов», которые носители русского языка, по замечанию И.Б. Левонтиной, часто оценивают как нечто бесполезное и незначительное, как некий словесный мусор [12, с. 7]. При этом с развитием в лингвистике таких направлений, как дискурс-анализ и лингвопрагматика, когнитивная и эмотивная лингвистика, исследовательское внимание к интеръективам постоянно растет (упомянем выполненные в последние 15 лет докторские работы российских ученых И.А. Шаронова, Т.М. Шкапенко, Е.Ю. Кустовой, Р.И. Бабаевой). Одним из инструментов реализации эмпатийной коммуникации выступают эмотивные междометия, связанные с такими базовыми эмоциями, как радость, наслаждение, интерес, злость, грусть и т. д. Междометия как средства выражения эмпатии исследовались на материале разных языков (см. работы М.Ф. Арсентьевой, А.А. Кузнецовой, Е.Ю. Кустовой, Е.С. Николаевой, Л.К. Парсиевой, Т.И. Петуховой, И.И. Скачковой, А.Ю. Черединой, А.В. Шалюхиной и др.). Так, анализируя функционирование междометий во французском межличностном общении, Л.А. Азнабаева и А.А. Анищенко отмечают их регулярность в эмпатийных речевых актах (в восьми типах из десяти выделенных авторами), указывая при этом на зависимость использования междометных единиц от сферы эмпатии, типа эмпатийного речевого акта, степени эмоционального фона речевой ситуации [1]. Следует отметить, что эмотивные междометия рассматривались прежде всего на материале художественных текстов, повседневной устной речи, в то время как эмпатийный потенциал междометий в интернет-общении еще ждет своего комплексного изучения.

Результаты и обсуждение

Материалом изучения служат совокупности текстов русскоязычных комментариев, которые размещаются интернет-пользователями под видеопостами в социальной сети TikTok и объединяющим дискурсообразующим признаком которых является коллективное интенциональное состояние сорадования, разделяемое большинством интернет-собеседников. Всего проанализировано 60 сетевых полилогов (тредов), основными темами в которых были успех на конкурсе, победа на соревновании, поступление в учебное заведение, получение диплома, аттестата, водительского удостоверения. Авторы постов хвалятся своими достижениями и делятся своей радостью, что выступает стимулом для последующих эмоциональных реакций пользователей сети. В процессе выборки материала установлено, что дискурсивные практики сострадания (обсуждаемая ситуация противоположная — проигрыш, поражение и т. п.) вовлекают значительно большее количество пользователей, чем практики сорадования, и, соответственно, демонстрируют более широкую палитру междометных реакций; такая закономерность может быть предметом отдельного сопоставительного исследования. В статье не рассматриваются случаи негативных комментариев (*тю, фигня; пфффф, среднее*) и стеба (*упс, может, кто-то скажет ей, что надо плакать, а не радоваться*), служащих не единичными реакциями на позитивно окрашенные видеопосты; изучение таких фактов требует отдельного внимания. Исследуемый в статье материал находится в свободном доступе; во всех представленных ниже примерах сохранено их исходное орфографическое и пунктуационное оформление.

Высокий уровень «поддерживающих» откликов пользователей и формирование плотного ядра «эмпатирующего» онлайн-сообщества вокруг персональных профилей с эмоциогенным контентом являются отличительными коммуникативными особенностями социальной сети TikTok. Например, видеопост с темой «Я наконец-то сдала на права!! все!!» вызвал

появление 762 комментариев; в них зафиксировано 75 употреблений 34 междометных единиц (*ого, бинго, оооо, урааа, вау, о да, обалдеть, хахаха, красава, крууть* и др.). Цель авторов анализируемых видеопостов – получить одобрение и поддержку со стороны остальных пользователей сети и воздействовать на их эмоциональное состояние. Как правило, автор рассчитывает на то, что в комментарийных репликах будет унисонная тональность позитивного воодушевления, радостной удовлетворенности, веселого возбуждения. Для усиления воздействия на аудиторию авторами постов дополнительно используются междометные реплики и хэштеги (*#ура*), подходящее по тональности музыкальное сопровождение, популярные мемы и изображения «котиков».

В диалоговых парах «видеопост → комментарий» («стимул → реакция») междометия могут быть представлены как в первом, так и во втором компонентах; им отводится роль регулятивных единиц. Но не все исследователи с такой точкой зрения согласны. Так, по мнению Т.М. Шкапенко, «*описание междометий как процедурно-содержательных единиц не согласуется с их онтологической сущностью, с обращенностью междометия на “внутреннее” “Я” индивида, с их спонтанностью и относительной внедискурсивностью. <...> Акт произнесения междометий является вынужденно-реактивным, эмоционально-звуковым ответом на воздействие вербального или невербального каузатора. Более того, во многих случаях присутствие адресата не является обязательным*» [20, с. 28]. В то же время ученый отмечает и возможное ситуационное расширение функционала междометий: «*В случае с междометиями выполнение ими роли коннекторов и регуляторов дискурсивных процессов может иметь характер своего рода дополнительной “надстройки”. Выражая определенное отношение к пропозиции, коммуникант может одновременно рассчитывать на некое регулирующее процесс речевой интеракции воздействие*» [20, с. 28]. На наш взгляд, условия (среда) коммуникации могут влиять на функционал речевых единиц, в том числе и междометий. Как показывает анализ, в сетевом «устно-письменном» общении на междометия, употребленные одними пользователями, интеръективно реагируют другие участники общения, в результате в сетевом полилоге прослеживаются не только повторы, но и целые цепочки одних и тех же или близких по семантике и прагматике междометных единиц (напр., в четырех комментариях подряд разными пользователями использовалась междометная реакция *кайф*). Сам характер использования междометий в сетевом полилоге указывает на то, что это явный обмен знаками. Упомянутая Т.М. Шкапенко «надстройка» способствует увеличению значимости междометий как прагматических маркеров, оформляющих высказывания в качестве единиц речевого взаимодействия.

В диаде «автор поста → комментатор» первым субъектом – инициатором сетевого общения могут предлагаться междометные стимулы, оформляемые в виде надписей на сообщении или в виде хэштегов, например: *йоуу наконец-то получила свой долгожданный аттестат!; Ура! Сдала! Счастье-то какое!* Автор поста таким образом одновременно обозначает тональность своего сообщения, «прогнозирует» будущие эмоциональные реакции подписчиков и задает некоторые установки для тех, кто будет просматривать пост. Следует подчеркнуть, что автор поста может активно вовлекаться в обсуждение поднятой им темы и также может писать свои комментарии под репликами конкретных, выбранных им собеседников. Так, он обычно отзывается речевыми актами благодарности, когда эмоциональная реакция пользователя соответствует его ожиданиям. Если комментаторы рассказывают о своем опыте в сходной ситуации, автор поста может реагировать междометиями: *А я не сдал. – Жееестььь; Я уже год мучаюсь. – абалдеть, ужас; Тоже сдала с первого раза) в зим в гололед. – ооооо, вот это реально круто; я сдала с 1 раза. —*

Крутооо!

В диаде «комментатор → автор поста» междометия прежде всего используются для обозначения аффективной эмпатии комментатора – его сильного эмоционального отклика на сообщение, выражения собственных эмоций в ответ на эмоции автора видеопоста, в результате возникает эффект взаимно разделяемого эмоционального состояния: *ух; кайф; еее; ого*. Отмечаются и факты когнитивной эмпатии — «внимания к субъектной реальности» и к внутреннему миру онлайн-собеседника [6, с. 120-130], намеренной демонстрации того, что комментатор понимает эмоциональное состояние автора сообщения, напр.: *как я тебя понимаю; прекрасно вас понимаю*. Реакции в таком случае принимают оценочный характер и оформляются с помощью междометных единиц, находящихся на частеречном пограничье: *Здорово) а что за конкурс?; Зачет! Добрался))*); *Клааааасс, очень здорово, поздравляю вас; Молоток!* Прагматическая задача, решаемая интернет-пользователем при употреблении междометия, – не просто разделить чувства собеседника, но и продемонстрировать ему это свое намерение поддержки и похвалы. Сорадование соединяется с другими эмоциями: восхищения, удивления. Проанализированный материал подтверждает сделанное В. И. Шаховским замечание о том, что «вербализованная эмоциональность носит осмысленный характер», собеседники способны «управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе коммуникации» [18, с. 309].

В диадах общения комментаторов друг с другом, как правило, наблюдается присоединение к эмоциям собеседником или их отрицание, нивелирование, ослабление. Так, в ряде комментариев к сообщениям о получении диплома об образовании или прав на вождение машины звучит постирония. Как авторы постов, так и комментаторы могут имитировать эмоцию и соответствующее ей эмпатийное состояние. В таких случаях налицо манипулятивные намерения интернет-пользователей, что противоречит ценностям основаниям эмпатической коммуникации. Создается эффект игры, используются «смеховые» междометия *хахаха; хохохо; пха; пхахах; пхаххахахаэйэ*. В пресуппозиции такого использования междометий — разделяемое участниками сетевого общения знание об «определенном социальном значении» междометия [13, с. 353].

Междометия как средства выражения эмоций онлайн-собеседников демонстрируют свою обусловленность медиакulturой TikToka как особой цифровой платформы. Здесь используются разностилевые междометные единицы: системные языковые (*ух; ого; браво*), сетевые узуальные — в большинстве случаев характерные для сетевого жаргона (*шикардос; обалдеть; очуметь; блин; круть; жиза*), окказиональные, формируемые в результате десемантизации и прагматизации лексических единиц и их сочетаний (*это что-то; за гранью; мечта; адреналин; огонь*), англицизмы (*вау; йес; уии; йухуу; бинго; респект*). Отмечаются типичные приемы трансформации междометий, ставшие уже для сетевого комментарийного общения узусным явлением: утрированное графическое и орфографическое искажение внешнего вида междометий: *ужос; уроо; круть*; использование прописных букв как средств эмотивной интенсификации: *ВАУ; СУПЕР*; агглютинативное расширение междометий: *ураааааа; оооооо классс; дададда*; создание междометного ассонанса: *Ваааааай мечтаааааа; Ура ахах классс*; употребление сочетаний междометий с эмодзи: *Ух тыыыы 🤩 🤩* Практически все выявленные междометия являются полисемантами, конкретное реализуемое значение которых может быть понято только в ситуационном контексте.

Междометия служат ярчайшим показателем тенденции «клишированности

коммуникативных интеракций» в сетевых дискурсах [10, с. 59]. Регулярность определенных междометных реакций приводит к формированию характерных для коммуникативной культуры конкретных цифровых платформ или конкретных онлайн-сообществ представлений о допустимых нормах эмоциональных проявлений [8, с. 84] и когнитивных сценариев эмоций [7, с. 118]. Например, междометия составляют (как правило, инициальный) элемент в структуре типичных речевых формул, используемых комментаторами для выражения аффективной и когнитивной эмпатии автору или герою видеопоста; в такие речевые формулы активно включаются и эмодзи. При этом особенностью сетевого общения является то, что междометия редко выделяются в структуре высказывания пунктуационными знаками: *Оооо как здорово!!!!; класс пластика заслужил; радость мне бы так; Ооооо мое настроение*. Так совместно сетевыми собеседниками создается общий эмоциональный образ описываемой ситуации или изображаемого события: не случайно в социальных сетях популярна фраза «Я не один сюда зашел, чтобы комментарии почитать?».

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что междометия традиционно характеризуют как «жестовые», произвольные, «докогнитивные», неадресованные реакции говорящих, характерные именно для спонтанной устной речи, наблюдения показывают, что в устно-письменной сетевой коммуникации пользователи сознательно и намеренно используют междометия как знаки, рассчитанные на их восприятие и интерпретацию автором поста и другими пользователями, читающими пост и оставляющими свои комментарии. Одна из главных особенностей междометий в сетевом общении – реактивный характер на основе желания включиться в сетевой диалог (это реакция на вербальный или другой стимул собеседника). Адресованность. В сетевой коммуникации междометия с эмпатией сорадования — это активно пополняемый класс слов. Кроме первичных междометий, в онлайн-диалогах широко представлены вторичные интеръективы. Особое место занимают англицизмы, жаргонные единицы. Анализ использования междометий участниками сетевой коммуникации позволяет детализировать существующие в настоящее время семантико-функциональные классификации междометий. Наблюдения за употреблением междометий подтверждают, что общение в социальных сетях нередко имеет квази- или псевдоэмпатический характер. Нормы сетевого общения практически не ограничивают ни перечень эмоций, которые можно выражать в онлайн-полилогах, ни способы и средства их выражения.

Литература

1. Азнабаева Л.А., Анищенко А.А. Междометия как средство выражения эмпатии (на материале французского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2015. № 2 (26). С. 63–68. DOI:10.15688/jvolsu2.2015.2.8.
2. Алейник Р.М. Эстетизация как коммуникация: опыт российского театра в эпоху цифровизации // Эстетико-коммуникативное пространство России и дискурс масс-медиа. Владимир: Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Транзит-Икс, 2020. С. 6–12.
3. Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Квазисемантические дискурсивные формы в организации речевого взаимодействия // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сборник статей по итогам V международной конференции. М.: Издательство «Спутник +», 2020. С. 8–12.

4. Бен Шушан А.А. Проблема эффектуации эмпатогенной ситуации общения на иллюкутивное функционирование эмпатийных речевых поступков // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 68–75. DOI:10.47475/1994-2796-2024-487-5-68-75.
5. Бен Шушан А.А. Цифровая мутация эмпатийной коммуникации в интернет-среде // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 5. С. 301–308. DOI:10.33184/dokbsu-2022.5.9.
6. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М., 1996. 472 с.
7. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 210 с.
8. Венрева И.Т. Метаязыковой привкус эпохи: избранные работы последнего десятилетия. Palmarium Academic Publishing, 2014. 223 с.
9. Галичкина Е.Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
10. Карасик В.И. Сетевая языковая личность // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик: тезисы докладов II Международной конференции, 25–26 февраля 2021 г. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. С. 58–59.
11. Карпова Ю.А. Эмотивно-эмпатийный компонент межкультурной коммуникации // Проблемы языкознания и педагогики. Вестник ПГТУ. 2010. № 4 (30). С. 147–159.
12. Левонтина И.Б. Частицы речи. М.: Азбуковник, 2022. 431 с.
13. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 388 с.
14. Пивоварчик Т.А. Эмпатический дискурс в коммуникативных практиках белорусских онлайн-сообществ: местоименные проекции // Медиалингвистика: материалы V международной научной конференции. СПб., 2021. С. 168–172.
15. Рябцева Н.К. Дискурс и состояния сознания: социокультурный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 639. С. 175–184.
16. Чугунников С.Г., Верт Е. Возрождение аффективной парадигмы в науках о языке // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2022. № 3-1. С. 72–79.
17. Шаронов И.А. Коммуникативная функция языка и коммуникативы // Русистика и компаративистика: сб. науч. трудов по филологии / гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XIV. М.: Книгодел, 2020. С. 217–231. DOI:10.25688/2619-0656.2020.14.14.
18. Шаховский В.И. Эмоции и когниция: концептуализация и лексикализация эмоций // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г.: в 2 ч. Волгоград, 2003. Ч. 1. С. 305–315.
19. Шашкова Н.В., Кудрявцева М.Е. «Этика сострадания» как стратегия сетевой коммуникации [Электронный ресурс]. URL: <https://smif.spbu.ru/ru/about/programma-2024/23-2024/177-etika-mediakommunikatsij-novaya-staraya-vechnaya.html>.
20. Шкапенко Т.М. Основы интеракционно-прагматической теории междометия. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. 167 с.
21. Duskaeva L.R. Speech etiquette in online communities: Medialinguistics analysis // Russian Journal of Linguistics. 2020. № 24 (1). Pp. 56–79. DOI:10.22363/2687-0088-2020-24-1-56-79.
22. Pfeil U., Zaphiris P. Patterns of empathy in online communication // Proceedings of the SIGCHI: Conference on Human Factors in Computing Systems. 2007. P. 919–928.

DOI:10.1145/1240624.1240763.

References

1. Aznabaeva L.A., Anishchenko A.A. Mezhdometiya kak sredstvo vyrazheniya empatii (na materiale francuzskogo yazyka) [Interjections as a means of expressing empathy (based on the French language)] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Volgograd State University*, 2015, Vol. 2, no. 2 (26), pp. 63–68. DOI:10.15688/jvolsu2.2015.2.8. (In Russ.).
2. Alejnik R.M. Estetizaciya kak kommunikaciya: opyt rossijskogo teatra v epohu cifrovizacii [Aestheticization as communication: the experience of Russian theater in the era of digitalization] // *Estetiko-kommunikativnoe prostranstvo Rossii i diskurs mass-media=Aesthetic and communicative space of Russia and mass media discourse*. Vladimir, 2020, pp. 6–12. (In Russ.).
3. Alferov A.V., Kustova E.YU. Kvazisemanticheskie diskursivnye formy v organizacii rechevogo vzaimodejstviya [Quasisemantic discursive forms in the organization of speech interaction] // *Yazyk i dejstvitel'nost'=Language and reality*. Moscow, 2020, pp. 8–12. (In Russ.).
4. Ben SHushan A.A. Problema efektuacii empatogennoj situacii obshcheniya na illokutivnoe funkcionirovanie empatijnyh rechevyh postupkov [The problem of the effectuation of an empathogenic communication situation on the illocutionary functioning of empathic speech acts] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2024, no. 5 (487), pp. 68–75. DOI:10.47475/1994-2796-2024-487-5-68-75. (In Russ.).
5. Ben SHushan A.A. Cifrovaya mutaciya empatijnoj kommunikacii v internet-srede [Digital mutation of empathic communication in the Internet environment] // *Doklady Bashkirskogo universiteta=Reports of the Bashkir University*, 2022, Vol. 7, no. 5, pp. 301–308. DOI:10.33184/dokbsu-2022.5.9. (In Russ.).
6. Bojko V.V. Energiya emocij v obshchenii: vzglyad na sebya i drugih [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow, 1996, 472 p. (In Russ.).
7. Vezhbickaya A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, 2001, 210 p. (In Russ.).
8. Vepreva I.T. Metazykovoje privkus epohi: izbrannye raboty poslednego desyatiletija [Metalinguistic flavor of the era: selected works of the last decade]. Palmarium Academic Publishing, 2014, 223 p. (In Russ.).
9. Galichkina E.N. Tipologiya rechevyh zhanrov setевой komp'yuternoj kommunikacii [Typology of speech genres of network computer communication] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 2 (135), pp. 97–100. (In Russ.).
10. Karasik V.I. Setevaya yazykovaya lichnost' [Network language personality] // *Lingvokul'turnye aspekty globalizacionnyh processov: sociokul'turnyj kontekst i dinamika rechevyh praktik=Linguocultural aspects of globalization processes: sociocultural context and dynamics of speech practices*. Moscow, 2021, pp. 58–59. (In Russ.).
11. Karpova Yu.A. Emotivno-empatijnyj komponent mezhkul'turnoj kommunikacii [Emotive-empathetic component of intercultural communication] // *Problemy yazykoznanija i pedagogiki. Vestnik PGTU=Problems of linguistics and pedagogy. Bulletin of PSTU*, 2010, no. 4 (30), pp. 147–159. (In Russ.).
12. Levontina I.B. Chasticy rechi [Particles of speech]. Moscow, 2022, 431 p. (In Russ.).
13. Meshchaninov I.I. Chleny predlozheniya i chasti rechi [Members of the sentence and parts of speech]. Leningrad, 1978, 388 p. (In Russ.).

14. Pivavarchyk T.A. Empaticheskij diskurs v kommunikativnyh praktikah belorusskih onlajn-soobshchestv: mestoimennye proekcii [Empathic discourse in the communicative practices of Belarusian online communities: pronominal projections] // *Medialingvistika=Medialinguistics*. Saint Petersburg, 2021, pp. 168–172. (In Russ.).
15. Ryabceva N.K. Diskurs i sostoyaniya soznaniya: sociokul'turnyj aspekt [Discourse and states of consciousness: sociocultural aspect] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta=Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 2012, no. 639, pp. 175–184. (In Russ.).
16. Chugunnikov S.G., Vert E. Vozrozhdenie affektivnoj paradigmy v naukah o yazyke [Reviving the Affective Paradigm in the Language Sciences] // *Yazyk i kul'tura v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya=Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education*. 2022, no. 3-1, pp. 72–79. (In Russ.).
17. Sharonov I.A. Kommunikativnaya funkciya yazyka i kommunikativy [Communicative function of language and communicatives] // *Rusistika i komparativistika=Russian and comparative studies*. Moscow, 2020, Vol. XIV, pp. 217–231. DOI:10.25688/2619-0656.2020.14.14. (In Russ.).
18. Shahovskij V. I. Emocii i kogniciya: konceptualizaciya i leksikalizaciya emocij (voprosy teorii) [Emotions and cognition: conceptualization and lexicalization of emotions (theory questions)] // *Problemy verbalizacii konceptov v semantike yazyka i teksta=Problems of verbalization of concepts in the semantics of language and text*. Volgograd, 2003, Vol. 1, pp. 305–315. (In Russ.).
19. Shashkova N.V., Kudryavceva M.E. «Etika sostradaniya» kak strategiya setевой kommunikacii [“Ethics of Compassion” as a Network Communication Strategy] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://smif.spbu.ru/ru/about/programma-2024/23-2024/177-etika-mediakommunikatsij-novaya-staraya-vechnaya.html>. (In Russ.).
20. Shkapenko T.M. Osnovy interakcional'no-pragmaticheskoy teorii mezhdometiya [Basics of the interactional-pragmatic theory of interjection]. Kaliningrad, 2017, 167 p. (In Russ.).
21. Duskaeva L.R. Speech etiquette in online communities: Medialinguistics analysis // *Russian Journal of Linguistics*, 2020, no. 24 (1), pp. 56–79. DOI:10.22363/2687-0088-2020-24-1-56-79.
22. Pfeil U., Zaphiris P. Patterns of empathy in online communication // *Proceedings of the SIGCHI: Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2007, pp. 919–928. DOI:10.1145/1240624.1240763.

Информация об авторе

Пивоварчик Тамара Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ГрГУ им. Я. Купалы), г. Гродно, Республика Беларусь, <https://orcid.org/0000-0002-0906-281X>, e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Information about the author

Tamara A. Pivavarchyk, PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Journalism of the Faculty of History, Communication and Tourism, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-281X>, e-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Получена 28.08.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 28.08.2024
Accepted 15.09.2024

Особенности восприятия плеоназма в русском и итальянском языках

Капилуни С.М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО СПбГЭУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Костина А.А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО СПбГЭУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: alinochka_kostina@list.ru

Плеоназм является неоднозначным языковым явлением. Исторически разными учеными он оценивался и как стилистический порок, и как средство выразительности. В русском языке плеоназм чаще воспринимается как речевая ошибка, в то время как в итальянском плеоназм — это не только риторическая фигура, но и грамматическая необходимость. Понимание разницы в восприятии плеоназма позволит избежать некоторых ошибок в процессе изучения итальянского языка.

Ключевые слова: плеоназм, грамматика, стилистика, синтаксис, средство выразительности.

Для цитаты: Капилуни С.М., Костина А.А. Особенности восприятия плеоназма в русском и итальянском языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 33–40. DOI:10.17759/langt.2024110304

Peculiarities of Perception of the Pleonasm in Russian and Italian

Stefano M. Capilupi

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Alina A. Kostina

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia,
e-mail: alinochka_kostina@list.ru

Pleonasm is a controversial language phenomenon. Some scientists considered it as a fault of style or a figure of speech throughout the history. Pleonasm tends to be considered as fault of speech in Russian and as a rhetorical figure and even grammar

necessity in Italian. Understanding of such difference could be helpful with avoiding some misinterpretations when learning the Italian language.

Keywords: pleonasm, grammar, stylistics, syntax, rhetorical figure.

For citation: Capilupi S.M., Kostina A.A. Peculiarities of Perception of the Pleonasm in Russian and Italian. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 33–40. DOI:10.17759/langt.2024110304 (In Russ.).

Цель данной работы заключается в выявлении сходств и различий в понимании плеоназма в русском и итальянском языках.

Понятие плеоназма пришло в русский и итальянский языки из древнегреческого *πλεονασμός*, означающее «излишество», «излишний». В лингвистике плеоназмом называют употребление излишних, не несущих в себе новой информации слов [2].

Исторически, плеоназм оценивался по-разному. Так, Квинтилиан, Донат и Диомед считали плеоназм стилистическим пороком, а Дионисий Галикарнасский считал, что плеоназм делает речь более ясной, ритмичной и убедительной. Однако и в наше время понимание излишнего различно, и его оценка зависит от языка [2].

Русский язык воспринимает плеоназм как явление лексическое и синтаксическое и при этом нежелательное, т.е. плеоназм воспринимается как ошибка или на уровне синтаксиса, или на уровне семантики. Синтаксический плеоназм предполагает использование ненужных служебных частей речи («он говорит *о том*, что он нигде не работает»). Семантический плеоназм заключается в использовании слов, которые дублируют смысл других слов и не несут в себе принципиально нового значения («подниматься *наверх*», «мое *личное субъективное* мнение»).

Реже плеоназм выступает в роли средства выразительности. Что примечательно, средством выразительности плеоназм чаще признается в произведениях художественной литературы. Например, плеоназм Ф.М. Достоевского («*Плача и рыдая и руки ломая — пошла*») воспринимается как способ усиления эмоциональной окраски. А плеоназм А.С. Пушкина в «Сказке о царе Салтане» («Царь печально отвечает: «*Грусть-тоска* меня съедает...») используется для сохранения ритма [6].

Подобная двойственность в восприятии плеоназма может показаться весьма неоднозначной. В первую очередь, ошибочно было бы предполагать, что даже самые великие писатели не имеют права на ошибку. Также непонятно, как определить, является ли плеоназм ошибкой или средством выразительности в речи обычного человека. Видя перед собой лишь текст, читатель может только предположить, закладывал ли какой-то смысл в него автор. Более того, можно ли назвать плеоназмом использование слова, которое хоть как-то дополняет смысл?

Некоторые предполагают, что даже такие выражения, как «ветер *дует* рьяно и беспощадно» являются плеонастичными. Подобное восприятие может быть объяснено тем, что сказуемое в русском языке может быть выражено имплицитно, а само действие являться неотъемлемым свойством субъекта [7]. Однако, например, ветер может не только дуть, он может свистеть, утихать и усиливаться, разгонять тучи, поднимать пыль и пр. Даже если все эти действия можно считать свойством ветра, едва ли излишним (с негативной точки зрения) можно назвать уточнение, какое именно из свойств (некоторые из которых взаимоисключают друг друга) подразумевает говорящий.

И действительно, исторически плеоназм в русском языке мог служить для уточнения конкретного значения слова. Так, изначально слово «казнить» не несло в себе значения причинения наказания смертью. Раньше казнь подразумевала любое телесное наказание, а следовательно, выражение «казнь смертью» имело неплеонастический (в современном понимании) смысл, т.е. описывало серьезность вынесенного приговора [1].

Некоторые на первый взгляд плеонастические выражения также по сути таковыми не являлись. Например, слово «жена» в XVI-XVII вв. имело значение и «женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в браке» (именно это значение и дошло до нашего времени), и «то же, что женщина», а, следовательно, выражение «мужняя жена», являющееся фразеологизмом и в современном русском языке, по своей сути не так уж и плеонастично и имеет то же значение, что и выражение «замужняя женщина» [1].

Подобные примеры можно найти и в современном русском языке. В частности, до сих пор исследователи не могут сойтись во мнении относительно статуса выражений «ностальгия по дому», «ностальгия по родине» и пр. Существуют следующие определения слова «ностальгия»: «*тоска по родине, а также вообще тоска по прошлому*» [7], «*болезненная тоска по родине, по родному краю, по связи с домом; болезненная тоска по прошлому*» [4], «*тоска о прошлом, пережитом*» [5] и пр. Как можно увидеть, даже само определение слова не предполагает, что чувство тоски, называемое ностальгией, относится к чему-то конкретному. Следовательно, и саму идею, что выражение «ностальгия по родине» является плеоназмом, также можно назвать спорной, поскольку здесь мы снова можем говорить о свойстве субъекта, которое не всегда обязательно реализуется [2].

Итальянский язык воспринимает плеоназм совершенно иначе, как явление грамматическое и вполне естественное для языка [10]. Так, в итальянском языке плеоназм — это риторическая фигура, заключающаяся в избыточном употреблении слов для выражения уже ясно выраженного понятия. Плеоназм находит широкое применение в итальянской художественной литературе. Этот прием часто считается стилистическим недостатком, однако он сознательно используется некоторыми авторами для усиления выразительности и эмоциональной вовлеченности читателя.

Символический пример художественного использования плеоназма можно найти в работах Габриэле Д'Аннунцио. В его прозе плеоназм — не просто ошибка, а сознательное средство создания эффекта многогранности и многочисленности средств выразительности: «*La dolce melodia musicale del suo canto riempiva l'aria di note armoniose*» («Сладкая музыкальная мелодия ее пения наполнила воздух гармоничными нотами»). В этом предложении слово «*musicale*» лишнее, поскольку оно уже подразумевается в слове «*melodia*». Однако Д'Аннунцио использует этот плеоназм, чтобы подчеркнуть качество мелодии, усиливая чувственный эффект и эмоциональную напряженность описываемой сцены. Таким образом, использование плеоназма в итальянской художественной литературе не обязательно является стилистическим недостатком, а может быть осознанным выбором автора для усиления выразительности и оказания большего эмоционального воздействия на читателя. Понимание этих стилистических нюансов позволяет лучше оценить глубину и сложность итальянской художественной литературы.

В итальянской же грамматике плеоназм проявляется в различных формах, которые можно разделить на следующие категории:

1. Синтаксический плеоназм: использование избыточных грамматических элементов. Пример: «*A me ti piace*» («Мне нравится») (употребление «*a me*» или «*ti*» излишне,

достаточен будет один из двух).

2. Лексический плеоназм: использование повторяющихся слов, которые добавляют акцента. Пример: ‘Salire *su*’ («Подняться *вверх*») (глагол ‘salire’ уже подразумевает движение вверх, поэтому ‘su’ избыточно).

И хотя плеоназм часто избегают в официально-деловом стиле, он имеет несколько полезных функций в повседневном общении и в риторике:

1. Эмфаза и постановка акцентов: Плеоназм можно использовать для закрепления главной идеи, что делает сказанное более выразительным и запоминающимся. Пример: ‘Lo ripeterò *di nuovo*’ («Я повторю *еще раз*») (усиливает намерение повторить).
2. Ясность и простота. В некоторых случаях плеоназм может помочь прояснить сообщение, особенно в ситуациях, где понимание является ключевым моментом. Пример: ‘Scendere *giù*’ («Спуститься *вниз*») (может помочь избежать недоразумений в практических ситуациях).
3. Ритм и музыкальность: В поэзии и художественной прозе плеоназм может придавать тексту ритмический или музыкальный эффект, способствуя его стилистической красоте. Пример: ‘E m’illumino *d’immenso*’ («И меня просвещает *необъятное*») (Джузеппе Унгаретти).

В нормативной грамматике итальянского языка плеоназм часто считается ошибкой, которую следует избегать, особенно при формальном стиле общения. Однако важно признать, что грамматические нормы не всегда отражают фактическое использование языка, которое является более гибким и адаптируемым.

Примеры плеоназма, такие как «a me mi piace», распространены в разговорной речи и, хотя и подвергаются стигматизации со стороны пуристов, являются неотъемлемой частью повседневного общения многих людей. В этом контексте плеоназм способствует более экспрессивному и личностному общению.

Именно грамматический плеоназм в свою очередь может использоваться и в более практичных целях. Достаточно часто грамматический плеоназм обусловливается необходимостью повторения относящегося к глаголу дополнения/обстоятельства, если оно выступает в качестве темы (т.е. уже известной, ранее упомянутой информации), что не свойственно русскому языку (‘A che ora vai *al cinema*?’ ‘*Ci vado alle 8 di sera*’ [9] и «Во сколько ты идешь *в кинотеатр*?» «Я пойду ~~в кинотеатр~~ в 8 вечера»). Что примечательно, как в итальянском, так и в русском языках в ситуации диалога выражение дополнения/обстоятельства, выступающего в качестве ремы (т.е. информации, упоминающейся впервые), является обязательным [8].

Можно предположить, что отсутствие необходимости в грамматическом плеоназме и исчезновение лексико-семантического плеоназма в ходе развития значений слов привело к негативному восприятию плеоназма как негативного явления. Более того, подобное предвзятое отношение в русском менталитете сложилось по отношению к повторению в принципе. Так, преподаватели иностранных языков, являющиеся носителем преподаваемого языка (и в особенности итальянского), могли заметить, что просьбу повторить сказанное ученик, скорее всего, воспримет как намек на ошибку и, следовательно, будет медлить с ответом, пытаясь исправить, возможно, несуществующую ошибку, несмотря на то, что просьба преподавателя может быть объяснена тем, что он

попросту не расслышал сказанное учеником.

Возможно, в связи с существующей особенностью восприятия плеоназма носители русского языка могут по достоинству оценить выражение «Paganini non ripete». Считается, что данные слова принадлежат самому Никколо Паганини, всемирно известному скрипачу и прекрасному импровизатору, который таким образом ответил королю Карлу Феличе на его просьбу повторить один из музыкальных фрагментов импровизации [11].

Иное восприятие плеоназма в итальянском языке наблюдается в ряде примеров. Как уже было сказано ранее, грамматический плеоназм необходим в случае повторения обстоятельства/дополнения, выступающего в качестве темы. Стоит отметить, что в итальянском предложении при наличии глагола говорящий должен повторить дополнение/обстоятельство, даже если оно выполняет функцию темы (и наоборот, если глагол в предложении не повторяется, не требуется и повторение относящегося к нему дополнения/обстоятельства). В данном случае плеонастическую функцию выполняет частица *ci*. Что примечательно, данная частица может заменять не простое дополнение, но и дополнение, выраженное целым предложением ('riesce a superare l'esame?' 'No, non ci riesco') [9]. Также стоит отметить, что безударное положение (т.е. перед глаголом) частицы говорит о ее семантической незначимости, а сам факт ее наличия в предложении говорит о необходимости данного плеоназма [8].

В целом частица *ci* может заменять не только дополнение, выраженное предложением, но и дополнение с предлогами *di*, *a(d)*, *da*, *in*, *con*, *su*, а также обстоятельства места ('*Ci ho pensato tante volte*', '*Parli sempre di teatro ma io non ci capisco niente*'; '*Il fine settimana andiamo a Roma, ci vieni anche tu?*'). Также частица *ci* используется в местоименных глаголах (*verbi pronominali*), как, например, *volerci*, *metterci* и пр. ('*Per Firenze di solito ci vogliono tre ore, ma io ce ne metto due*') [12, p. 224].

Аналогичные функции выполняет частица *ne*. Она может заменять дополнение с предлогами *di* и *da*, а также обстоятельство места ('*Di email ne ricevo parecchie*'; '*Sì, prima ero a casa. Ne sono uscito circa un'ora fa*') и в таких глаголах как, например, *starsene* ('*Questa sera me ne sto tranquillo a casa*') [12, p. 225].

Также плеонастическое значение выражают и личные местоимения в безударной форме. Безударная форма используется, если акцент делается не на местоимении или оно не несет в себе серьезной смысловой нагрузки. В частности, иногда является возможным сочетание ударного и безударного личного местоимения, как, например, с глаголом *piacere* ('*a me mi piace Van Gogh*') [8], [9].

Помимо этого, для носителей русского языка, изучающих итальянский язык, может показаться удивительным по двум причинам, что: во-первых, личные местоимения используются для выражения падежа, которые, как может показаться некоторым, в итальянском языке полностью отсутствуют; и, во-вторых, итальянское личное местоимение обладает несвойственной для русского языка категорией ударности, предполагающей ударную и безударную форму личного местоимения, причем последняя, как уже было указано ранее, может нести в себе плеонастическую функцию, также несвойственную русскому языку с точки зрения грамматики.

Плеонастическая функция также реализуется в комбинированных местоимениях (*pronomi combinati*), которые используются для замены прямого дополнения/частицы *ci* и косвенного дополнения/частицы *ne*. Комбинированное местоимение образуется посредством сложения косвенного местоимения и прямого местоимения в формах 3-го

лица. При этом в косвенных местоимениях 1-го и 2-го лица конечная *i* сменяется *e* (*mi* — *me*, *ti* — *te*), а все косвенные местоимения 3-го лица заменяются на *gli* и благодаря соединительной *e* сливаются с прямым местоимением в одно слово (*Le + lo* — *glielo*). О плеонастичности комбинированных местоимений говорит их безударная позиция, что, как уже говорилось ранее, подразумевает ее семантическую незначимость (*‘Porti tu i libri a Paolo?’ ‘Sì, glieli porto io’*) [12, p. 205].

Еще одним примером плеонастической *ci* является диалектизм *ciavere*, где частица *ci*, опять-таки, является плеоназмом и не имеет совершенно никакого грамматического или семантического веса (*‘Hai la penna?’ ‘Sì, ce l’ho’*). Здесь *la* заменяет дополнение «*la penna*», а частица *ci*, следовательно, не несет в себе никакого значения (грамматического или лексического) [8], [9].

Следует сказать, что плеоназм в итальянской грамматике — это не просто ошибка, которую следует избегать, а лингвистическое явление, имеющее свою ценность. Он может обогатить общение, добавить акцента и ясности, а также способствовать стилистическому обогащению литературных текстов. Понимание использования и значения плеоназма позволяет лучше оценить сложность и богатство итальянского языка.

Литература

1. Генералова Е.В. Мужняя жена и диво дивное: из истории плеонастических сочетаний в русском языке // Русская речь. 2023. № 3. С. 40–54. DOI: 10.31857/S013161170026390-8
2. Есакова М.Н. Плеоназм как явление речевой избыточности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 24-31.
3. Ковалева Т.А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 158-163.
4. Котелова Н.З. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. 1984. М.: Русский язык. 808 с.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 2020. Shangwu Yinshuguan. 1481 с.
6. Культура.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/pleonazm/> (дата обращения: 30.04.2024)
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 1999. М.: Азбуковник. 944 с.
8. Castellani A. Grammatica storica della lingua italiana. 2000. Società editrice il Mulino. 620 p.
9. Corpuseye Italian Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://corp.visl.dk/m/?l=ita> (дата обращения: 30.04.2024)
10. Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani [Электронный ресурс]. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/pleonasma/> (дата обращения: 30.04.2024)
11. Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani [Электронный ресурс]. URL: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/parole/Modi_di_dire30.html (дата обращения: 30.04.2024)
12. Marin T., Ruggieri L., Magnelli S. Nuovissimo progetto italiano 2a: corso di lingua e civiltà italiana. B1. Libro dello studente e quaderno degli esercizi. 2020. Edilingua.

References

1. Generalova E.V. Muzhnyaya zhena i divo divnoe: iz istorii pleonasticheskikh sochetanii v russkom yazyke [Muzhnyaya Zhena and Divo Divnoe: from the History of Pleonastic Combinations

- in Russian Language]. *Russkaya rech' = Russian Speech*. 2023, no. 3, pp. 40–54. DOI: 10.31857/S013161170026390-8 (In Russ.)
2. Esakova M.N. Pleonazm kak yavlenie rechevoi izbytochnosti [Pleonasm as a Speech Redundancy Phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda = Bulletin of Moscow University. Series 22. Theory of Translation*. 2012, no. 2, pp. 24-31 (In Russ.).
 3. Kovaleva T.A. Pleonazm v russkom yazyke XXI veka: semanticheskii aspekt [Pleonasm in the Russian Language of 21st Century: Semantic Aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of Nizhny Novgorod University Named after N.I. Lobachevsky*. 2017, no. 4, pp. 158-163 (In Russ.).
 4. Kotelova N.Z. Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov [New Words and Meanings. Dictionary-Guide on Materials of Press and Literature of the 70th Years]. 1984. Moscow: Russkii yazyk. 808 p. (In Russ.)
 5. Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 2020. Shangwu Yinshuguan. 1481 p. (In Russ.)
 6. Kul'tura.RF [Culture.RF] [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/pleonazm/> (Accessed: 30.04.2024) (In Russ.)
 7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1999. Moscow: Azbukovnik. 944 p. (In Russ.)
 8. Castellani A. Grammatica storica della lingua italiana. 2000. Società editrice il Mulino. 620 p.
 9. Corpuseye Italian Corpus [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://corp.visl.dk/m/?l=ita> (Accessed: 30.04.2024)
 10. Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.treccani.it/vocabolario/pleonasma/> (Accessed: 30.04.2024)
 11. Istituto della Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani [Elektronnyi resurs]. Available at: https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/parole/Modi_di_dire30.html (Accessed: 30.04.2024)
 12. Marin T., Ruggieri L., Magnelli S. Nuovissimo progetto italiano 2a: corso di lingua e civiltà italiana. B1. Libro dello studente e quaderno degli esercizi. 2020. Edilingua.

Информация об авторах

Капилуччи Стефано Мария, кандидат философских и филологических наук, доцент Русской христианской гуманитарной академии, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, предметный эксперт кафедры политической философии Римского государственного университета «Ла Сапьенца», Санкт-Петербургский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Костина Алина Алексеевна, выпускница гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: alinochka_kostina@list.ru

Information about the authors

Stefano Maria Capilupi, PhD in Philosophy and Philology, Associate Professor of Russian Christian Humanitarian Academy and Saint Petersburg State University of Economics, Subject Expert at the Chair of Political Philosophy of University of Rome “La Sapienza”, Saint Petersburg

Капилупи С.М., Костина А.А.
Особенности восприятия плеоназма в русском и
итальянском языках
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 33–40.

Capilupi S.M., Kostina A.A.
Peculiarities of Perception of the Pleonasm in Russian and
Italian
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 33–40.

State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Alina A. Kostina, Graduate, Faculty of Humanities, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: alinochka_kostina@list.ru

Получена 01.09.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 01.09.2024
Accepted 15.09.2024

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE
HISTORICAL LINGUISTICS

Типы семантических изменений в агульском языке

Мерданова С.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7786-7714>, e-mail: solmaz.emin@yandex.ru

В работе описываются разнообразные механизмы семантических изменений в одном из дагестанских языков — агульском. Лексическая семантика агульского языка на сегодня является малоизученной, но чрезвычайно интересной областью кавказского языкознания. Одним из наиболее интересных путей появления многозначности и синонимии является эвфемизация слов и выражений, обусловленная разными социокультурными, этическими и морально-нравственными причинами.

Ключевые слова: агульский язык, семантика, эвфемизмы, грамматикализация, лексикализация.

Для цитаты: Мерданова С.Р. Типы семантических изменений в агульском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 41–47. DOI:10.17759/langt.2024110305

Types of Semantic Changes in the Agul Language

Solmaz R. Merdanova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7786-7714>, e-mail: solmaz.emin@yandex.ru

The paper describes various mechanisms of semantic changes in one of the Dagestani languages, Agul. The lexical semantics of Agul is currently an understudied but extremely interesting area of Caucasian linguistics. One of the most interesting ways in which polysemousness and synonymy emerge is the euphemisation of words and expressions due to various socio-cultural, ethical and moral reasons.

Keywords: Agul language, semantics, euphemisms, grammaticalization, lexicalization.

For citation: Merdanova S.R. Types of Semantic Changes in the Agul Language. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 41–47. DOI:10.17759/langt.2024110305 (In Russ.).

Давно стало общим местом утверждение о том, что языки находятся в постоянном развитии, изменении, которое может быть вызвано как внутриязыковыми, системными причинами, так и внешним влиянием, таким как отражение в языке развития общества и

взаимодействие, контакты с другими языками. Изменения в языковой системе происходят на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Но, как известно, самой подвижной, подверженной изменениям областью языка является лексика. В данной статье мы остановимся на семантических изменениях, происходящих в одном из новописьменных языков Дагестана — агульском. Агульский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи языков. Внутри данной группы он вместе с табасаранским и лезгинским языками образует восточно-лезгинскую подгруппу.

На агульском языке говорит около 30 тыс. человек. В языке выделяется несколько территориальных диалектов и промежуточные одноаульные говоры. Один из таких одноаульных говоров — хпюкский — является предметом рассмотрения в нашей статье. Причинами существования большой диалектной раздробленности агульского языка, как и других дагестанских языков, является труднодоступность контактов между жителями разных аулов, расположенных в горных ущельях, разделенных высокими хребтами, а также влияние на говор в каждом ауле территориально близких языков.

Новописьменный характер говорит о некоторых важных для описания языка вещах. Отсутствие письменной формы у языка свидетельствует о том, что на языке нет развитой художественной литературы, за исключением фольклора (песен, сказок), что на языке нет текстов публицистического, официально-делового, научного характера. Между тем, противопоставление функциональных стилей в литературном языке наряду с существованием разных территориальных и социальных вариантов языка приводит к языковому развитию, семантическим преобразованиям, многообразию способов языкового выражения, к появлению разных синонимических средств языка. Однако семантические изменения в языке, синонимическое многообразие могут быть вызваны не только обслуживанием языком разных сфер общественной деятельности, но и необходимостью именовать новые реалии, а также некоторыми социальными, культурными, этноспецифическими требованиями, накладываемыми на язык. Несмотря на отсутствие развитой традиции литературного языка, в языке может сосуществовать множество возможностей для обозначения одного и того же референта. Говорящий в процессе речи все время осуществляет выбор из множества доступных ему средств обозначения референта, то есть делает референциальный выбор. Единственным необходимым условием, ограничивающим свободу выбора референциального выражения говорящим, является необходимость быть однозначно понятым адресатом, использование участниками коммуникации общего кода. *«Осуществляя референциальный выбор, говорящий должен обеспечить возможность поддержания референции (reference maintenance) — гарантировать, что адресат сможет интерпретировать референциальное выражение, то есть установить кореферентность (coreference) упоминаемых референтов»* [13, с. 330].

В традиции описания дагестанских языков лексическая семантика никогда не занимала ключевого, ядерного положения. Значительно больший интерес исследователей вызывали вопросы грамматики, словоизменения, фонетического многообразия. Описание лексики по преимуществу ограничивалось вопросами словаря. Наибольший интерес у исследователей вызывали фразеологические единицы дагестанских языков, а также проблемы заимствования из арабского, персидского, тюркских и русского языков. Вопросам фразеологии агульского языка посвящены работы С.Н. Гасановой [3]. Попытки описать лексическую семантику отдельных групп словарного состава на материале агульского языка были предприняты в работах С.Р. Мердановой [4; 7; 9; 10; 11; 12; 14], Т.А. Майсака

[6; 7], Т.И. Резниковой [11; 12; 14].

Описывая изменения в семантике лексических единиц, по-видимому, нельзя обойтись без таких языковых явлений как грамматикализация, лексикализация, идиоматизация, эвфемизация и других. Существует некоторая размытость границ между всеми этими языковыми явлениями, которые накладываются друг на друга, пересекаются разными признаками. Эта область перекликается также и с такими важными сферами языкового многообразия как синонимические средства языка. Адекватное описание сложной и многообразной области лексической семантики невозможно без обращения к вопросам культуры речи, психолингвистики, социоллингвистики (см. рассуждения о связи между культурой и языком в статье А.Н. Аверюшкина и И.В. Канель [1]).

Так, в работе «Морфология и грамматическая семантика агульского языка» [10], наряду с разнообразными типами грамматикализации — превращения лексических единиц в грамматические показатели, рассматриваются некоторые типы лексикализации, при которой отдельные грамматические словоформы и сочетания слов в языке начинают осмысливаться как самостоятельные лексические единицы. В работе описываются механизмы семантических изменений некоторых групп глаголов движения и позиции, глаголов со значением 'делать', 'видеть', 'стать', 'говорить', 'идти' и бытийных глаголов, а также числительного 'один', которые приводят к появлению у языковых единиц грамматических функций. Помимо описанных в работе случаев появления грамматической функции у лексических единиц, интерес вызывают примеры лексикализации, свидетельствующие как о своеобразии языковой картины мира у каждого этноса, так и об удивительном единстве в многообразии.

В работе «Система глаголов плавания в кавказских языках» [6] рассматриваются способы описания концепта плавания в некоторых языках, в том числе и в агульском. В статье описываются как собственно глаголы плавания, так и общие глаголы движения, а также стивы существования или нахождения, употребляемые в агульском языке для обозначения некоторых ситуаций плавания.

В статье «Глаголы боли в агульском языке» [9] рассматриваются различные типы боли, описываемые как специализированными глаголами, базовым значением которых является боль: **итаа** — **итархъас** 'болеть — заболеть', **итаркъас** 'каузировать болеть' и др., так и глаголы горения, разрушения, деформации, гниения и других семантических полей, используемые в агульском языке для обозначения боли в определенных ситуациях. На сегодняшний день описаны такие семантические зоны, как зоны падения, звуков животных и их переинтерпретаций в языке, зоны игры и др. В описаниях рассматриваются всевозможные семантические переходы, осуществляемые в данных группах лексики.

Эвфемизмы — это языковые выражения, используемые для обозначения табуированных в данном обществе слов. Табу на некоторые слова вызваны верой в магическую силу слов, которые могут навлечь несчастье, либо нежелательностью упоминания определенных реалий всуе. Морально-нравственные ограничения накладываются на употребление определенных слишком конкретных, прямых обозначений в таких сферах, как сексуальные отношения, некоторые физиологические отправления и так далее. Иногда использование эвфемизма может быть связано с желанием более мягкого, тактичного обозначения реалий, которые в данном культурном сообществе принято считать резкими, невежливыми. Таким образом, эвфемизация тесно связана с речевым этикетом, который, с одной стороны, является универсальным, поскольку в любом языковом сообществе, находясь в ситуации языкового общения, люди должны придерживаться определенных коммуникативных стереотипов. С

другой стороны, формулы, определяющие приемлемость речевого поведения, зависят от широкого исторического, социального, культурного контекста каждого конкретного языка, то есть могут иметь свою специфику в каждой идиоме.

В агульском языке появление некоторых эвфемизмов обусловлено морально-нравственными устоями, присущими, по-видимому, консервативным обществам. Так, например, женщины избегают употребления слова муж, используя для обозначения референта эвфемизм **иеси** «хозяин», или идеми «мужчина». Иногда в этом же значении используется местоимение **уч** «сам», которое по своей первичной функции является анафором, однако для выражения значения «муж» это местоимение используется без антецедента.

Ве иеси хула ава? (*Твой хозяин=муж дома?*)

Уч кардил шуне. (*Сам=муж пошел на работу.*)

Мужчины тоже часто избегают обозначения жены словом хир «женщина», «жена», используя эвфемизм хизан «член семьи».

Бавас хизан хутурфаа. (*За матерью смотрит семья (жена).*)

Для смягчения оценки, более тактичного обозначения тех или иных реалий, используются следующие эвфемизмы: **яш хьунаеф** «имеющий возраст» для референции старого, пожилого человека; **гIадулф** «мягкий» для обозначения слабохарактерного, безвольного человека; **джандак алеф** «имеющий тело» в значении «толстый»; **цIуьпеф** «крепкий» о жадном человеке; **кьикъеди** «тяжело» в значении «серьезно, с достоинством», (ср. использование в противоположном значении корня слова *легкий* в русском языке в словах *легкомысленный, легковесный*); **кIилиас шунаа** букв. «из головы вышел» в значении «сошел с ума». Ср. **кам хьунаа** «сошел с ума», в свою очередь, очевидно, являлось эвфемизмом для выражения значения «сошел с ума», поскольку восходит к сочетанию слов с исходным значением «стать недостаточным», (ср. выражение у него не хватает в русском языке с близким значением); **ахIа гафар кьас** «делать большие слова» для обозначения референта «хвастаться». Например:

Чве дад пара цIуьпеф э, индава пул

Ваш отец очень жадный, не дал денег.

Шува шув кьикъеди фаце, элхьер макья!

Веди себя достойно, не смейся!

Рушан бав джандакар алеф э

Мать у девочки полная.

Во избежание упоминания физиологических актов и прямой номинации некоторых реалий используются следующие эвфемизмы: **кьецис айчIвас** букв. «выйти на улицу» в значении «пойти в туалет»; **са джигайис гIвас** букв. «пойти в одно место»¹ в том же значении; **кьулгунарикас хьас** букв. «лишиться намазов» в значении «начался менструальный цикл»; **хата хьуне** букв. «случился недостаток» в значении «обкакался»; **ниь акьас** букв. «сделать запах» в значении «испортил воздух»².

ЯгIа рушав сив фадава, ге кьулгунарикас хьунаа

¹ Ср. аналогичное употребление в русском языке.

² NB! В тексте статьи мы также пытаемся по возможности избегать употребления грубых, хотя и более точно соответствующих референту выражений.

Сегодня дочь не держит уразу, у нее началась менструация.

Шуьнуькин шавлар дегиш къе, гифас хата хьуне

Поменяй ребенка штаны, он обкакался.

Причиной появления эвфемизмов, имеющих референцию к сексуальной сфере, к сферам смерти, болезней, является нежелание употребления обценной лексики и лексики, могущей иметь символическую, магическую силу: **бавар агъатас** букв. ‘матерей поднимать наверх’ в значении ‘обматерить’; **хъай хъас** букв. ‘имея быть’ в значении ‘иметь сексуальные отношения’; **бавар — дадар гъадаркас** букв. ‘матерей — отцов переворачивать’ в значении ‘проклинать умерших родителей’; **рахІматтис шуне** букв. ‘ушел в рай’ в значении ‘умер’; **мухур алеф** букв. ‘имеющий грудь на...’ в значении ‘туберкулезный’. Условно к этой же группе эвфемизмов можно отнести проклятия типа **куч атІурай ве** букв. ‘пусть тебе отрежут косу’ в значении ‘пусть умрет твой брат’³. Приведем примеры:

Зе шувал мухур алефий

Мой муж болел туберкулезом.

Ге къуншин гадайихъ хъай хьунаа

Она оказалась в сексуальных отношениях с соседским парнем.

Эвфемизмы, возникая как более щадящие обозначения реалий, представляющихся в языковом сознании грубыми, бестактными, через некоторое время могут перестать ощущаться как таковые, приводя к необходимости замены их новыми эвфемизмами, более нейтральными выражениями. Так, эвфемизм **йуркІурас ругъуф** букв. ‘сердцу холодный’ используемый вместо **чІирхІеф** ‘некрасивый’, **ьаджибанф** ‘уродливый’ используемый как более нейтральное выражение, постепенно приобретает значение ‘отвратительный’, ‘омерзительный’, то есть становится не смягчающим, а напротив, более резким обозначением с высокой интенсивностью выражения негативной оценки.

Из приведенных в статье эвфемизмов очевидно, что границы между такими языковыми явлениями, как эвфемизмы и фразеологические единицы, довольно размыты. Говоря об эвфемизмах, исследователи рассматривают их с позиций приемлемости их в тех или иных коммуникативных ситуациях. Более четкое разграничение этих и смежных языковых явлений, их таксономия в агульском языке являются задачей будущего.

Литература

1. Аверюшкин А.Н., Канель И.В. Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинарности [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64. DOI:10.17759/langt.2023100205
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 1974. М.: Наука. 366 с.
3. Гасанова С.Н. Синтаксис фразеологических единиц агульского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 204–208.
4. Даниэль М.А., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Каузатив в агульском языке: способы выражения и семантические контрасты // Исследования по глагольной деривации. 2008. М.: Языки славянских культур. С. 19–46.

³ По-видимому, в старые времена девушкам, у которых умирали братья, отрезали косу.

5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово, свое и чужое. 2004. М.: Языки славянской культуры. С. 262-286.
6. Майсак Т.А. Системы глаголов плавания в кавказских языках // Глаголы движения в воде: лексическая типология. 2007. М.: Индрик. 752 с.
7. Майсак Т.А., Мерданова С.Р. «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Исследования по теории грамматики. 2004. М.: Гнозис. С. 430-455.
8. Махмудова С.М. О философской основе соматических фразеологизмов в рутульском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1(55). С. 154-158.
9. Мерданова С.Р. Глаголы боли в агульском языке // Концепт боль в типологическом освещении / ред. В.М. Брицын, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Г.М. Яворская. 2009. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго. С. 329-349.
10. Мерданова С.Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора): дисс. ... докт. филол. наук. 2004. М. 300 с.
11. Мерданова С.Р., Резникова Т.И. Звуки животных и их переинтерпретация в агульском языке // Глаголы звуков животных: типология метафор. 2015. М.: Языки славянских культур. С. 245-258.
12. Резникова Т.И., Мерданова С.Р. В поход за находками: глаголы 'искать' и 'находить' в агульском языке // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной. 2018. М.: Лабиринт. С. 105-119.
13. Федорова О.В. Психолингвистика. 2020. М.: Буки-Веди. 460 с.
14. «Частные типологии» в лексике: лексическое поле боли / А.А. Бонч-Осмоловская, С.Р. Мерданова, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова // Фонетика и нефонетика. 2008. М.: Языки славянских культур. С. 539-551.

References

1. Averyushkin A.N., Kanel I.V. Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64. DOI: 10.17759/langt.2023100205 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical Semantics. Synonymic Means of Language]. 1974. Moscow: Nauka. 366 p. (In Russ.)
3. Gasanova S.N. Sintaksis frazeologicheskikh edinitov agul'skogo yazyka [Syntax of Agul Phraseological Units]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism*. 2012, no. 1, pp. 204-208 (In Russ.).
4. Daniel' M.A., Maisak T.A., Merdanova S.R. Kazativ v agul'skom yazyke: sposoby vyrazheniya i semanticheskie kontrasty [Agul Causative: Means of Expression and Semantic Contrasts]. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii [Researches of Verb Derivation]*. 2008. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 19-46 (In Russ.).
5. Krysin L.P. Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi [Euphemisms in Modern Russian Speech]. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe [Russian Word, Own and Other People's]*. 2004. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 262-286 (In Russ.).
6. Maisak T.A. Sistemy glagolov plavaniya v kavkazskikh yazykakh [Systems of Verbs Expressing Swimming in Caucasian Languages]. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya [Verbs Expressing Moving in Water: Lexical Typology]*. 2007. Moscow: Indrik. 752 p.
7. Maisak T.A., Merdanova S.R. «Proveryatel'naya forma» v agul'skom yazyke: struktura,

- semantika i gipoteza o proiskhozhdenii [“Checking Form” in the Agul Language: Structure, Semantics and Hypothesis about Its Origin]. *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Researches about the Theory of Grammar]. 2004. Moscow: Gnozis, pp. 430-455 (In Russ.).
8. Makhmudova S.M. O filosofskoi osnove somaticheskikh frazeologizmov v rutul'skom yazyke [On the Philosophical Basis of Somatic Phraseological Units in the Rutul Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Questions of Theory and Practice*. 2016, no. 1-1(55), pp. 154-158 (In Russ.).
9. Merdanova S.R. Glagoly boli v agul'skom yazyke [Verbs Expressing Pain in the Agul Language]. Kontsept bol' v tipologicheskom osveshchenii [Concept PAIN in Typological Coverage]. In V.M. Britsyn, E.V. Rakhilina, T.I. Reznikova, G.M. Yavorskaya (eds.). 2009. Kiev: Vidavnichii Dim Dmitra Burago, pp. 329-349 (In Russ.).
10. Merdanova S.R. Morfologiya i grammaticheskaya semantika agul'skogo yazyka (na materiale khpyukskogo govora): diss. ... dokt. filol. nauk [Morphology and Grammatical Semantics of the Agul Language (on the Material of the Hpyuk Dialect). Dr. Sci. (Philology) Thesis]. 2004. Moscow. 300 p. (In Russ.).
11. Merdanova S.R., Reznikova T.I. Zvuki zhyvotnykh i ikh pereinterpretatsiya v agul'skom yazyke [Animal Voices and Their Reinterpretation in the Agul Language]. Glagoly zvukov zhyvotnykh: tipologiya metafor [Verbs Expressing Animal Voices: Typology of Metaphors]. 2015. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 245-258 (In Russ.).
12. Reznikova T.I., Merdanova S.R. V pokhod za nakhodkami: glagoly ‘iskat’ i ‘nakhodit’ v agul'skom yazyke [Going on a Discovery Hunt: Verbs “Search” and “Find” in the Agul Language]. *EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E.V. Rakhilinoi*. 2018. Moscow: Labirint, pp. 105-119 (In Russ.).
13. Fedorova O.V. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. 2020. Moscow: Buki-Vedi. 460 p. (In Russ.).
14. «Chastnye tipologii» v leksike: leksicheskoe pole boli [“Special Typologies” in Lexics: Lexical Field of Pain]. In A.A. Bonch-Osmolovskaya, S.R. Merdanova, E.V. Rakhilina, T.I. Reznikova. *Fonetika i nefonetika* [Phonetics and Non-phonetics]. 2008. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 539-551 (In Russ.).

Информация об авторе

Мерданова Солмаз Рамазановна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7786-7714>, e-mail: solmaz.emin@yandex.ru

Information about the author

Solmaz R. Merdanova, Doctor in Philology, Professor, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute “Foreign Languages, Modern Communication and Management”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7786-7714>, e-mail: solmaz.emin@yandex.ru

Получена 01.09.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 01.09.2024
Accepted 15.09.2024

Дипломатические связи и межкультурная коммуникация Российской империи и Итальянского королевства в эпоху Рисорджименто

Дергачева И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

В статье приведен анализ документооборота, сложившегося в период Рисорджименто в результате дипломатических отношений Италии, в том числе Ватикана, с Российской империей. Рассмотрены фонды Архива Внешней политики Российской империи (АВПРИ) Министерства иностранных дел и проанализированы и впервые введены в научный оборот отдельные документы, дающие представление о тесных дипломатических и межкультурных связях двух стран. Кроме того, проанализированы и впервые введены в научный оборот материалы Российского государственного исторического архива (Петербург), также касающиеся сложившихся связей между Российской империей и папской курией.

Ключевые слова: Российская империя, Итальянское королевство, Архив Внешней политики Российской империи, Коллегия Иностранных дел, Виктор Эммануил II, Камилло Бенсо Кавур, Джузеппе Гарибальди.

Финансирование: Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00479 «Межкультурный диалог России и Италии в эпоху “Великих реформ” Российской империи и итальянского Рисорджименто».

Благодарности: Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Архива Внешней политики Российской империи за ценные сведения о систематизации архивных источников, относящихся к эпохе Рисорджименто.

Для цитаты: *Дергачева И.В.* Дипломатические связи и межкультурная коммуникация Российской империи и Итальянского королевства в эпоху Рисорджименто [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 48–60. DOI:10.17759/langt.2024110306

Diplomatic Relations and Intercultural Communication of the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the Risorgimento Era

Irina V. Dergacheva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

The article provides an analysis of the document circulation that occurred during the period of Risorgimento as a result of the diplomatic relations between Italy, including the Vatican, and the Russian empire. The funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE) of the Ministry of Foreign Affairs were examined and individual documents giving an idea of close diplomatic and intercultural relations between the two countries were analyzed and put into scientific circulation for the first time. In addition, the materials of the Russian State Historical Archive (Petersburg), also concerning the established links between the Russian Empire and the Papal States, were analyzed and for the first time introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian Empire, Kingdom of Italy, Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, College of Foreign Affairs, Victor Emmanuel II, Camillo Benso Cavour, Giuseppe Garibaldi.

Funding: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 24-28-00479 “Intercultural Dialogue between Russia and Italy in the Era of the ‘Great Reforms’ of the Russian Empire and the Italian Risorgimento”.

Acknowledgements: The author expresses her deep gratitude to the staff of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire for valuable information on the systematization of archival sources relating to the Risorgimento era.

For citation: Dergacheva I.V. Diplomatic Relations and Intercultural Communication of the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the Risorgimento Era. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 48–60. DOI:10.17759/langt.2024110306 (In Russ.).

В достаточно длительном периоде Рисорджименто можно выделить три этапа: «1) первоначальный, по существу подготовительный, период Рисорджименто, хронологически — это конец 40-х — конец 50-х годов XIX века; 2) этап национально-освободительной борьбы за единую итальянскую государственную целостность, прежде всего, против Австрийской империи с 29 апреля 1859 года (даты начала войны между Францией и союзной ей Сардинией и Австрией) по 17 марта 1861 года, считающегося днем создания Итальянского государства — Итальянского королевства и 3) заключительная стадия объединительного процесса в Италии: после 17 марта 1861 года и вплоть до 1 июля 1871 года, когда столицей Итальянского королевства не только юридически, но и фактически становится Рим» [11].

С XIX в. Россия поддерживала с Италией широкие политические отношения, а также

торговые и культурные связи. Уже в последней четверти XVIII в. Российская империя установила дипломатические отношения с отдельными итальянскими государствами и поддерживала их до создания в 1870 г. объединенного итальянского государства. Известно, что в 1777 г. в Неаполь (Королевство Обеих Сицилий) российским посланником назначен граф Разумовский А. В 1783 г. во Флоренцию (Великое герцогство Тосканское) поверенным в делах назначается граф Д. Моцениго, а в Турин (Сардинское королевство) назначен российским посланником князь Н. Юсупов. В 1786 г. в Генуэзскую республику поверенным в делах России направляется А. Лизакевич. В 1801 г. поверенным в делах России при папском дворе назначается В.И. Кассини.

В 1803 г. в Риме учреждена российская миссия во главе с посланником, аккредитованным при папском дворе. Первым российским посланником при Ватикане стал Д.Ф. Бутурлин, однако он так и не выехал к месту назначения, так как в мае 1804 г. русское правительство разорвало отношения с Ватиканом. Эти отношения были восстановлены лишь в 1815 г. после разгрома Наполеона, ликвидации французского господства в Италии и возвращения папы в Рим. Год спустя, в 1816 г. российским посланником в Рим назначен А.Я. Италинский.

После объединения Италии и превращения в 1871 г. Рима в столицу итальянского государства папа был лишен светской власти. В 1875 г. между Россией и Италией была заключена консульская конвенция, текст которой хранится в фонде № 190 Российское посольство в Риме. Российская миссия в Риме была преобразована в посольство, возглавил которое посланник бывшей миссии барон К.П. Иксуль, ставший в 1876 г. первым русским послом в Италии.

Отношения между Россией и Ватиканом к этому времени ухудшились и поддерживались неофициально до 1894 г. В этом году они были восстановлены. Министром-резидентом был назначен Извольский А.П. Отношения России с Ватиканом, такие как и с Италией, существовали до октябрьской революции 1917 г.

К идее объединения Италии и борьбе за национальную независимость в целом в Российской империи относились доброжелательно, однако революционные выступления итальянцев, равно как и участие Сардинского королевства в Крымской войне против России были восприняты негативно, что и зафиксировано в дипломатических документах. Однако уже с конца 50-х годов XIX в. события, связанные с национально-освободительным движением в Италии, получают одобрение не только государственных деятелей, но и писателей и публицистов — Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.В. Альбертини, М.Н. Каткова и др. [1, 2, 3, 4, 5 6, 7, 9, 10, 11, 12]. В российской печати подробно обсуждаются деятели Рисорджименто — Король Сардинии, ставший королем Итальянского королевства Виктор Эммануил II, премьер-министр Камилло Бенсо Кавур и Джузеппе Гарибальди [3, 8].

В фонде № 190 «Российское посольство в Риме» хранятся документы по истории русско-итальянских отношений в области науки и культуры, в том числе материалы о пребывании в Италии 200 русских ученых, художников, скульпторов и архитекторов с целью изучения итальянского искусства и прохождения практики в области живописи и архитектуры. В них раскрываются активные связи Петербургской академии художеств с соответствующими культурными учреждениями Италии, говорится о международных научных конгрессах и художественных выставках.

Фонд «Административные дела. Ф. 1. 1762, 1790-1832 гг.», включающий 117 описей, образовался в результате деятельности Государственной Коллегии иностранных дел в 1802-

1832 г., времени ее существования в составе и параллельно с МИД России. С 1802 г., времени образования МИД России, функции Коллегии Иностранных дел постепенно ограничивались. Уже в первые годы после учреждения МИД политические дела (переписка с дипкорпусом и русскими представителями за границей) переходит в ведение Канцелярии министра. В 1809 г. в составе МИД учреждается экспедиция консульских дел. Итак, документы Архива внешней политики Российской империи разделены на 2 части:

Часть 1. Коллегия иностранных дел (1720-1832)

Часть 2. Центральные учреждения Министерства иностранных дел Российской империи (XIX–нач. XX вв.). Включает 36 фондов, образовавшихся в результате деятельности центральных учреждений МИД Российской империи. Хронологически материалы этих фондов охватывают период с начала 19 в. до октября 1917 г., однако в некоторых фондах имеются документальные материалы более раннего или более позднего периода.

Документы, касающиеся межконфессионального диалога Российской империи и Ватикана, хранятся в Ф. 136 «Ватикан. 1867-1917 гг., 156 е.х. Опись 890. О политике Ватикана. Дела о русско-ватиканских отношениях (1867-1914)».

Большой интерес представляют дела из фонда Ф. 138. «Секретный архив министра, 1858-1917», содержащего 789 единиц хранения. Опись 467. В этом фонде хранятся договоры и конвенции (копии, 1877-1916 гг.), письма российских императоров и глав иностранных правительств (ноты, 1858-1917 гг., подлинники и копии), переписка МИД России с российскими дипломатическими представителями за границей (1858-1917 гг.).

Ф. 139. «Вторая (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России 1814-1914 гг.» содержит 591 единицу хранения. Опись 476. В этом фонде хранятся обзоры русской и иностранной печати (1854-1914), статьи и вырезки из русских и иностранных газет о международном положении, внешней и внутренней политике России, об искусстве (1814-1913).

Ф. 155. «Второй департамент. (Департамент внутренних сношений). 1832-1917 гг.». Департамент внутренних сношений учрежден указом от 10.04.1832 г. после упразднения тем же указом Коллегии Иностранных Дел. К кругу его деятельности были отнесены следующие вопросы — Документы 1-го Отделения — род 10 — донесения российских послов и посланников о рабочем и революционном движении, о деятельности торговых фирм, об экономическом положении различных стран, о благотворительных обществах, о частных лицах.

В Четвертом столе Первого отделения содержится переписка за период 1816-1916 гг. В восьми описях под общей рубрикой «Секретные дела» содержатся донесения русских консулов — о сборе сведений о частных лицах, о тайных общественных и революционных движениях, террористах, заговорах, о социалистах в Западной Европе, об анархистском движении, о государственных преступниках, о нигилистах, о русских эмигрантах. О сношениях департаментов полиции в России и других странах, об обществах по антирусской католической пропаганде, о польско-русских паломниках в Риме.

Пятый стол Первого отделения содержит документы за период 1880-1917 гг. — Договоры, конвенции, соглашения, конференции, выписки из консульских конвенций, тексты договоров о дружбе, мореплавании и торговле, об экономическом развитии государств, об издании русских революционных газет за границей.

В Третьем столе Второго отделения хранятся документы —

Дергачева И.В.
Дипломатические связи и межкультурная коммуникация Российской империи и Итальянского королевства в эпоху Рисорджименто
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 48–60.

Dergacheva I.V.
Diplomatic Relations and Intercultural Communication of the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the Risorgimento Era
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 48–60.

Род 2 — конгрессы, выставки и конференции,

3 — военные и другие депутации.

Род 4 — научные и учебные поездки (российских граждан за границу и иностранцев в Россию)

Род 6 — передача рукописей и книг

Род 7 — сообщения различных сведений иностранным правительствам

Род 9 — культурные и научные связи и переписка по второстепенным вопросам.

В 5 столе Второго отделения объединены Церковные дела (1857-1915)

Об отношениях Святейшего престола с иностранными правительствами (1897-1904)

О замещении римско-католических кафедр и вакантных приходах,

О смерти папы Льва 13 и вступлении на Святейший престол Пия 10 и энциклика папы Пия 10,

Об иезуитах, институте братьев христианских школ, баптистах, о переходе в католичество чиновников МИД..., о реорганизации католических семинаров в России, о католиках военного обряда,

О конгрессе католико-эсперантистов в 1910 г.

О приездах иностранных духовных лиц в Россию.

Все документальные материалы 5-го стола Второго отделения Департамента внутренних сношений (Второго департамента) включены в опись 701.

В одном из фондов АВПРИ — Фонде Дел личного состава и хозяйственных дел. Реорганизация МИД, содержится информация о дипломатах, чьи имена часто встречаются в переписке МИДа Российской империи и Итальянского королевства:

«Ф. ДЛС и ХД. Реорганизация МИД. Оп. 731. Е.х.8.

Старшинство в чине

Л 312

Год, месяц и число

1-го класса:

Государственный Канцлеръ Графъ Нессельроде Карль Васильевичъ. 1845. Марта 17

2-го класса:

Действительные Тайные Советники:

Граф Мейендорф Петр Казимирович 1854 июля 1

Северин Дмитрий Петрович 1856 Авг. 26

Бутенев Аполлинарий Петрович

Бар. Брунов Филипп Иванович

Кн. Горчаков Александр Михайлович

Толстой Иван Матвеев Обер Гофмейстер 1860 Апр. 17

Л. 313 об.

4-го класса:

Глинка Дмитрий Григорьевич

Л. 314 об.

Толстой Яков Николаевич

Дергачева И.В.
Дипломатические связи и межкультурная
коммуникация Российской империи и Итальянского
королевства в эпоху Рисорджименто
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 48–60.

Dergacheva I.V.
Diplomatic Relations and Intercultural Communication of
the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the
Risorgimento Era
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 48–60.

Л.319

7-го класса

Надворные Советники:

Л. 319 об.

Колошинъ Иванъ Петровичъ

Л. 320 Кампенгаузен Бар Леопольд Христофорович

Бар Мейендорф Феликс Казимирович (в зв. Кам. Юнк.)

Л. 329 об.

9-го класса

Титулярные Советники:

Глинка Николай Дмитриевич

Л. 330

Колошинъ Дмитрій Павловичъ

Л. 363

Расход Отдельные документы [запись от руки черными чернилами, сам список печатными
буквами] [Выписываю только итальянские — И.Д.]

ПОСОЛЬСТВА.

Римъ

МИССИИ.

Л. 363 об. Римъ

ДИПЛОМ. АГЕНТСТВО

Л.364 ГЕНЕРАЛЬНЫЯ КОНСУЛЬСТВА

Генуя

Неаполь

Л. 364 об. КОНСУЛЬСТВА

Л.366 Римъ

Триестъ

Л. 366 об.

Флоренция

ВИЦЕ-КОНСУЛЬСТВА

Л.367

Катанія

Л.373 об.

Генеральн. Консульство Число лиц основной оклад Оклады по министерству

Франки

Въ Генуе

Генер. Консул 1. 15000. 7000. 2000. 2700

Вице. Консул. 1 6000. 4000. 1000. 11000

Канцелярия — — — — — 8000

43000».

В Архиве Внешних сношений Российской империи нами были изучены документы Фонда 190 «Посольство в Риме», опись 525, 1 и 2 части, раскрывающие тесные связи Российской империи и святого престола за 1746-1917 годы. Их состав разнообразен, приведем самые из них интересные, разнообразные по тематике:

«Ф. 190. Посольство в Риме. Оп. 525, 1 ч.

№ 825. Разные док. Рос. Миссии в Риме 1851-1875.

Письмо кардинала Антонелли прелату Юлирнскому из Вильно.

Список римско-католических епархий в России.

Разные приложения к донесениям из Рима, газеты (русск. и иностр.), Депеша министра иностранных дел России Горчакова рос. посольствам и миссиям об отмене конкордата 1847 г.

Ф. 190. Посольство в Риме. Оп. 525, 2 ч.

№ 1150. О римско-католических приходах Минской губернии (о введении русского языка в дополнительное римско-католическое богослужение, о Минском училище римско-католических приходов Минской губернии). 1871-1891.

№ 1151. О назначении причта и открытии богослужения в православной Церкви в Риме, о передаче указов Св. Синода причту православной Церкви во Флоренции. 1871.

№ 1211. О православных церквях в Риме и Флоренции. 1873.

№ 1212. Переписка российской Миссии в Риме по разным вопросам (о перенесении православной Церкви во Флоренции в другое здание и по другим вопросам). 1873.

№ 1256. Переписка российской Миссии в Риме о возражении против приезда в Россию монаха Бенедиктинского ордена Ф. Солоневича...1875.

№ 1268. Переписка российской миссии в Риме с Департаментом Внутренних сношений...о просьбе гр. П. Галатери де Генола разрешить ему принять православную веру...1875.

№ 1321. О православных церквях в Италии (о просьбе русской колонии во Флоренции сохранить православную Церковь в этом городе, о финансовой отчетности православной Церкви во Флоренции. 1877-1878.

№ 1325. Переписка о деятельности российских консульств в Италии (...о количестве русских путешественников и паломников, приезжающих через Бари... 1877.

№ 1364. Переписка по вопросам личного состава посольства и причта православной Церкви (...послужной список настоятеля церкви во Флоренции Вл. Левицкого).1878.

№ 1369. Отношения Департамента иностранных исповеданий МВД России российскому агенту по духовным делам в Риме Гр. Сальвиати. 1879.

№ 1370. Отношения рос. агента по римско-католическим делам в Риме в Департамент иностранных исповеданий МВД России. 1879-1888.

№ 1371. Православная церковь во Флоренции и Риме (о пожертвовании оборудования домашней церкви П. Демидовым, князем Сан-Донато, в пользу посольской церкви во

Флоренции в связи с предполагаемой продажей имения Сан-Донато, счета, расписки, о намерении вдовы надворного советника Е. Ковальской построить православную церковь в Риме). 1879-1880.

№ 1388. Церковные вопросы. О переговорах российской Миссии в Риме с римской курией, действующие правила об управлении в России римско-католической церкви, отдельные номера итальянских и русских газет) 1880, 1882, 1885, 1888, 1893-1895-1898, 1899, 1904.

№ 1389. Материалы к переговорам между российским Правительством и Римской курией (предварительное соглашение между Св. Престолом и Россией, подписанное в 1880 г. в Риме, выписка из инструкции представителям России на переговорах Масолову и Бутеневу). 1880.

№ 1390. Материалы и переговоры между правительством России и Римской курией (записка по католическим делам, представленная Особым совещанием императору 25 ноября 1880 г. 1880.

№ 1425. Переписка о постройке православного храма во Флоренции (копия купчей крепости на покупку земли, план приобретенного участка в 1882 г. о покупке нового участка для церкви в 1885 г, о проекте здания храма, составленном академиком Архитектуры Преображенским, денежная отчетность). 1881-1898.

№ 1493. Переписка о претензиях о российских и итальянских подданных о таможенных вопросах, о статьях в ит. газетах, имеющих антирусскую направленность, о взаимной выдаче преступников, об оплате за проезд по Московско-Брестской железной дороге представителей Ватикана, прибывших на коронацию Николая II. 1883.

№ 1503. Документы, относящиеся к связям российского Посольства в Риме с Ватиканом (апостолическое письмо папы Льва 13 о церковной иерархии в Ост-Индии; о связях между базилианским монастырем близ Рима и публичной библиотекой в Петербурге; о доставлении сведений о личности дворянина Погосского, претендующего на признание за ним сана священника в России; о работе профессора Цветаева над исторической темой относительно пребывания и кончины царя Василия Шуйского в польском плену). 1884-1899.

№ 1560. Церковные вопросы (относительно ходатайства об оказании денежной помощи греческой православной Церкви в Мессине; о заказанном в Палермо мозаичном поле из сицилийского мрамора для строящегося в Севастополе храма св. Владимира). 1886.

№ 1588. Переписка о строительстве православного храма во Флоренции. 1887-1900.

№ 1627. Прав. Церковь (о разрешении отставному генерал-лейтенанту Новицкому устроить домовую церковь во Флоренции... об окончании устройства временного помещения посольской церкви во Флоренции, о расходах на содержание посольской церкви во Флоренции). 1888.

№ 1684. О православных Церквах в Риме и Флоренции (...об определении Сергея Левицкого псаломщиком при посольской церкви во Флоренции, о строительстве греческой православной Церкви в Бриндизи). 1890-1894.

№ 1685. Переписка о расходах на строительство временной прав. Церкви во Флоренции. 1890.

№ 1711. Донесения Извольского в МИД России по вопросу о конклавах (историческая Справка о конклавах 1823, 1829, 1830/1831, 1846 и 1878 гг. о законах и постановлениях

Дергачева И.В.
Дипломатические связи и межкультурная
коммуникация Российской империи и Итальянского
королевства в эпоху Рисорджименто
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 48–60.

Dergacheva I.V.
Diplomatic Relations and Intercultural Communication of
the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the
Risorgimento Era
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 48–60.

относительно избрания папы римского и др.) 1891.

№ 1748. Заметки о литургии на славянском языке неизвестного автора. 1892.

№ 1787. О русских православных Церквах в Риме и Флоренции... 1893.

№ 1831. Переписка о запросе разного рода информации, составлении справок и т.п. (...об установлении дипломатических отношений между Россией и Ватиканом...) 1894.

№ 1963. Претензия о разрешении существующего спора между православными и католиками относительно права пользоваться северной лестницей в Вифлеемском храме. 1898-1899.

Как видно из приведенной описи, между Министерством иностранных дел Российской империи и Ватиканом шел обширный диалог по целому комплексу вопросов, связанных с православной и римско-католической конфессиями».

Любопытным представляется документ, в котором зафиксирован факт вступления русских подданных в ряды папских войск и даже попытка передачи им небольшой суммы денег в виде вознаграждения от папского престола: Ф. 190 АВПРИ. № 4169:

1) «Л. 108

Министерство Иностранных дѣлъ.

Департаментъ

Внутреннихъ Сношений

Отделение I

Столъ

16 июля 1871 г.

№ 4169

Господину Чрезвычайному

Посланнику и Полномочному Министру при Дворѣ

Его Величества Короля Италіи

Отвѣтъ номер 474

Въ следствіе ходатайства исправляющего должность Главнаго Начальника III Отделенія Собственнаго Его императорскаго Величества Канцеляріи, которому сообщено было о содержаніи отношенія ввѣренной Вамъ // Л.108 об. шему Превосходительству Миссіи отъ 23 Юня 5 / Юля сего года на счетъ русскихъ подданныхъ, вступившихъ въ ряды Папскихъ войскъ, Департаментъ Внутреннихъ Сношений покорнѣише Васъ проситъ сообщить оному подробный списокъ вышепомянутымъ русскимъ подданнымъ.

К сему Департаментъ считаетъ должнымъ присовокупить, что сколько извѣстно III Отделенію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, никому не было выдаваемо нашимъ Правительствомъ разрѣшенія // Л. 109 на вступленіе въ Папскія войска.

За Директора: П. Демидовъ

Дѣлопроизводитель: Ив. Мумокъ»

2) «Л. 168

Номер 418 Ф. 447

1871

23 Июня 5 июля 1871. *Trasmissions*¹

Номер 473

Въ Д(епартамен)тъ Внутреннихъ Сношеній

Итальянскаго М(инистерст)ва Ин(остранны)хъ Д(ел)ъ доставлено по квит(анции) небольшую сумму денегъ причитающуюся некоторымъ лицамъ с польскими фамилиями, объявившимъ себя русскими подданными, и служившими въ бывшей папской арміи, прося озаботиться о передаче ихъ денегъ по принадлежности. Принявъ во вниманіе что русскіе подданные не могутъ вступать въ иностранную службу безъ особаго разрешенія правительства и, будучи увѣренъ что производящійся расчетъ касается особъ не снабженныхъ такимъ дозволеніемъ, я возвратилъ присланныя мнѣ деньги а за тѣмъ // (Л.168 об.) приложенныя къ нимъ папскія материалы здѣшнему правительству сообщивъ одновременно что я предложу решеніе вопроса на усмотреніе Императорскаго Министерства.

Вследствіе сего я имею честь обратиться въ Д(епартамен)тъ с покорнейшею просьбою почтить меня уведомленіемъ, было ли когда нибудь разрѣшаемо нашимъ соотечественникамъ вѣрбоваться въ ряды папская арміи и не слѣдуетъ ли Мисіи на будущее время отказываться отъ всякаго посредничества въ подобныхъ дѣлахъ, буде они снова повторяются.

Пов(еренный въ д(елахъ)».

Данная переписка свидетельствует не только о дипломатической поддержке Российским министерством иностранных дел Пия IX в его попытках вернуть отобранную у него молодым итальянским правительством светскую власть, но и о прямой вооруженной поддержке Ватикана отдельными российскими лицами, действующими, впрочем, неофициально, по собственной воле. Неудивительно, что и со стороны представителей римской курии осуществлялась помощь их православным коллегам.

Наше внимание привлек документ из фонда РГИА № 796 Канцелярии Синода секретные дела, № 631 «Дело № 346/№ 346/87. Письма Сабира, В.К., тов. Обер-прокурора синода митр. Сергию о делах по Синоду. Приложение: выписка из письма итальянского патера Ванутилли о свящ. Н. Толстом. Начало 1883 Кончено 1896. На 23 л.»:

«Л. 22. Из письма патера Ванутилли к Г(осподину). Оберъ-прокурору.

Около мѣсяца назадъ в Римѣ находился Николай Толстой, русскій священникъ, который во время моего короткаго пребыванія въ Москвѣ принялъ меня столь любовно. По чувству благодарности за эту любовь, я представилъ его здѣсь лично и оказывалъ ему содействіе ко представленію не только всѣмъ церковнымъ авторитетамъ, но и дипломатическому корпусу, находящемуся въ Римѣ. Все обнаружили къ нему весьма большое вниманіе и даже публика была ознакомлена съ нимъ печатію. Кажется, онъ поставленъ въ некоторое затрудненіе за проявленіе своей расточительности къ содержанію церкви.

¹ Перевод с фр. — Дешпи [И. Дергачева].

Однако онъ все еще остается русскимъ священникомъ, неотвергаю// (Л. 22 об.) щемъ того, кто онъ есть, ни своего исповѣданія (nite), общѣнія и національности. Онъ сильно считаетъ возвратиться въ Россію и продолжать свои занятія. Но это не можетъ быть, если онъ прежде не получитъ удостовѣренія, что по возвращеніи не встѣтитъ опасности или непріятностей. Всѣ, кто къ нему расположенъ, такого же мненія. Вотъ почему я принимаю сіе обращенія къ Вашему Пр(евосходительств)ву въ надеждѣ получить отъ Васъ такое удостовѣреніе. И пока онъ его не получилъ, мы задержимъ на некоторое время возвращеніе его въ Россію.

Онъ не имѣетъ другой вины кромѣ той, открыто объявить идею, которую очень многие въ Россіи раздѣляютъ, объ осуществленіи которой какъ основы истиннаго православія, водносвая непрестанно молитвы. Нельзя допустить, чтобы тѣ, кто имѣетъ совѣсть и религію, пожелали совратъ ему за яко какія либо затрудненія. Въ семь случѣя его извѣстность въ // (Л. 23) многихъ странахъ кроетъ самыя благопріятныя для него покаянія.

Те же, кто принимаетъ участіе въ священникѣ Толстомъ, полны довѣрія и надежды, что настоящій случай служитъ благопріятнымъ поводомъ къ религіозному сближенію, о которомъ мы постоянно молимся и симптомы котораго загмчаются въ другихъ націяхъ и у хрістанскихъ народовъ восточнаго обряда. Представляя симъ письмомъ истолкованіе мыслей многихъ достопочтимыхъ людей Рима и заграницы, я хотелъ бы также попросить Васъ, не позволено ли будетъ обратиться съ нѣкоторыми религіозными и каноническими вопросами къ Святейшему Синоду въ Россіи въ надеждѣ получить ихъ разрешеніе.

Въ ожиданіи отвѣта подписался P. Vincent Vanutilli Sa te Marie Majeure 8».

В письме итальянского патера помимо личного участия в судьбе православного священника, гостеприимно принявшего его в России, ясно проглядывает интерес «к религиозному сближению» с православной церковью.

Литература

1. Бучнева Д.Д. Проблемы атрибуции в «Гражданине» Достоевского: дебаты и аргументы // Неизвестный Достоевский. 2022. № 3. С. 25-53. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6301
2. Викторovich В.А. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873-1874). 2019. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 426 с.
3. Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / Под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина, С.В. Вировца и др. 2021. Томск: Издательство Томского государственного университета. 288 с.
4. Захаров В.Н. Программная система поддержки атрибуции текстов статей Ф.М. Достоевского // Труды Петрозаводского государственного университета. Серия «Прикладная математика и информатика». 2000. Вып. 9. С. 67-80.
5. Захаров В.Н. Триумф анонимного Автора // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 5. 2004. М.: Воскресенье. С. 521-539.
6. Захаров В.Н. Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. 2013. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 17-26.
7. Захаров В.Н. Тезаурусный анализ и проблема атрибуции редакционных статей в «Гражданине» Достоевского (1873-1874) // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 104-116.
8. Захаров В.Н. Достоевский как обозреватель мировой политики // Философические письма.

Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. Вып. 3. М.: НИУ ВШЭ. С. 50-63.

9. Захарова О.В. Идеи Достоевского в развитии концепции еженедельника «Гражданин» (1873-1874) // Проблемы исторической поэтики. 2014. Вып. 12. С. 243-252. DOI: 10.15393/j10.art.2014.744

10. Зохран И. Попытка установления вклада Достоевского в редактирование статей сотрудников газеты-журнала «Гражданин» с учетом цензуры того времени // Достоевский и журнализм / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. 2013. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 143-169.

11. Лебедев С., Пеллициари И. Объединение Италии в восприятии русских современников Рисорджименто // Международная жизнь. 2015. № 8. М.: МИД РФ.

12. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин»: монография / А.А. Рогов, Р.В. Абрамов, Д.Д. Бучнева, О.В. Захарова, К.А. Кулаков, А.А. Лебедев, Н.Д. Москин, А.В. Отливанчик, Е.Д. Савинов, Ю.В. Сидоров. 2021. Петрозаводск: Издательство «Острова». 391 с.

References

1. Buchneva D.D. Problemy atributsii v «Grazhdanine» Dostoevskogo: debaty i argumenty [Attribution Problems in Dostoevsky's "Grazhdanin" ("The Citizen"): Debate and Arguments]. *Neizvestnyi Dostoevskii = The Unknown Dostoevsky*. 2022, no. 3, pp. 25-53. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6301 (In Russ.)

2. Viktorovich V.A. Dostoevskii — redaktor «Grazhdanina» (1873-1874) [Dostoevsky — the Editor of "Grazhdanin" ("The Citizen") (1873-1874)]. 2019. Petrozavodsk: Publ. PetrGU. 426 p. (In Russ.)

3. Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo [Geopolitical Map and F.M. Dostoevsky's Picture of the World]. In E.G. Novikova, A.I. Shcherbinin, S.V. Virovets et al. (eds.). 2021. Tomsk: Publ. Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 288 p. (In Russ.)

4. Zakharov V.N. Programmaya sistema podderzhki atributsii tekstov statei F.M. Dostoevskogo [Software System of Support of Attribution of Texts of F.M. Dostoevsky's Articles]. *Trudy Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Prikladnaya matematika i informatika» = Proceedings of Petrozavodsk State University. Series "Applied Mathematics and Informatics"*. 2000. Iss. 9, pp. 67-80 (In Russ.)

5. Zakharov V.N. Triumf anonimnogo Avtora [Triumph of an Anonymous Author]. *Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t.* [Dostoevsky F.M. Complete Works: in 18 volumes]. Vol. 5. 2004. Moscow: Voskresen'e, pp. 521-539 (In Russ.)

6. Zakharov V.N. Kodeks Dostoevskogo. Zhurnalizm kak tvorcheskaya ideya pisatelya [Dostoevsky's Code. Journalism as a Creative Idea of the Writer]. *Dostoevskii i zhurnalizm* [Dostoevsky and Journalism]. In V.N. Zakharov, K.A. Stepanyan, B.N. Tikhomirov (eds.). 2013. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 17-26 (In Russ.)

7. Zakharov V.N. Tezaurusnyi analiz i problema atributsii redaktsionnykh statei v «Grazhdanine» Dostoevskogo (1873-1874) [Thesaurus Analysis and the Problem of Attribution of Editorial Articles in Dostoevsky's "Grazhdanin" ("The Citizen") (1873-1874)]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of Humanitarian Knowledge*. 2019, no. 5, pp. 104-116 (In Russ.)

8. Zakharov V.N. Dostoevskii kak obozrevatel' mirovoi politiki [Dostoevsky as an Observer of World Politics]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog = Philosophical Letters. Russian-European Dialogue*. 2021. Vol. 4. Iss. 3. Moscow: NIU VShE, pp. 50-63 (In Russ.)

9. Zakharova O.V. Idei Dostoevskogo v razvitiu kontseptsii ezhenedel'nika «Grazhdanin» (1873-

Дергачева И.В.
Дипломатические связи и межкультурная
коммуникация Российской империи и Итальянского
королевства в эпоху Рисорджименто
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 48–60.

Dergacheva I.V.
Diplomatic Relations and Intercultural Communication of
the Russian Empire and the Kingdom of Italy in the
Risorgimento Era
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 48–60.

1874) [Dostoyevsky's Ideas for the Development of the Conception of the Weekly Journal "Grazhdanin" ("The Citizen") (1873-1874)]. *Problemy istoricheskoi poetiki = The Problems of Historical Poetics*. 2014. Iss. 12, pp. 243-252. DOI: 10.15393/j10.art.2014.744 (In Russ.)

10. Zokhrab I. Popytka ustanovleniya vkladu Dostoevskogo v redaktirovanie statei sotrudnikov gazety-zhurnala «Grazhdanin» s uchetom tsenzury togo vremeni [Attempt to Establish Dostoevsky's Contribution to the Editing of Articles by the Staff of the Newspaper-Journal "Grazhdanin" ("The Citizen") Taking into Account the Censorship of the Time]. *Dostoevskii i zhurnalizm [Dostoevsky and Journalism]*. In V.N. Zakharov, K.A. Stepanyan, B.N. Tikhomirov (eds.). 2013. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 143-169 (In Russ.)

11. Lebedev S., Pellitstsiari I. Ob"edinenie Italii v vospriyatii russkikh sovremennikov Risordzhimento [Unification of Italy in the Perception of Russian Contemporaries of the Risorgimento]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*. 2015, no. 8. Moscow: MID RF (In Russ.)

12. Problema atributsii v zhurnalakh «Vremya», «Epokha» i ezhenedel'nike «Grazhdanin»: monografiya [The Problem of Attribution in the Journals "Vremya" ("The Time"), "Epokha" ("The Era") and the weekly "Grazhdanin" ("The Citizen"): a monograph]. In A.A. Rogov, R.V. Abramov, D.D. Buchneva, O.V. Zakharova, K.A. Kulakov, A.A. Lebedev, N.D. Moskin, A.V. Otlivanchik, E.D. Savinov, Yu.V. Sidorov. 2021. Petrozavodsk: Publ. «Ostrova». 391 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Dergacheva, Doctor in Philology, Associate Professor, Professor, Department «Linguodidactics and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Получена 01.09.2024

Принята в печать 15.09.2024

Received 01.09.2024

Accepted 15.09.2024

Женщины-оборотни: от образа в сказке до сюжетного мотива в литературе

Мань Синкунь

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7585-8179>, e-mail: mxx9122963466@gmail.com

В статье рассматривается феномен женского оборотничества в русском фольклоре и русскоязычной литературе. Образ женщины-оборотня в русском фольклоре делится на три категории: 1. Чудесные жены; 2. Заколдованные возлюбленные; 3. Подмененная жена или невеста. Анализируется образ женщины-оборотня в сказках, выявляется функциональное многообразие. Исследуется мифологическое происхождение образа, связанное с представлением об «иномирии» и с антропоморфным восприятием мира. В русском фольклоре женщина-оборотень предстает либо в образе жертвы, которая по своей природе является человеком, либо у нее утверждается функция спасения и совершенствования окружающего мира. Превращение в различных животных – это не только выражение тотемизма древнерусских предков, но и скрытое проявление иномирия. В то же время женщина-оборотень — спутница главного героя-мужчины, ключ к другому миру и испытание для его брака. Двойная природа женщины в русских сказках в итоге преодолевается, женщина окончательно входит в мир героя. В дальнейшем письменная литература преобразует мировоззренческий аспект в метафору, характеризующую сложность и неоднозначность женского поведения. Вновь актуализирует представления об оборотнях-ведьмах Н.В. Гоголь, в советской литературе феномен оборотничества возникнет в творчестве П.П. Бажова, а в современной — в романах Виктора Пелевина. Женщины-оборотни в современной литературе часто изображаются как персонажи со сложными эмоциями и внутренними конфликтами, как необычные существа, но с человеческой сутью и эмоциями, либо обретают их в процессе общения. Связь между оборотничеством и потусторонним миром сохранялась всегда.

Ключевые слова: русский фольклор, современная русская литература, женское оборотничество, волшебная сказка, образ и функция, иной мир.

Для цитаты: Мань С. Женщины-оборотни: от роли в сказке до сюжетного мотива в литературе [Электронный ресурс] // Язык и текст. Том 11. № 3. С. 61–71. DOI: [10.17759/langt.2024110307](https://doi.org/10.17759/langt.2024110307)

Werewolf Women: from Fairy Tale Image to a Plot Motif in Literature

Man Xingkun

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7585-8179>, e-mail: mxk9122963466@gmail.com

The article deals with the phenomenon of female werewolfism in Russian folklore and Russian-language literature. The image of a female werewolf in Russian folklore is divided into three categories: 1. Wonderful wives; 2. Bewitched lovers; 3. Substituted wife or bride. The image of a female werewolf in fairy tales is analyzed, functional diversity is revealed. The mythological origin of the image, connected with the idea of "otherworldliness" and anthropomorphic perception of the world, is studied. In Russian folklore, the female werewolf appears either in the image of a victim, who by nature is a human being, or she is asserted to have the function of salvation and improvement of the surrounding world. The transformation into various animals is not only an expression of totemism of Old Russian ancestors, but also a hidden manifestation of otherworldliness. At the same time, the female werewolf is the companion of the male protagonist, the key to the other world and a test for his marriage. The dual nature of woman in Russian fairy tales is eventually overcome, and the woman finally enters the hero's world. Further written literature transforms the worldview aspect into a metaphor describing the complexity and ambiguity of female behavior. N.V. Gogol again actualizes ideas about werewolves-witches, in Soviet literature the phenomenon of werewolfism will appear in the works of P.P. Bazhov, and in modern literature — in the novels of Victor Pelevin. Female werewolves in modern literature are often portrayed as characters with complex emotions and inner conflicts, as unusual creatures, but with human essence and emotions, or acquire them in the process of communication. The connection between werewolfism and the otherworld has always been maintained.

Keywords: Russian folklore, modern Russian literature, female werewolf, magic tale, image and function, other world.

For citation: Man X. Werewolf Women: from Fairy Tale Image to a Plot Motif in Literature. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 61–71. DOI: 10.17759/langt.2024110307 (In Russ.).

Обретение женщиной художественного воплощения в словесном искусстве сопровождается установлением ее статуса не только в витальном аспекте, но и осознанием гармонизирующей роли в социальной жизни. Процесс признания и поиск характерных особенностей женского присутствия существенен для культуры разных этносов и различается во времени. При всем своеобразии конкретных образов и хронологической специфики существовали и в прошлом, и в настоящем точки соприкосновения в осмыслении феминного начала. Для русской словесности в образе женщины сочетались оксюморонные черты (ветреность и верность, ум и глупость, расчетливость и щедрость, хитрость и открытость т. п.). Созидаемый на этой основе архетипический образ включает аспект

непредсказуемых изменений, необъяснимых поступков вне логики и обстоятельств. И такой поведенческий стереотип, приписываемый женщине, восходит изначально, на наш взгляд, к феномену оборотничества — приходу в земной мир существ из «иноного» мира различного генезиса. Вредоносность или благодеяние могут соединяться в единое и нераздельное целое, формируя противоречивость образа, неоднозначной ситуации, становясь мотивом в сюжетном развертывании. Очевидна связь оборотничества с восприятием единства живой и неживой природы, также как и социального и природного бытия человека. Историческими корнями уходя в доисторические представления о мироздании, сохранив идею возможности контактов с существами «иномирия» в ритуальной практике, феномен оборотничества дожил в искусстве до наших дней, беря на себя новые беллетристические функции при созданиях интриги, включающей неожиданные поступков персонажей и необъяснимые для обыденной жизни явления.

Оборотничество: многогранность трактовок

Понятие оборотничества трактуется в исследованиях по-разному. В энциклопедии «Славянские древности» об оборотничестве говорится, что оно, будучи представлено в фольклорных текстах, связанных с суевериями, смыкается с колдовством и превращением, при котором персонажи нечистой силы (либо «знающие» люди) меняли свой внешний вид (ипостась), принимали облик другого человека, животного, предмета, растения и т. п. [19, с. 466].

В энциклопедии «Мифы народов мира» находится уточненная трактовка, предложенная С.Ю. Неклюдовым: «*Оборотничество, в мифологии магическая переменна облика персонажа. Преимущественно — временное превращение с последующим возвратом к первоначальному (подлинному) виду*» [18, с. 739]. Оборотничество распространено в обрядовой культуре и фольклоре разных народов. В древних мифах присутствует первообраз оборотничества — один из самых основных в понимании творения мира: древнеегипетский бог солнца Ра воплощается в образе птицы Феникс, быка, кота, жука и т. п.; верховные бог древней Индии Вишну может принимать облик рыбы, черепахи, тигра и т. д. По мере того, как новые жанры народного творчества созидались, оборотничество применялось в них как обычный мотив и важный композиционный элемент, непрерывно варьируясь и развиваясь под влиянием определенных условий эпохи, переходя от задачи мифологического объяснения мира в сказочный сюжет. Таким образом, можно считать мотив оборотничества в волшебных сказках не просто выдумкой древнего человека, а продуктом культурных, исторических, общественных условий эпохи создания волшебных сказок. Магическая тема в объяснении существующего уклада жизни через оборотничество существовала долгие века параллельно с образно-сказочной, имеющей более эстетическую дидактическую функции. Средневековье, более описанное по европейским материалам, трактовало мотив оборотничества в форме превращений, свойственных ведьмам, которые сами были объектом внимания нечистой силы. Превращения придавали им особый статус для вхождения в мир зла и служили для усиления колдовства [17, с. 339-341]. Многочисленные примеры судебных разбирательств и инквизиционных процессов хорошо известны в истории религий. Однако негативная окраска оборотничества в Средние века была новым этапом внимания к феномену, возможно, связанная со стремлением человека отделить себя от природы на основе представлений о бессмертии души, дарованной Богом.

Оборотничество, как одна из самых удивительно-занимательных тем в русской словесности, заинтересовало многих российских ученых. Их исследования проводились не

одномоментно, а поэтапно. В XIX в. русские ученые изучали оборотней и оборотничество более в этнографическом аспекте, обращая внимание на рассказы о магических способностях и мифических существах. Они собирали нарративы и слухи об оборотнях из разных мест, описывали их особенности и пытались уточнить генезис образов, систему верований и ритуальное использование. С.В. Максимов (1831–1901) в своей работе «Нечистая сила, неведомая сила и крестная сила», изданной после его смерти в 1903 г., отводит оборотничеству отдельную главу, перечисляет оборотней в разных местностях России и анализирует их различия [10]. Н.Я. Никофоровский (1845–1910) в работе «Нечистики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (1907) связывает оборотней с нечистой силой, такой как русалка, леший и т. п., в отдельной главе подробно характеризует их в разных аспектах: облик, магические способности, взаимоотношения с людьми [11].

Существенный вклад в формирование знаний об оборотничестве в русской культуре и особенно о женщинах-оборотнях внесли русские народные сказки. Этнографическая насыщенность сказок народными обрядами, их значение для понимания древнейших представлений, воплощенных в искусстве слова, отмечались собирателем и издателем А.Н. Афанасьевым (1826–1871). В предисловии к сборнику «Народные русские сказки» он писал: «...тесно связанные по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова и исполненные древних преданий, сказки представляют много любопытного и в художественном, и в этнографическом отношениях» [2, с. 5]. Закономерно, что в основе материалов, примеры из которых использованы в статье, лежит его публикация.

В XX в. ученые продолжили изучение типов обращения к оборотням и оборотничеству в различных видах народного творчества, особенно в волшебных сказках. В.Я. Пропп (1895–1910) систематически изучал оборотничество и оборотней как один из существенных мотивов волшебной сказки, как в историко-культурном аспекте, так и в морфологическом, выясняя встроенность мотива в архитектуру жанра. В монографии «Исторические корни волшебной сказки» (1946) он раскрывает, что наряду со многими другим мотивами волшебной сказки, мотивы об оборотничестве и оборотнях берут свое происхождение от таких первобытных обрядов как инициация, похороны, и охотничий обряд [14]; в работе «Морфология сказки» (1928) В.Я. Пропп считает оборотничество персонажа важным композиционным мотивом волшебной сказки [16].

В конце XX — начале XXI в. происходит всплеск исследований оборотничества и оборотней в рамках исследований магии и демонизма, вероятно, вслед за интересом европейской науки. Ярким примером является научная конференция «Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации» (Москва, 2015), по результатам которой был выпущен сборник статей. Открывает сборник концептуальная статья Д.И. Антонова об изменении представления об оборотничестве и оборотнях в иконографии и книжности Древней Руси [1].

Оборотничество в русской волшебной сказке

Образы женщин-оборотней широко распространены в волшебных сказках. Универсальность результатов исследования обеспечивается привлечением издания «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (1979) с целью выявления сюжетов, содержащих мотив женского оборотничества [4].

В русских волшебных сказках женщины-оборотни делятся на три общие категории: 1) Чудесные жены; 2) Заколдованные возлюбленные; 3) Подменная жена или невеста. Тип

«чудесные жены» воплощен в известной сказке «Царевна-лягушка» и «Сказке о лягушке и богатыре». Хотя обе сказки имеют схожую сюжетную линию, тонкие различия в изображении женщин-оборотней можно заметить уже в деталях описания. Сказка «Царевна-лягушка», начинается с того, что, по приказу старого царя, трое его сыновей отправляются в «чистое поле» и стреляют из лука, чтобы найти себе жен, «старшие боярыню и купчиху в жены взяли, а младшему лягушка досталась». Впоследствии выясняется, что лягушка на самом деле является Василисой Премудрой, на которую наложил «оборотные» чары ее собственный отец («*Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой*» [3, с. 260–267]). Возможно, попыткой могущественного отца Василисы Премудрой понизить ее статус можно объяснить превращение Василисы именно в лягушку, т. е. существо, ассоциирующееся с «нижним» хтоническим миром [5, с. 5]. В сказке не объясняется, кто именно является отцом Василисы, намекается лишь, что он является могущественным магом. Некоторые детали сказки позволяют выдвинуть два варианта происхождения лягушки-царевны. Первый предполагает, что отцом Василисы является Кощей. Об этом пишет В.П. Федорова при анализе того же варианта сказки [20, с. 109]. Исследователь отмечает: «*Родившись от Кощея Бессмертного, она должна быть змеей, родной его дочерью. Видимо, в этом образе соединились черты двух героинь-тотемов: змеи и лягушки. Разрушение мифологического сознания привело к выветриванию мотива связи героини со змеей*» [Там же]. Второе предположение основывается на связи образа лягушки со стихией воды как основы всей жизни, присутствующей в фольклоре разных народов [Там же, с. 107]. Ввиду этого, можно предположить, что изначально в мифе ее отцом мог бы быть Морской царь.

В сказке лягушка вынужденно возвращается к отцу — Кощею, имя которого раскрывает его принадлежность к миру мертвых. Смерть Кощея — единственный способ для Ивана-царевича освободить невесту и увести ее в свой земной мир. Побег сопровождается системой оборотничества предметов, превращающей силой ее магии обычные вещи в природные защитные силы. Царевна-лягушка пересекает границу между миром живых и мертвых, будучи лягушкой, связанной с животворящей силой воды, и Василисой Премудрой — царственной персоной, наделенной особым магическим знанием. Перейдя в пространство живых, указав царевичу на неизбежность брака в результате судьбоносного выбора, лягушка начинает творить на пиру новый совершенный мир и повторить ее действия обычным невестам других братьев не под силу. Смерть Кощея символизирует избавление от вредоносных сил мифического мира, чему способствует царевна, пришедшая из иного мира. Ее поиск Иваном-царевичем пробуждает гуманистические мотивы во взаимоотношениях с природой. Противостояние человеческого и животного начал сменяются их взаимодействием в уничтожении сил зла, а готовящиеся убийства оборачиваются идиллией взаимопомощи. Таким образом, феномен оборотничества способствует совершенствованию «царства» Ивана, и женщина-оборотень — главный фактор изменений, а брак с «царевной-лягушкой» гарантирует пролонгацию благополучия.

В варианте сказки «О лягушке и богатыре» трансформация женского образа происходит по инициативе самой лягушки: «*И как скоро проговорил сии слова, то лягушка спустила с себя ту кожу и сделалась великою красавицею. Потом говорила: “Вот, любезный Иван-богатырь, какова я есть, но что я ношу на себе лягушечью кожу, то это только будет днем, а ночью я всегда буду так, как теперь меня видишь”*» [14, с. 205]. Описание процесса возвращения жены к Ивану сопровождается ее разнообразным оборотничеством, связанным с подземным миром: «*Тогда она начала оборачиваться разными гадами, то Иван-богатырь*

все держал, а как Василиса Премудрая обратилась ужом, то он испужался и опустил ее из рук» [Там же, с. 211]. Перемещение Василисы в иной мир в образе птицы иллюстрирует наблюдение В.Я. Проппа: «В сказке герой, чтобы переправиться в иное царство или обратно, иногда превращается в животное. <...> чаще всех других форм фигурирует птица» [16, с. 287–288]. В сказке «О лягушке и богатыре» Василиса не превращается в лебедя и не улетает, а «пропадает», ее превращения в разных пресмыкающихся указывает на связь с хтоническим пространством. Ради нее главный герой должен отправиться в иной мир, чтобы доказать свое право на брак с чудесной возлюбленной, продемонстрировать свои способности ее вернуть (Бракосочетанию предшествует церемония, имитирующая обряд посвящения, в ходе которой жених показывает, что он прошел все так называемые испытания)¹.

Многие фольклористы отмечали, что сказка представляет собой явление многослойное, вобрав в себя древнейшие мифологические представления, магические обряды, культурно-историческую фактологию и т. п. Об этом свидетельствуют две рассмотренные нами сказки, в которых образ чудесной жены, Лягушки (Василисы Премудрой), сочетает в себе несколько аспектов. Первый уровень, на наш взгляд, связан, как и все волшебные сказки (по мнению В.Я. Проппа), с древним обрядом инициации. В начале сказки Иван демонстрирует свою наивность, магическую несостоятельность по сравнению с чудесной женой, и должен доказать свое право на брак, пройдя магическое испытание в ином мире. На этом уровне на первый план выходит магическое происхождение Василисы и ее чудесные умения.

Второй уровень сказки перекликается с древнейшими брачными обрядами, которые, по своей сути, тесно связаны с ритуалами, направленными на улучшение плодородия земли. В этом отношении обращает на себя внимание чудесная пляска Василисы перед царем, которая, по мнению ряда исследователей², отражает структуру подобных языческих ритуалов. Третий уровень, который как нам кажется, присутствует в данном образе, связан с архаическими, характерными для разных народов, представлениями о магических свойствах лягушек, необходимых для вызова / прекращения дождя. Сюжет сказки можно интерпретировать следующим образом: царевна-лягушка, появлению которой в одном из эпизодов сказки сопутствует гром, предвестник дождя, символизирует способность вызывать дождь. Иван по незнанию совершает магическую оплошность, и царевна, источник дождя и плодородия, исчезает. Иван должен отправиться на поиски, пройти магическое испытание и вернуть этот источник. Это перекликается с мотивом, который был выделен В.Я. Проппом в других сказках, а именно — «мотивом героя, вызывающего необыкновенно быстрый урожай», который «восходит к представлениям о магах и жрецах, умеющих ускорить урожай в силу пройденного посвящения» [15, с. 274].

Шедеврами сказок Афанасьева, содержащими образ заколдованных возлюбленных, являются «Заколдованная королева» и «Царевна-змея»³. Героини сказок возвращаются к своему человеческому облику с помощью магических сил и волшебных предметов. Некоторое время герою позволено жить одному в определенном замке — это аналог т. н.

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. 2000. М.: Лабиринт. С. 289.

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. 1988. М.: Наука. С. 695.

³ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Том 2. 1985. М.: Наука. С. 268-280.

«мужского дома» [Там же, с. 90]. Согласно В.Я. Проппу, пребывание в «мужском доме» было одним из этапов древнего ритуала инициации. Однако в сказке «Заколдованная королева» на этом основании героиня (красная девица) вышла замуж за главного героя (солдат). Позже, из-за того, что главный герой скучал по своему родному городу и уехал, его разлучили с королевой, но в конце концов он успешно находит свою жену с помощью магических сил и волшебных предметов. Сущность заколдованной королевы — женщины-медведицы — человеческая, ее оборотничество носит насильственный характер. Неслучайно пребывание в облике медведицы предшествует свадьбе заколдованной королевы и солдата. Русский фольклор Верхнего Поволжья сохранил черты поклонения медведю и ритуалы, называемые «медвежьей свадьбой»: *«ряженные медведями на свадьбах валили на пол девушек, мазали их сажей, а сама “молодая” — невеста — именовалась медведицей»* [13, с. 10]. «Женщина-медведица» обладает магическими способностями, что позволяет определить ее как «тотемную чудесную жену», и дальнейший сказочный сюжет воплощает представления об опасностях (отлучка мужа, наивное открытие им магической тайны перед незнакомцами, следующая за этим разлука героев) и преимуществах (финальное приобретение магических знаний, позволяющее супругу быть равным своей суженой), которые несет в себе такой брак. В сюжете представлено осмысление древним мифологическим сознанием особенностей нормально-эзогамного брака. Королева из анализируемой сказки сохраняет черты инициатора посвящения, хоть и в меньшей степени (заранее сообщая о награде в виде замужества, которая последует за выполнением испытания).

В сказке «Царевна-змея» женитьба казака на царевне не происходит сразу за посвящением, а следует за обретением источника обилия и дальнейшего дополнительного испытания, как мы видели ранее. Это характерно и для других сказок, отразивших принцип экзогамии (со спасенной «чудесной девой» связан мотив обилия / приобретения). Казак выполнил обещание и вместе с девицей отправился к ее отцу за вознаграждением. Золота он не взял, а попросил волшебный бочонок, который обменял у старика на меч-саморуб. С его помощью он победил «вражье» войско, которое осадило город короля. Король выдал свою дочь за казака, и они сыграли веселую свадьбу. Инициатором этого процесса в сказке является заколдованная героиня, образ девушки-змеи отразил в себе черты посвящающего, на что указывает следующее: она не сообщает казаку, почему именно он должен это сделать, но он покорно выполняет все, что она ему велит. Его действия не мотивированы личными интересами, он словно подчиняется какому-то внутреннему кодексу. Только, когда проходит семь лет (три года в оловянном замке), героиня сообщает герою, зачем это было нужно: оказывается, что это для того, чтобы снять заклятие оборотничества, наложенное Кошечем Бессмертным, за которого героиня, насмеявшись над ним, отказалась выходить замуж (*«Полюбил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютый змеею»* [3, с. 268–270]).

В сказке нет указаний, что героиня обладает способностью к трансформации или иной волшебной силой. Ее истинной сущностью является человеческий облик, который она может принимать, будучи наказанной, лишь на время, а змея — это ипостась, в которую ее заставил обернуться Кощей Бессмертный. Есть две причины, по которым Кощей превратил девушку именно в змею, а не в какое-то иное животное. Первая заключается в следующем: образ Кощея коррелирует с образом змея, что отмечается Е.В. Гришановой: *«В волшебных сказках Змей и Кощей выполняют одну и ту же функцию: похищают невесту или жену героя. Поэтому в народном представлении образы Змея, василиска и Кощея могли быть сближены»* [7, с. 50], и, возможно, Кощей превратил девушку именно в змею — существо,

похожее на него — чтобы отомстить за насмешки. Вторая причина заключается в том, что, поскольку змеи принадлежат существам из мира мертвых («Змея может означать смерть, потому что является существом убивающим» [6, с. 112–116]), Кощей превратил героиню в змею, чтобы разорвать ее связь с миром живых — реальным миром. Спасение героинь, возвращение им человеческого облика происходит только с помощью главного героя-мужчины.

Третий тип представлен двумя сказками — «Сказка о Сарге-королевиче и Устинье-боярышне» и «Царевна — серая утица». В обеих сказках видна схожая трехчастная структура: свадьба служит вступлением, настоящую героиню изгоняют (превращают в животное), и, наконец, личность героини узнают и восстанавливают в праве на брак. Сюжетная линия осложняется наличием в сказке двойника, который занимает место настоящей жены, а причинение вреда настоящей жене (подмена и превращение настоящей героини) всегда происходит в отсутствие мужа «В некоторое время королю Саргу для самонужнейших причин надлежало отлучиться из своего королевства на недолгое время, почему он и не заблагорассудил взять с собою свою супругу» [12, с. 293–303]. Очевидно, что ситуация с превращением нарушает определенные запреты, хотя в оригинальном тексте это прямо не указано: «В то самое время был день наи жарчайший, и как они подошли ко взморью, то мачеха предложила всем своим дочерям, не угодно ли им будет искупаться» [Там же], «Царевна скинула платье, и только легла на перину» [258]. В обеих сказках настоящая жена превращается в утку: «Лишь только успела она выговорить сии слова, то в ту же минуту Устинья-боярышня превратилась в серую утицу и начала плавать по взморью» [Там же], «нянька ударила ее слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею» [3, с. 258], а согласно древнеславянской мифологии, Мировая утка родилась из пены новорожденного Океана. Для славян, селившихся на берегах рек, утка олицетворяла непосредственную связь не только с воздухом, но и с водой: «В воде есть тайна: ее видимая мягкость и податливость скрывают упорство и силу. Прибывающая вода несет опасность для жизни. Образ потока воспринимается как трудности и непреодолимые преграды. Текущая вода — это "живая вода", она символ неумолимого хода времени, невозможности его вернуть. Река — символ забвения. В мифологии многих народов река разделяет мир живых и мир умерших» [8, с. 82]. Как и в первых двух типах, оборотничество сопровождается переходом из реального мира в «иной», а замененная жена становится одним из испытаний в сюжете для мужчины, что также перекликается с обрядом посвящения.

Подводя итог, можно сказать, что образ женщины-оборотня в сказках характеризуется следующими особенностями: 1) образы превращения женщин в животных (рептилий, водоплавающих птиц) в сказках связаны с тотемным культом древних славянских предков; 2) превращение женщин-оборотней в сказках в основном пассивное; 3) процесс превращения героини сопровождается переходом в иной мир (использование лесов и океанов как мест, связывающих мир живых и мир мертвых); 4) женщина-оборотень является причиной брака, а женщина-оборотень — не только ключ для путешествия главной героини в другой мир, но и испытание для ее мужа или жениха, что также связано с обрядом посвящения.

Можно сделать вывод о полифоничном звучании женского оборотничества. В русской сказке героиня становится оборотнем преимущественно не по своей воле, приходя в земной мир через процесс брака, она меняет его, привнося новые благодатные черты. Ее связь с природным началом придает ей дополнительные возможности. Негативные силы также

могут быть реализованы через мотив женского оборотничества, но это «ложный персонаж» и ее вредоносные действия раскрываются героем.

В развитии русской литературы женские образы в разной степени будут насыщены качествами непредсказуемости и неожиданных поворотов характера и поступков. Но к негативной сути оборотничества не в метафорической, а буквальная суть обратится на основании украинского фольклора Н.В. Гоголь. Уникальным окажется подход советского писателя П.П. Бажова. Его образы женщин-оборотней в сказах (хозяйка Медной Горы, Огневушка-поскакушка) будут нести в себе функцию восстановления справедливости мира, приобщения творца к иномирию и в то же время — опасность для земной жизни персонажа при встрече с героинями подземного царства [9]. Современная литература в лице Виктора Пелевина вновь вернет образ женщины-оборотня в художественное пространство не в виде метафоры, а действующего персонажа («Священная книга оборотня»).

Литература

1. Антонов Д.И. Оборотничество в русской иконографии, книжности и фольклоре: стратегии репрезентации // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. 2015. М.: Изд. дом «Дело». С. 14-25.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Том 1. 1984. М.: Наука. 539 с.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Том 2. 1985. М.: Наука. 490 с.
4. Баран Л.Г. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. 1979. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 437 с.
5. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. 1978. М.: Наука. 105 с.
6. Галай К.Н. Зооморфный образ женщины-змеи в европейской литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 112-118.
7. Гришанова Е.В. Мифологическая связь Змея, Кощея и василиска в волшебных сказках, мифах и поверьях // Научные исследования. 2017. № 5. С. 49-50.
8. Кашекова И.Э. Значение великих рек в культуре древней Руси и России в контексте развития мировой культуры // 15-й Международный научно-промышленный форум «Великие реки-2013» [труды конгресса]. В 3-х т. Т. 3 / отв. ред. С.В. Соболев. 2013. Нижний Новгород: ННГАСУ. С. 80-83.
9. Липовецкий М.Н. Зловещее в сказах Бажова // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 213-230.
10. Максимов С.В. Нечистая сила, неведомая сила и крестная сила. 1903. СПб.: Тип. Р.Р. Голике и А.И. Вильборг. 526 с.
11. Никифоровский Н.Я. Нечистики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. 1907. Вильна: Н. Мац и Ко. 103 с.
12. Новикова Н.В. Старая погудка на новый лад: русская сказка в изданиях конца XVIII века // Полное собрание русских сказок. Т. 8. Ранние собрания. 2003. СПб.: Тропа Троянова. 399 с.
13. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. 2003. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига. 463 с.
14. Померанцева Э.В. (отв. ред.). Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI-XVIII века). 1971. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 288 с.
15. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2000. М.: Лабиринт. 336 с.
16. Пропп В.Я. Морфология сказки. 1928. Л.: Academia. 152 с.
17. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. 1994. М.: МИФ; Локид. 560 с.
18. Токарев С.А. (гл. ред.). Мифы народов мира. Советская Энциклопедия. 1980. 1147 с.

19. Толстой Н.И. (гл. ред.). Славянские древности. Том 4. 2004. М.: Международные отношения. 704 с.

20. Федорова В.П. От мифа к сказке (к проблеме эстетики сюжета о царевне-лягушке) // Вестник Челябинского государственного университета. 1997. С. 104-112.

References

1. Antonov D.I. Oborotnichestvo v russkoi ikonografii, knizhnosti i fol'klore: strategii reprezentatsii [Werewolfism in Russian Iconography, Scribalism and Folklore: Representational Strategies]. Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii [Werewolves and Werewolfism: Descriptive and Interpretational Strategies]. 2015. Moscow: Izd. dom «Delo», pp. 14-25 (In Russ.).
2. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki [Russian Folk Tales]. Volume 1. 1984. Moscow: Nauka. 539 p. (In Russ.)
3. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki [Russian Folk Tales]. Volume 2. 1985. Moscow: Nauka. 490 p. (In Russ.)
4. Barag L.G. Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale]. 1979. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 437 p. (In Russ.)
5. Veletskaya N.N. Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov [Pagan Symbolism of Slavic Archaic Rituals]. 1978. Moscow: Nauka. 105 p. (In Russ.)
6. Galai K.N. Zoomorfnyi obraz zhenshchiny-zmei v evropeiskoi literature [Zoomorphic Images of Women Snake in European Literature]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of Peoples' Friendship Russian University. Series: Literary Studies. Journalism.* 2015, no. 4, pp. 112-118 (In Russ.).
7. Grishanova E.V. Mifologicheskaya svyaz' Zmeya, Koshcheya i vasiliska v volshebnykh skazkakh, mifakh i pover'yakh [Mythological Connection of the Serpent, Koschei and Basilisk in Fairy Tales, Myths and Beliefs]. *Nauchnye issledovaniya = Scientific Researches.* 2017, no. 5, pp. 49-50 (In Russ.).
8. Kashekova I.E. Znachenie velikikh rek v kul'ture drevnei Rusi i Rossii v kontekste razvitiya mirovoi kul'tury [The Importance of the Great Rivers in the Culture of Ancient Rus and Russia in the Context of the Development of World Culture]. *15-i Mezhdunarodnyi nauchno-promyshlennyi forum «Velikie reki-2013» [trudy kongressa] = 15th International Scientific and Industrial Forum "Great Rivers-2013" [proceedings of the congress].* In 3 vol. Vol. 3. In S.V. Sobol' (ed.). 2013. Nizhnii Novgorod: NNGASU, pp. 80-83 (In Russ.).
9. Lipovetskii M.N. Zloveshchee v skazakh Bazhova [The Uncanny in Bazhov's Tales]. *Quaestio Rossica.* 2014, no. 2, pp. 213-230 (In Russ.).
10. Maksimov S.V. Nechistaya sila, nevedomaya sila i krestnaya sila [Unclean Force, Unknowable Force, and the Power of the Cross]. 1903. Saint Petersburg: Tip. R.R. Golike i A.I. Vil'borg. 526 p. (In Russ.)
11. Nikiforovskii N.Ya. Nechistiki: svod prostonarodnykh v Vitebskoi Belorussii skazanii o nechistoi sile [*Nechistiki: A Set of Tales about the Unclean Force in Vitebsk Belorussia.*] 1907. Vil'na: N. Mats i Ko. 103 p. (In Russ.)
12. Novikova N.V. Staraya pogudka na novyi lad: russkaya skazka v izdaniyakh kontsa XVIII veka [Old Chant with a New Twist: Russian Fairy Tale in Editions of the End of the 18th Century]. *Polnoe sobranie russkikh skazok [The Complete Collection of Russian Fairy Tales].* Vol. 8. Early collections. 2003. Saint Petersburg: Tropa Troyanova. 399 p. (In Russ.)
13. Petrukhin V.Ya. Mify finno-ugrov [Myths of the Finno-Ugrians]. 2003. Moscow: Publ. AST: Tranzitkniga. 463 p. (In Russ.)

Мань С.

Женщины-оборотни: от роли в сказке до сюжетного мотива в литературе
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 61–71.

Man X.

Werewolf Women: from Fairy Tale Image to a Plot Motif
in Literature
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 61–71.

14. Pomerantseva E.V. (ed.). Russkie skazki v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh (XVI-XVIII veka) [Russian Fairy Tales in Early Records and Publications (16th-18th Centuries)]. 1971. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 288 p. (In Russ.)
15. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. 2000. Moscow: Labirint. 336 p. (In Russ.)
16. Propp V.Ya. Morfologiya skazki [Morphology of the Fairy Tale]. 1928. Leningrad: Academia. 152 p. (In Russ.)
17. Robbins R.Kh. Entsiklopediya koldovstva i demonologii [Encyclopedia of Witchcraft and Demonology]. 1994. Moscow: MIF; Lokid. 560 p. (In Russ.)
18. Tokarev S.A. (ed.). Mify narodov mira [Myths of the Peoples of the World]. Sovetskaya Entsiklopediya. 1980. 1147 p. (In Russ.)
19. Tolstoi N.I. (ed.). Slavyanskije drevnosti [Slavic Antiquities]. Vol. 4. 2004. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 704 p. (In Russ.)
20. Fedorova V.P. Ot mifa k skazke (k probleme estetiki syuzheta o tsarevne-lyagushke) [From Myth to Fairy Tale (to the Problem of Aesthetics of the Story about the Frog Tsarevna)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1997, pp. 104-112 (In Russ.).

Информация об авторе

Синкунь Мань, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет (ФГБОУ ВО «УФУ»), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7585-8179>, e-mail: mxk9122963466@yandex.ru

Information about the author

Man Xingkun, PhD student, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7585-8179>, e-mail: mxk9122963466@yandex.ru

Получена 07.07.2024

Принята в печать 15.09.2024

Received 07.07.2024

Accepted 15.09.2024

Кому молились о рождении Ивана Грозного: «неизвестные» и новые молитвы прп. Александра Свирского

Соболева А.Е.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Российская государственная библиотека, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-2602>, e-mail: aleksandra_soboleva@list.ru

Идея статьи появилась как результат соединения возрождаемого почитания прп. Александра Свирского и изучения рукописной традиции его Жития (XVI–XIX вв.) и связана с атрибуцией молитв, приписываемых Преподобному в современных богослужебных минеях. Исследование свыше 315 списков Жития показало, что никаких свидетельств о последних в основном источнике сведений о Преподобном нет. Однако в ранней редакции, Минейной, сохранились его молитвы в том виде, в котором они были записаны через 12 лет по преставлении. Одна из них в каком-то смысле ключевая для русской истории и напрямую связана с почитанием святого царской семьей, она сохранилась только в рукописях, в современном житийном тексте отсутствует. Задачами исследования стало как установление вероятных источников современных молитв, приписываемых прп. Александру, так и прояснение рукописной традиции тех молитв, которые ясно сохранялись на протяжении веков в текстах Жития.

Ключевые слова: молитвы, атрибуция, Житие Александра Свирского, Иван Грозный.

Для цитаты: Соболева А.Е. Кому молились о рождении Ивана Грозного: «неизвестные» и новые молитвы прп. Александра Свирского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 72–81. DOI:10.17759/langt.2024110308

To Whom They Prayed for the Birth of Ivan the Terrible: “Unknown” and New Prayers of St. Alexander Svirsky

Alexandra E. Soboleva

Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences named after V.V. Vinogradov;
Russian State Library, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-2602>, e-mail: aleksandra_soboleva@list.ru

The idea for this article came about as a result of a combination of the revived veneration of St Alexander of Svirsky, and the study of the manuscript tradition of his Life (16th–19th centuries) and is connected with the attribution of prayers attributed to the Venerable in modern liturgical minyas. A study of over 315 folios of

the Vita has shown that there is no evidence of the latter in the main source of information about the Monk. However, in the earliest edition, the Mineinaya, his prayers were preserved in the form in which they were recorded 12 years after his repose. One of them is in a sense key to Russian history and is directly connected with the veneration of the saint by the royal family; it is preserved only in manuscripts and is absent in the modern hagiographic text. The objectives of the study were both to establish the probable sources of the modern prayers attributed to St Alexander and to clarify the manuscript tradition of those prayers that were clearly preserved throughout the centuries in the texts of the Life.

Keywords: Life of St. Alexander Svirsky, prayers, attribution, Ivan the Terrible.

For citation: Soboleva A.E. To Whom They Prayed for the Birth of Ivan the Terrible: “Unknown” and New Prayers of St. Alexander Svirsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 72–81. DOI:10.17759/langt.2024110308 (In Russ.).

Текст Жития, созданный игуменом Иродионом в 1545 г. по рассказам самого прп. Александра и его учеников, несмотря на все заимствования из предшествующей агиографии, подробно передает подробности бытовой и молитвенной деятельности Преподобного [2, с. 441]. В ЖАС записаны несколько молитв, на протяжении XVI–XVII вв. при копировании списков тематические или лексические изменения в которые не вносились. Правка была сделана при редактировании языка Жития в начале XVIII века, то есть в Украшенной редакции, а затем по этому обновленному тексту Житие было напечатано в 1818 году, предположительно по рукописи из собрания Государственного Русского музея № 26 [9]. Целью статьи является издание этих молитв и краткий комментарий к ним.

Структура статьи обусловлена целью. В первой части представлены молитвы из двух монастырских редакций Жития, Минеинной, написанной игуменом Иродионом для Великих миней четиих в 1545 г. [6], и Украшенной, переделанной из Минеинной архимандритом Исайей в начале XVIII в. [7] и изданной в 1818 году. Во второй части говорится о приписываемых молитвах [3, с. 315–316] и их письменных источниках. Все тексты молитв приводятся в двух вариантах. Текст молитв цитируется по следующим правилам: в упрощенной орфографии с сохранением ъ, выносные буквы внесены в строку, сокращения раскрыты, знаки препинания приближены к современной пунктуации.

Материалом работы стало Житие Александра Свирского (далее также ЖАС) в совокупности списков XVI — XIX вв., печатное издание Жития 1818 года, рукопись из собрания РГБ ф. 304.1. 804 [1, с. 196; 5] и современная богослужебная минея за август [3].

I. Начнем с тех молитв, которые сохранились только в Минеинной редакции: это молитва Преподобного во время иночества на Валааме и вторая — о рождении наследника для великого князя Василия III.

Молитва во иночестве на Валааме. Перед нами цитата из псалма 24:18, приводимая игуменом Иродионом для иллюстрации первых иноческих подвигов и смирения прп. Александра по принятии пострига. Текст полностью исключен из редакции XVIII века.

Минеинная редакция	Украшенная редакция
виждь смирение мое и труд мои и отпусти вся грѣхы моя	Нет текста

Молитва о рождении наследника для великого князя Василия III. Для читателей XVI века из Жития Минейной редакции было очевидно, что по молитвам прп. Александра рожден великий князь Иван Васильевич (Грозный). Об этом очень подробно говорится в Житии в главе «О послании к великому князю и о поставлении церкви каменны». Для строительства каменной церкви, посвященной Свт. Троице, были необходимы мастера — прп. Александр отправляет с соответствующей просьбой трех старцев к великому князю Василию Ивановичу. Василий III *«вся с радостию даруетъ ему потребная... аще бо и далече бяше мѣсто расстоянием от самодрѣжавнаго царя и государя, но духовная его любви и въра близ бяше къ преподобному отцю нашему Александру»*. Через старцев он просит Александра о молитвах: «яко да молитъ Бога о многолѣтствѣ и о **плоду чрева его**, еще же и о дрѣжавѣ царства его, такожде и о христоролюбивом его воинствѣ, и о всемъ православномъ христианствѣ». Игумен Иродион очень подробно передает слова князя и пересказ их прп. Александру, фактически дважды цитируя один и тот же текст: *«Преподобный... молитвы Богу воздаваше о дрѣжавѣ царства государя великого князя Василья Ивановичя всея Русии, и о плоду чрева его моляся преподобный»*. Далее следует текст молитвы, в которой в третий раз повторяется моление, — смотрим его ниже.

При великокняжеском дворе Троицкий монастырь Александра Свирского был хорошо известен. Об этом говорят вклады в монастырь, посвящение предела Покровского собора на Красной площади Александру Свирскому, написанная сразу по канонизации его житийная икона с 129 клеймами для Успенского собора. [8, с. 20–36]. На этой иконе имеется клеймо № 83 с изображением «Молитвы о чадородии великого князя Василия Ивановича».

В Украшенной редакции эта мысль нивелирована. Так выглядит новый текст, цитируемый выше: «Повелѣвая имѣ [старцам] возвестити преподобному... да молититъ о мнѣ Бога, подати ми мира, здравия, спасения, благоденствия и **чадородия** и воинство мое на вся сопостаты укрѣпитъ, люди и народ в целомудрии и мирѣ пребывати благоволитъ, и всякое изобилие плодовъ земныхъ в державе его дарствуетъ..... Преподобный же вельми о семъ возрадовася и благодарение воздаде Богу, и соверши молебное пѣние о самодержавномъ и о воинстве его и о всемъ православномъ христианстве».

Для жизни монастыря XVII в. был периодом бурным: опустошение отрядами литовцев и поляков в 1612–1613 гг., последующее восстановление монастыря, второй виток почитания прп. Александра после обретения его мощей в 1641 г., приведший к активному строительству храмов (новый Троицкий собор построен в 1695–1697 гг.), обновлению росписей, благоустройству территорий и т.д. [8, с. 34–35]. Естественно, что для редактирующего в начале XVIII в. текст Жития архимандрита Исаяи была, видимо, не очевидной ни сама мысль о том, о чьем чадородии в Житии трижды подчеркнута просьба молиться, ни необходимость этот повторяющийся фрагмент оставлять, равно как и молитву.

Минейная редакция	Украшенная редакция
Буди воля Господня, яко Господеви годѣ, тако и будет... Богъ да умножить царство самодрѣжавнаго, и плодъ благородства чреву его Богъ подати ему имат.	Нет молитвы

Далее перейдем к молитвам, которые есть в обеих монастырских редакциях Жития, приводятся они в том порядке, в котором появляются в Житии.

Молитва Богородице о даровании способностей к учебе. Записана молитва в первой главе

Соболева А.Е.
 Кому молились о рождении Ивана Грозного:
 «неизвестные» и новые молитвы прп. Александра
 Свирского
 Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 72–81.

Soboleva A.E.
 To Whom They Prayed for the Birth of Ivan the Terrible:
 “Unknown” and New Prayers of St. Alexander Svirsky
 Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 72–81.

«Се же о родителях преподобного». Глава посвящена не только родителям прп. Александра, как заявлено, но и подробному рассказу о их молении о рождении сына, об отроческих годах преподобного в родительском доме и тайном уходе на Валаам (именно в этой главе в разных списках наблюдается разнообразие вводимых писцами дополнительных заголовков). Данная молитва включена в повествование об учении грамоте, в рукописях обычно никак специально не выделяется, однако в нескольких списках маркируется подзаголовком «Молитва» (ГИМ Увар. № 280; РНБ ОСРК F.I.729). Отрок Амос жалуется на неспособность усваивать обучение грамоте по текстам Писания, несмотря на все старания учителя, из-за чего печалются его родители, и посмеиваются сверстники (в новом тексте XVIII в. эта часть сокращена), и просит Богородицу помочь ему. Сама обработка текста XVIII в. связана с сокращением частных подробностей (полужирным ниже выделены общие части) и внесением богословского исправления. В Минейной редакции в качестве слов прп. Александра, обращенных к Богородице, записана фраза: «елико хочещи, можещи творити все». Однако текст этот находится, например, в Плаче Богородицы: «можещи бо, Владыко, елико хочещи, и творити», и является словами Божией Матери, обращенными к Христу. Это несоответствие в тексте XVIII в. исправлено.

Минейная редакция	Украшенная редакция
<p>О Пресвятая Госпоже Дѣво, Владычице Богородице, рождшиа плотию Христа Бога нашего, вѣмъ, Владычице, яко елико хочещи, можещи творити все. Буди мнѣ недостойному ходатаица и помощница, присно молящися к Сыну Своему и Богу нашему, да подасть ми разумѣти учение божественаго писания, еже учитель ми написоваше и прилѣжнѣ мя учаще, и ничтоже от нихъ могу разумѣти, о нихже ми сказуеть.</p> <p>И того ради зило есмь в недоумѣнии и скорби, не вѣдѣи, что възмогу сотворити, яко и сущии со мною въ учении сверстници мои укоряху мя и оскорбляху, яко и родителемъ моимъ много о мнѣ зболѣзновати и скръбѣти.</p>	<p>О Пресвятая Госпоже Дѣво Богородице, Владычице, рождшая, плотию безсеменно Христа Бога нашего, вемъ, яко елико хочещи у Сына Своего Христа Бога нашего, упросити можещи. Буди и нынѣ к Нему о мнѣ нѣдостойнемъ ходатаица, да просветитъ мнѣ умъ и очи сердечнии свѣтомъ Божества Своего разумети учение божественнаго писания, еже учитель ми сказуеть, и ничтоже могу разумѣти.</p> <p>И того ради в недоумѣнии есмь и скорби велицеи. Понеже и сущии со мною во учении сверстници, укоряюще мя, оскорбляютъ, яко и родителемъ моимъ сотворихъ о мнѣ болѣзновати и скорбети.</p>

Молитва Преподобного при уходе из дома на Валаам и молитва по пришествии на Валаам. Обе молитвы также находятся в первой, весьма пространной главе. В списке РГБ ф. 299 № 113 в этой части текста дважды вводится заголовок «Молитва»: в первый раз для обозначения молитвы прп. Александра о даровании ему попутчика, чтобы вместе идти к Валаамской обители, во второй раз — для благодарственной молитвы по благополучном приходе на Валаам.

Минейная редакция	Украшенная редакция
Господи Иисусе Христе Боже нашъ, настави мя на путь спасения	Господи Иисусе Христе Боже мои, настави мя на путь спасения

Молитва по пришествии на Валаам. Вариант Минейной редакции шире цитирует евангелие от Мф. 11:28–29, в Украшенной редакции 29 стих сокращен. Кроме того различающаяся лексика указывает на разные варианты евангельского текста: *возьмѣ яремь мой на ся* — *возмите иго мое на себѣ*. Последнее чтение находим в Геннадиевской Библии 1499 г. л. 694, в Московской Библии, л. 407, на которую, видимо, ориентировались в начале XVIII в.

Минейная редакция	Украшенная редакция
<p>Господи Иисусе Христе Боже нашъ, услыши мя, недостойнаго раба Твоего, яко к Тебѣ прибѣгох. Ты убо рекль еси, Господи, во святемъ ти евангелии, аще кто не оставитъ отца и матеръ и вслѣд мене не идетъ, нѣсть мнѣ достоинъ. И пакы: приидѣте ко мнѣ вси тружющеися и обременени, и азъ вы покою, возьмѣте яремь мой на ся и научитесь от мене, яко кротокъ есмь и смирен сердцем, и обрящете покои душамъ вашим. Тѣм же и аз грѣшныи надѣяхся стѣму ти словеси, прибѣгохъ ко множеству щедротъ Твоихъ, Спсе, яко Ты еси прибѣжище и сила наша, и на тя уповающе, не постыдимся.</p>	<p>Господи Иисусе Христе Боже нашъ, услыши мя, нѣдостойнаго раба Твоего, яко к Тебѣ прибегохъ. Ты убо рѣкль еси, аще кто не оставитъ отца или матеръ, и во слѣд менѣ не идетъ, нѣсть мѣне достоин и паки: возмите иго мое на себѣ и научитесь от мѣне и обрящете покои душамъ вашимъ. Се азъ нынѣ недостойныи надѣяся на множество нѣизреченныхъ щедротъ Твоихъ, любви родителѣи своихъ оставихъ и к тебе прибегохъ, яко возлюби Тебе душа моя, Ты убо крѣпость и сила моя и на тя упование мое возлагаю, да не постыжуся во вѣки.</p>

Молитва Богородице. Прп. Александр, будучи иноком на Валааме, просит игумена отпустить его жить в уединении и сначала получает отказ, после которого обращается с молитвенной просьбой к Богородице. Тексты в обеих редакциях практически идентичны.

Минейная редакция	Украшенная редакция
<p>Пречистая Мати Христа Бога нашего, Ты вѣси, яко всю мою надежду по Бозѣ возложихъ на тя. Ты же убо, яко сама вѣси, настави мя на путь, в немъ же возмогу спастися.</p>	<p>О Препоблагословенная Дѣво, Владычице мира, Мати Христа Бога нашего, Ты веси, яко всю мою надежду по Бозѣ возложихъ на Тя. Настави мя на путь, в нѣмже возмогу спастися.</p>

Молитва к Богородице при строительстве церкви Покрова. Последняя житийная молитва, обращенная к Божией Матери, связана с явлением Богородицы прп. Александру при строительстве церкви Покрова — этому посвящено четвертое прижизненное чудо в Житии.

Минейная редакция	Украшенная редакция
<p>Пречистая Мати Христа Бога моего, ходатаице и заступнице, крѣпкая помощнице роду человеческому, буди и намъ недостойнымъ ходатаице, присно молящихся къ Сыну Своему и Богу нашему, яко да призритъ на святое мѣсто сие, еже возложено есть в похвалу и честь</p>	<p>О Препоблагословенная Дѣво Владычице мира, Мати Христа Бога нашего, ходатаице и помощнице роду христианскому буди и о насъ недостойныхъ ходатаице, присно молящихся Сыну своему и Богу нашему, яко да призритъ на святое место сие, на нѣмъ же благоизволи по человеколюбной</p>

<p>Святому Его Имени в вѣкы. Тебе бо, Мати сладкаго ми Христа, ходатаицу предлагаем и молитвеницу, яко много дерзновение к нему стяжавше раби твои, и яко всѣм спасенному пристанищу упокоения.</p>	<p>своеи милости создати обитель сию в честь и славу и в похвалу Трисвятому Имени Твоему во вѣки. И умножить и разъспространить всякими изобилии. Грѣховъ же нашихъ да не помянетъ к тому, но да очистит и омыеъ пучиною щедротъ своихъ, и теплыхъ ради молитвъ твоихъ матернихъ. На Тя бо, о Богомати, упование возлагаемъ и тебе едину ходатаицу имама ко сладкому Владыце Христу Богу нашему, яко много дерзновение к нему имаши, вся бо елико хочещи, упросити можещи.</p>
---	--

II. Вторая часть статьи посвящена молитвам, сейчас приписываемым прп. Александру.

Душе моя, почто жалуеши на Господа. История молитвы «Непрестанно о души къ Господу» (инципиты: «Душе моя, почто жалуеши на Господа») в качестве повседневной молитвы прп. Александра Свирского, может быть описана так (здесь я опираюсь на исследование иером. Далмата (Юдина), данные о рукописной традиции взяты из [1]). Древнерусских списков молитвы всего два: список «XIV в. находим в Обиходе церковном Соф. 1052, где молитва помещена в Часослове в конце вечерни. [...] Единственный поздний список молитвы найден нами в Сборнике XVII в. РГБ, Ф. 304.І. № 804¹» [1, с. 196] на л. 268–269. Эта последняя рукопись стратегически очень важна. Будучи составной, она содержит тексты, написанные разными почерками на разной бумаге. Только в ней на лл. 240–250 записаны уникальные для ЖАС тексты — черновые главы игумена Иродиона², не вошедшие в Житие. И молитва, и черновые главы написаны на бумаге с одним и тем же водяным знаком, что говорит о записи их в одном скриптории. И я думаю, речь идет о Свято-Троицком монастыре Александра Свирского (диалектные черты житийных текстов не противоречат этой гипотезе). [5, с. 293–294, 303]. В таком ракурсе отсутствие текста молитвы или упоминания в ЖАС, но неожиданное появление его в современном предании может восходить к устной традиции чтения этой молитвы. За века бытования молитва подвергалась редактированию, современный текст существенно отличается как от текста XVI в., так и от более раннего. Изменения касаются как грамматики, так и лексики. Ниже приводятся для сравнения тексты из рукописи XVI в. и современный: курсивом выделены фрагменты, присутствующие только в одном тексте, полужирным — лексические различия.

РГБ, Ф. 304.І. № 804.	Миня 2002
<p>Душе моя, почто жалуеши на Господа? Яко лѣности твоя муцѣ ходатаи есть. Аще бы вѣдала даръ Бжїи, покаялася бы убо на всяко время и час горящими слезами, стеньящи и въздыхающи и скорбящи о всяком грѣсѣ, о малѣ и о велицѣ. Възопии к</p>	<p>Душе, <i>душе</i> моя, почто жалуеши на Господа? Яко леность твоя <i>вечней</i> муце ходатай есть. Аще бы ведала дар Бжїи, плакала бы ся горящими слезами, стеньящи со въздыханиемъ, скорбящи о всяком гресе, о малем и велицем. Возопи ко Своему</p>

¹ Датировка: третья четверть XVI в., см. подробно [5].

² Далее см. работу Н.В. Пак, подтверждающую мое предположение об атрибуции [4].

своему влдицѣ, да не **варить** тебе ярость **содержащаго вселенную** рукою праведною. **Мы** же грѣшнии, лживъ языкъ и льстивъ имуще, како помолимся своему влдицѣ, да избавит **ны** от страшнаго суда? Всегда бо **трепеть помышляю** в срѣдци моем о страшнѣм судѣ, избави мя ГИ от муки вѣчныя и червиа неусыпающа и от тмы кромѣшныя и грозы несогрѣемья. Помилуй мя грѣшнаго раба своего, якоже **помилова апостола** *имж<е> възлеже на вечери на перси твоя*, егоже любляше паче всѣхъ и от мене убогаго не отврати лица своего въ онъ днѣ страшныи, егоже трепещет дшѣ моя и составы тѣла моего ужасаются. Избави мя от страшнаго часа, да не отпаду от милости твоея. Молю святыя аггелы и архаггелы, *апостолы*, пророкы с мученики и вся святыя да молят Бога за *грѣшную* душу мою, да вашего ради моления возвратит владыка **гнѣвъ** свои от мене **недостойнаго**. И ты, Пречистая Дѣво, имящи дерзновение к Сыну Своему, яко *мѣти, молися о рабѣ своем, да не отлученъ буду раискиа пища*, не забуди, владыко, трудъ раба своего от убогя душа. Тебѣ ся молю, Спасе, от печали грѣх моих и **приити** ми в радость бесконечнаго **живота** и нынѣ и присно и въ вѣки вѣком аминь

Владыце, да не **предварит** тебе ярость **одержащаго всесильною** рукою праведною. **Аз** же грешный и **ленивый** и льстивый язык имеяй, како помолюся Владыце моему, да избавит **мя** *Господь* от Страшнаго Суда? Всегда бо **трепещу помыслом** в сердци моем о Страшнем Суде, *да* избавит мя от муки вечныя и червиа неусыпающаго и от тмы кромешныя и от грозы несогреемья. Помилуй мя, грешнаго раба Твоего (имя рек), якоже **Павла апостола**, егоже любляше паче всех и от **нас** убогих не отврати лица Твоего во он День Страшный, егоже трепещет душа моя и составы тела моего ужасаются. *Господи*, избави мя страшнаго часа, да не отпаду от милости Твоея. *Но* молю святыя Ангелы и Архангелы, и пророки, и мученики, и вся святыя, да молят Бога за мою душу. Вашего ради моления да возвратит Владыка **требы** Своя от мене **грешнаго**. И ты, Пречистая *Госпоже* Деве, имущи дерзновение к Сыну *о рабех Твоих*, не забуди трудов раба Твоего (имя рек). Владыко *Спасе*, от убогя души Тебе молюся, избави мя от печали грехов моих и **введи** в радость бесконечнаго **жития**, **идеже прославляется** **всесвятое Имя Твое Отца и Сына и Святаго Духа**, **всегда**, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва ко Господу и Богородице. Молитвы к Богородице, как было видно выше, сопровождают весь жизненный путь прп Александра. История той, которая записана в современной богослужебной минее за август прослеживается начиная с XVIII в. применительно к житийным текстам о святом. Она мне встретилась единожды в рукописи ГИМ Увар. 320, записанной на бумаге XVIII века, л. 678–678 об. Сама рукопись Увар. 320 это августовская минея, копия с ГИМ Син. 997 (то есть с минеи, написанной во времена митрополита Макария для успенского комплекта ВМЧ) [7]. Переписана Увар. 320 в 1685 г., что следует из записи: «Сия книга минея четья Переславля Рязанскаго, дому Пресвятыя Богородицы и митрополича казенная, а подписанъ по указу преосвященнаго Павла митрополита Рязанского и Муромского... подъячей Тить Алтухов...лета 7193(1685) году августа в·иі· день». Основной текст Жития скопирован, далее следует Похвальное Слово Богородице. И уже после него на поздней бумаге с л. 641 дописаны и приплетены к рукописи новые тексты о Преподобном: Сказание об обретении мощей, Сказание о пренесении мощей, Сказание о Покрове, далее пять посмертных чудес, Слово похвальное прп. Александру и за ним Моление Александра Свирскаго новаго чудотворца. Это именно та молитва, которая сейчас известна как молитва ко Господу и Богородице прп. Александра. Современный текст

молитвы незначительно отличается от текста XVIII в., изменения в основном грамматические, лексических расхождений нет. Ниже приводятся для сравнения тексты из рукописи XVIII в. и современный: курсивом выделены фрагменты, присутствующие только в одном тексте.

ГИМ, Увар. 320	Миня 2002
<p>Боже, очисти мя грѣшнаго, и помилуй мя, <i>создавый мя Господи, помилуй мя. Бес числа созръшихъ, Господи, прости ми.</i> Господь Богъ Спасъ Милостивый, даи ми, Господи, христианский конецъ с Пречистымъ Тѣломъ и Честною Кровию и со слезами и с покаяниемъ. Избави, Господи, муки вечныя и огня негасимаго, и червья неусыпающаго, и смолы кипящия. Господи, Ты создал, Господи, Ты помилуй. Господи, Твое создание.</p> <p>Пречистая Госпоже, Милостивая Царице Небесная, помолися Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, Сыну Своему, за мене грѣшнаго и окаяннаго раба Своего имярек. Дай, Госпоже, христианский конецъ с Пречистымъ Тѣломъ и с Честною Кровию, со слезами и с покаяниемъ. Избави, Госпоже, муки вѣчныя и огня негасимаго и червей неусыпающих и смолы кипящия. Пречистая Госпоже, Милостивая Царице Небесная, ты Молебница ко Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу <i>Сыну Своему</i> за мене грѣшнаго и окаяннаго раба Своего имярек. Ты Помощница, Ты Заступница, <i>Ты Защитница</i> от всякаго зла, от супостата, не забуди Пречистая Госпоже, нищаго своего до конца.</p>	<p>Боже, очисти мя грешнаго, и помилуй мя, и прости ми, Господи Боже, Спасе Милостивый! Дажь ми, Господи, христианский конец с Пречистым Телом и с Честною Кровию, со слезами и покаянием. Избави, Господи, муки вечныя, огня негасимаго, и червья неусыпающаго, и смолы кипящия. Господи, Ты создал <i>мя еси</i>, Господи, Ты помилуй. Господи, Твое <i>есмя</i> создание.</p> <p>И Пречистая Госпоже, Милостивая Царице Небесная, помолися Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, Сыну Твоему, за мене грешнаго раба Твоего. Дажь ми, Госпоже, христианский конец с Пречистым Телом и с Честною Кровию и со слезами и покаянием. Избави, Госпоже, муки вечныя, огня неугасимаго, и червья неусыпающаго, и смолы кипящия. Пречистая Госпоже, Милостивая Царице Небесная, Ты еси Молебница ко Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу за мене грешнаго и окаяннаго раба Твоего, Ты еси Помощница, Ты Заступница от всякаго зла и сопостата, не забуди, Пречистая Госпоже, нищаго Твоего до конца.</p>

Итак, из восьми молитв Минейной редакции в Украшенной сохранилось шесть, причем отредактированных. Важная для середины XVI в. молитва о чадородии великого князя Василия Ивановича III в тексте XVIII в. отсутствует. Молитв, которые в современной традиции называются молитвами прп. Александра Свирского, в Житии обеих редакции нет. Молитва *Душе моя, почто жалуеши на Господа* восходит к древнерусской традиции, по крайней мере, она в раннем своем варианте есть в Часослове XIII в., и в рукописи третьей четверти XVI в. (отредактированная), происходящей с большой вероятностью из Александро-Свирского монастыря. В связи с происхождением рукописи можно предположить, что эта молитва читалась в монастыре, и этим обосновано ее современное осмысление как молитвы прп. Александра. *Молитва ко Господу и Богородице прп. Александра* в связи с Житием появляется только в списке середины XVIII в. За два века бытования существенных изменений в нее внесено не было.

Соболева А.Е.
Кому молились о рождении Ивана Грозного:
«неизвестные» и новые молитвы прп. Александра
Свирского
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 72–81.

Soboleva A.E.
To Whom They Prayed for the Birth of Ivan the Terrible:
“Unknown” and New Prayers of St. Alexander Svirsky
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 72–81.

Литература

1. Далмат (Юдин), иером. История чина молитв перед сном по славянским источникам XIII–XIV вв.: из собрания рукописей Синайского монастыря // Богословский вестник. 2018. № 4 (31). С. 190-238. DOI: 10.31802/2500-1450-2018-31-4-189-238
2. Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. 1973. Л.: Наука. 303 с.
3. Минея август. 2002. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. 12 том. Ч. 3.
4. Пак Н.В. Еще раз к вопросу об источниках Жития Александра Свирского: Житие Сергия Радонежского // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 2. Материалы научной конференции. Москва, 16-17 ноября 2021 г. 2022. М. С. 154-178.
5. Соболева А.Е. Новонайденные ранние житийные тексты об Александре Свирском // Вестник СПбГУ, серия «Язык и литература». 2020. Т. 17. Вып. 2. С. 290-308. DOI: 10.21638/spbu09.2020.208
6. Соболева А.Е. К вопросу о соотношении житийных текстов в минеях четиех иеромонаха Германа Тулупова и Иоанна Милютина // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2021. Вып. 66. С. 59-70.
7. Соболева А.Е. «Сия вирши изложенныя до читателя» в житии прп. Александра Свирского XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 5. С. 97-104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792
8. Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: художественное наследие и историческая летопись. 2008. СПб.: НП-Принт. 516 с.
9. Соболева А.Е., Соболева М.Е. Рукопись Жития Александра Свирского из собрания Покровского собора в кругу лицевых рукописей Жития // Чтения памяти И.И. Кузнецова. 2020. Выпуск 1. С. 111-131.

References

1. Dalmat (Yudin), ierom. Istoriya china molitv pered snom po slavyanskim istochnikam XIII–XIV vv.: iz sobraniya rukopisei Sinaiskogo monastyrya [History of the Bedtime Prayers according to Slavonic Sources of the 13th-14th Centuries: from the Collection of Manuscripts of the Sinai Monastery]. *Bogoslovskii vestnik = Theological Bulletin*. 2018, no. 4 (31), pp. 190-238. DOI: 10.31802/2500-1450-2018-31-4-189-238 (In Russ.).
2. Dmitriev L.A. Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki literatury XIII–XVII vv. [Hagiographic Stories of the Russian North as Monuments of Literature of 13th-17th Centuries]. 1973. Leningrad: Nauka. 303 p. (In Russ.)
3. Mineya avgust [The August Menaion]. 2002. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 12 volume. Part 3 (In Russ.).
4. Pak N.V. Eshche raz k voprosu ob istochnikakh Zhitiya Aleksandra Svirskogo: Zhitie Sergiya Radonezhskogo [Once Again to the Question of the Sources of the Hagiography of Alexander Svirsky: Sergius of Radonezh's Hagiography]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya pamyatnikov arkhitektury: Chteniya pamyati I.I. Kuznetsova. Vyp. 2. Materialy nauchnoi konferentsii. = Current Problems of Studying and Preserving Architectural Monuments: Readings in I.I. Kuznetsov's Memory. Iss. 2. Scientific Conference Materials*. Moskva, 16-17 noyabrya 2021 g. 2022. Moscow, pp. 154-178 (In Russ.).
5. Soboleva A.E. Novonaidennye rannie zhitiinye teksty ob Aleksandre Svirskom [Newly

Соболева А.Е.
Кому молились о рождении Ивана Грозного:
«неизвестные» и новые молитвы прп. Александра
Свирского
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 72–81.

Soboleva A.E.
To Whom They Prayed for the Birth of Ivan the Terrible:
“Unknown” and New Prayers of St. Alexander Svirsky
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 72–81.

Discovered Hagiographical Texts about Alexander Svirsky]. *Vestnik SPbGU, seriya «Yazyk i literatura» = Bulletin of Saint Petersburg State University. Series “Language and Literature”*. 2020. Vol. 17. Iss. 2, pp. 290-308. DOI: 10.21638/spbu09.2020.208 (In Russ.)

6. Soboleva A.E. K voprosu o sootnoshenii zhitiinykh tekstov v mineyakh chetiikh ieromonakha Germana Tulupova i Ioanna Milyutina [To the Question of the Correlation of Hagiographical Texts in the Menology of Hieromonk German Tulupov and Ioann Milyutin]. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya = Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University. Series III: Philology*. 2021. Iss. 66, pp. 59-70 (In Russ.).

7. Soboleva A.E. «Siya virshi izlozhennyya do chitatelya» v zhitii prp. Aleksandra Svirskogo XVIII veka [“These Verses Set for the Reader” in the 18th Century Life of St. Alexander Svirsky]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022. Vol. 44, no. 5, pp. 97-104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792 (In Russ.)

8. Solov'eva I.D. Svyato-Troitskii Aleksandro-Svirskii monastyr': khudozhestvennoe nasledie i istoricheskaya letopis' [Holy Trinity Monastery of Alexander Svirsky: Artistic Heritage and Historical Chronicle]. 2008. Saint Petersburg: NP-Print. 516 p. (In Russ.)

9. Soboleva A.E., Soboleva M.E. Rukopisi Zhitiya Aleksandra Svirskogo iz sobraniya Pokrovskogo sobora v krugu litsevykh rukopisei Zhitiya [Manuscripts of the Hagiography of Alexander Svirsky from the Collection of the Pokrov Cathedral in the Circle of Folio Manuscripts of Hagiography]. *Chteniya pamyati I.I. Kuznetsova [Readings in I.I. Kuznetsov's Memory]*. 2020. Issue 1, pp. 111-131 (In Russ.).

Информация об авторе

Соболева Александра Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-2602>, e-mail: aleksandra_soboleva@list.ru

Information about the author

Alexandra E. Soboleva, PhD in Philology, Senior Research Associate, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences named after V.V. Vinogradov; Leading Research Associate, Russian State Library, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9983-2602>, e-mail: aleksandra_soboleva@list.ru

Получена 03.04.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 03.04.2024
Accepted 15.09.2024

От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто

Канель И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Статья посвящена анализу российско-неаполитанских отношений в контексте Рисорджименто — периода объединения Италии, прошедшего на фоне значительных социальных и политических изменений в Европе XIX века. Мы исследуем, как геополитическая обстановка, в частности, сложившаяся после франко-австрийской войны 1805-1806 годов, стала катализатором сближения Неаполя с Российской империей, рассматриваемой как потенциальный защитник против агрессии Франции и Австрии. В условиях нестабильности неаполитанское руководство стремилось к реформам, включая отмену феодализма и внедрение новых юридических норм, что совпадало с амбициями России укрепить свои позиции на итальянских территориях. Однако французское и австрийское влияние, наряду с внутренними конфликтами в Неаполе, затрудняли углубление связей с Россией. В результате, несмотря на первоначальный энтузиазм, российско-неаполитанская дипломатия сталкивалась с серьезными препятствиями, ведущими к поиску альтернативных союзов с другими державами. Статья подчеркивает взаимосвязь между внутренними реформами и внешней политикой, исследуя влияние зарубежных держав на процесс итальянского объединения и политическую динамику Неаполя.

Ключевые слова: Австрия, влияние иностранных держав, геополитика, дипломатические связи, итальянские государства, Наполеон I Бонапарт, Неаполитанское королевство, реформы, Российская империя, социальные преобразования, Франция, эпоха Рисорджименто.

Финансирование: Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00479 «Межкультурный диалог России и Италии в эпоху “Великих реформ” Российской империи и итальянского Рисорджименто».

Для цитаты: Канель И.В. От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 82–89. DOI:10.17759/langt.2024110309

From St. Petersburg to Naples: A Historical Analysis of Russo-Neapolitan Diplomacy during the Risorgimento Period

Irina V. Kanel

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

The article analyzes Russo-Neapolitan relations in the context of the Risorgimento — a period of Italian unification marked by significant social and political changes in 19th-century Europe. We explore how the geopolitical situation, particularly following the Franco-Austrian War of 1805-1806, catalyzed Neapolitan closeness with the Russian Empire, viewed as a potential protector against aggression from France and Austria. Amidst instability, Neapolitan leadership sought reforms, including the abolition of feudalism and the introduction of new legal norms, aligning with Russia's ambitions to strengthen its positions in Italian territories. However, French and Austrian influence, along with internal conflicts in Naples, hindered deeper connections with Russia. As a result, despite initial enthusiasm, Russian-Neapolitan diplomacy encountered significant obstacles, leading to the search for alternative alliances with other powers. The article highlights the interconnection between internal reforms and foreign policy, examining the influence of foreign nations on the Italian unification process and the political dynamics of Naples.

Keywords: Austria, influence of foreign powers, geopolitics, diplomatic relations, Italian states, Napoleon I Bonaparte, Kingdom of Naples, reforms, Russian Empire, social transformations, France, Risorgimento era.

Funding: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 24-28-00479 “Intercultural Dialogue between Russia and Italy in the Era of the ‘Great Reforms’ of the Russian Empire and the Italian Risorgimento”.

For citation: Kanel I.V. From St. Petersburg to Naples: A Historical Analysis of Russo-Neapolitan Diplomacy during the Risorgimento Period. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 82–89. DOI:10.17759/langt.2024110309 (In Russ.).

Введение

Рисорджименто, или период объединения Италии, разворачивался в XIX веке на фоне различных социально-политических потрясений по всей Европе. Сложное взаимодействие дипломатии крупнейших держав существенно повлияло на судьбу итальянских государств. Среди этих держав Российская империя и Неаполитанское королевство (позднее вошедшее в состав Италии) сформировали дипломатические отношения, характеризующиеся взаимным стремлением к политической стабильности и региональному влиянию.

В настоящей статье рассматривается историческая динамика российско-неаполитанской

дипломатии в период Рисорджименто, выделяются ключевые события, идеологические мотивы и более широкий геополитический контекст.

Рисорджименто (что буквально означает «возрождение», «воскрешение»); ранее мы высказывали данную гипотезу: «*Risorgimento is almost synonymous with Rinascimento; “Rebirth”. “Resurrection”. A kind of allusion to Jesus Christ’s Resurrection*» [5, с. 45]) было не просто движением за объединение; оно было глубоко переплетено с упадком традиционных феодальных структур и ростом государственности.

К концу XVIII века регионы, подобные неаполитанскому, столкнулись с внутренними конфликтами, экономическими кризисами и всеохватывающим влиянием иностранных держав, таких как Австрия и Франция. Эта эпоха потребовала проведения реформ, направленных на модернизацию управления и устранение недовольства общества, однако правящие власти отдавали предпочтение сохранению status quo. Правда, несмотря на негативное отношение Наполеона Бонапарта к правившей Неаполитанским королевством династии Бурбонов, у которых «нет ни веры, ни чести, ни здравого смысла» [8, с. 43]¹, под руководством вначале его брата Жозефа, а затем маршала Иоахима Мюрата (в их бытность королями Неаполя; их назначение было связано с тем, что во время франко-австрийской войны король Фердинанд IV примкнул к антифранцузской коалиции) проводились как финансовые, так и социально-культурные реформы [7, с. 162]:

- открылись четыре новых университета;
- строились дороги;
- отменялся феодализм, были упразднены барщина и другие личные повинности;
- был введен Гражданский кодекс и т.д.

В этой довольно беспокойной обстановке неаполитанцы стремились «покончить с провинциализмом и превратить свою страну в сильную и цветущую державу». Аналогичным образом Россия стремилась «утвердиться в качестве великой могучей державы» [4, с. 22]. Совпадение этих амбиций сделало русско-неаполитанские отношения особенно значимыми. Вообще Неаполитанское королевство было едва ли не единственным из итальянских государств, отношения которых с Российской империей развивались наиболее успешно. Однако французское и испанское правительства противодействовали политическому сближению России и Неаполя.

Неаполь испытал на себе не только влияние Франции и Испании, но также находился под эгидой Австрии и Англии; соответственно, каждая страна «навязывала» королевству свои административные формы и режимы с целью устранения постороннего влияния, что в итоге вылилось в «совершенно неправильные отношения друг с другом всех классов населения». Такое мнение высказывал граф и дипломат Константин Христофорович Бенкендорф, чьи «Размышления о революции в Неаполе и средствах придать ему характер, способствующий укреплению достоинства трона» анализирует в своей статье историк О.В. Анисимов [1, с. 372].

¹ «*La dynastie de Naples a cessé de régner; son existence est incompatible avec le repos de l’Europe et l’honneur de sa couronne*» // «Неаполитанская династия прекратила свое правление; ее существование несовместимо со спокойствием Европы и честью моей короны», — отрывок из прокламации Наполеона Бонапарта к солдатам французской армии от 27 декабря 1805 года [10].

Поэтому можно сделать вывод о том, что идеологической основой российско-неаполитанской дипломатии было стремление к реформам и модернизации внутри государств, как было сказано выше. Тоска по стабильному и настроенному на реформы союзнику в Италии находила отклик у российских политиков, которые рассматривали сильный Неаполь в качестве противовеса радикализму.

Истоки российско-неаполитанских отношений

Рассмотрим, откуда пошли и как сформировались российско-неаполитанские отношения.

Франко-австрийская война (1805 — 1806 гг.) создала обстановку, которая заставила Неаполь пересмотреть свои внешние союзы. Возникшая уязвимость привела к тому, что он обратился к Российской империи, чья военная мощь обещала безопасность. Она рассматривалась как потенциальный оплот против более агрессивных маневров Франции и Австрии.

Однако последующие неудачные революции в Неаполе усложнили эти отношения (в частности, революция 1820 года, которую описывает в своем труде К.Х. Бенкендорф). Первоначальный энтузиазм в отношении реформ, основанный на наполеоновском влиянии и последующих правительственных изменениях, натолкнулся на ответную реакцию консервативной элиты, которая сопротивлялась любым изменениям господствующего порядка. Подобные внутренние разногласия привели к неопределенности в отношениях России и Неаполя.

Этому также способствовал рост иностранного влияния.

Например, в 1804 году бывший в то время министром иностранных дел князь Адам Ежи (Юрий) Чарторыйский так охарактеризовал политику Российской империи в отношении Италии:

«...трактатомъ, подписаннымъ въ Парижѣ 22 сентября 1801 года², установлено было полное равноправіе обѣихъ державъ, взявшихъ на себя обязательство урегулировать по взаимному соглашенію интересы Германіи и Италіи... Но Франція совершенно не выполнила торжественныхъ своихъ обѣщаній по отношенію къ Италіи, несмотря на то, что они являлись однимъ изъ важнѣйшихъ условій установленія мирныхъ отношеній между нами и Франціей и что устройство итальянскихъ дѣлъ было тѣсно связано со спокойствіемъ Европы и частными интересами Русской Имперіи» [9, с. 171].

Правда, Чарторыйскому, как польскому выходцу, более важной представлялась целостность и независимость родной страны, а не российские интересы. Но решение вопроса о независимости Италии, считал А.Ю. Чарторыйский, станет гарантией освобождения Польши; сам же он являлся русским дипломатическим экспертом по итальянским делам [2, с. 209], будучи еще в 1799 году послом России в Сардинии, куда был отправлен указом императора Павла I, не одобрявшего его тесную дружбу с Александром.

Нарушение обещаний, о которых пишет князь, заключалось в том, что Неаполитанское королевство заняли французские войска, чем нарушался «дарованный этой стране

² Речь идет о Парижском мирном трактате между Россией и Францией.

нейтралитет и имевшиеся у нее с Россией договоры»: паритет русско-французских позиций в отношении к Италии не был соблюден императором Наполеоном, что было названо «недостойным поведением французского правительства, постоянно нарушающего самые формальные обязательства».

Для решения данной проблемы было выдвинуто требование *«немедленно предоставить вознаграждение сардинскому королю, согласно данному ему обещанию, вывести войска из Неаполитанского королевства, а также и всѣхъ земель, входящихъ въ составъ Германской имперіи, и дать торжественное обещание болѣе не вводить туда войскъ»* [9, с. 14], но все же оно не было принято правительством Российской империи как политически нецелесообразное. Французская гегемония над итальянскими территориями изначально препятствовала любой потенциальной перестройке в пользу России. Стремясь предотвратить вторжение России и сохранить свои политические предпочтения в Италии, как Франция, так и Австрия использовали различные дипломатические и военные стратегии.

Задачей же Российской империи было как увеличить и усилить Сардинское королевство, так и поддержать Неаполитанское, не допуская его исчезновения. Джузеппе Берти описывает это следующим образом: *«эти два государственных комплекса должны были рано или поздно поглотить все остальные малые итальянские государства или образовать федерацию во главе с двумя руководящими государствами полуострова»* [2, с. 212].

Подобная идея была характерна для российской политики в итальянских делах до второй половины XIX века; по мере развития политических реалий того времени энтузиазм России в отношении активного участия в итальянских делах начал ослабевать.

Факторы, способствовавшие ослаблению русско-неаполитанских связей

Кульминация Крымской войны (1853 — 1856 гг.) сместила фокус внимания России вглубь страны. Как следствие, некогда многообещающая траектория развития русско-неаполитанских отношений пошла на спад.

Ослабление прямого и прочного дипломатического взаимодействия с Российской империей вынудило Неаполь искать союзы с другими государствами; в конечном итоге это привело к тому, что вакуум заполнился более тесными связями с Францией и Великобританией на поздних этапах Рисорджименто.

Например, Франция вместе с Англией пообещали Сардинскому королевству помощь в собирании земель, если Италия вступит в войну с Российской империей. Ведущие державы уверяли, что после победы над Россией они вернуться к рассмотрению вопроса об объединении Италии, и эту надежду разделял премьер-министр Сардинии граф Камилло Бенсо ди Кавур; его политическую позицию некоторые осуждали в России (например, Ф.М. Достоевский), а само объединение считали *механическим* [6; цит. по: 3, с. 177].

Однако кризис 1848 года не повлиял на ухудшение русско-неаполитанских отношений: примером тому может послужить письмо министра иностранных дел графа Карла Васильевича Нессельроде в Лондон от 24 февраля 1848 года.

«Россия никогда не признает никаких изменений в Королевстве обеих Сицилий, которые в той или иной форме или под тем или иным видом были бы равносильны разрыву или ослаблению связей, соединяющих оба государства» [цит. по: 2, с. 507]. Россия, в свою

очередь, не желала усиления французского влияния в Италии.

«Желая толкнуть это королевство (обеих Сицилий³) на сближение с Пьемонтом и Францией, Россия преследовала двойную цель, — пишет Джузеппе Берти, — помешать Наполеону III придать широкий размах проискам сторонников Мюрата, направленным против Бурбонов (эти происки продолжали беспокоить Россию <...>), и в то же время не допустить, чтобы из ненависти к Франции и Пьемонту Королевство обеих Сицилий сблизилось с Англией» [2, с. 593].

Тем не менее, прежние дипломатические отношения оставили неизгладимый след на политическом ландшафте обеих стран.

Заключение

Исторический анализ российско-неаполитанских дипломатических отношений в период Рисорджименто показывает сложные взаимодействия, которые выходили за рамки простых политических расчетов. Он подчеркивает трансформационные устремления, которыми был отмечен этот период, и обращает внимание на проблемы, связанные с конфликтом иностранных интересов. Хотя конечная цель создания единой Италии была достигнута в большей степени благодаря действиям других могущественных государств, дипломатические инициативы между Санкт-Петербургом и Неаполем сыграли значимую роль.

Литература

1. *Анисимов О.В.* Генералы против карбонариев: взгляд графа Константина Бенкендорфа на революцию в Неаполе 1820 года // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 366-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-366-380.
2. *Берти Д.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. 1959. М.: Издательство иностранной литературы. 746 с.
3. *Дергачева И.В.* Историко-культурный концепт «Италия» в произведениях Ф.М. Достоевского // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 174-183.
4. *Зонова Т.В.* Россия и Италия: история дипломатических отношений. 1998. М.: МГИМО. 46 с.
5. *Канель И.В.* Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 44-51. DOI: 10.17759/langt.2022090405
6. *Капицуни С.М.* Провидение и катастрофа в европейском романе: Мандзони и Достоевский. 2019. СПб.: Алетейя. 330 с.
7. *Муллина Д.Р.* Франция и Неаполитанское королевство в период наполеоновских войн // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 155-167. DOI: 10.26907/2312-3400.2023.1.155-167
8. *Орси П.* Современная Италия. История последних 150 лет до вступления на престол Виктора Эммануила III / Перевод с итальянского О. Шенрока / под ред. проф. Г. Форстена. 1907. СПб.: В. Березовский. Комиссионер Военно-учебных заведений. 362 с.

³ Королевство обеих Сицилий (Regno delle due Sicilie, Regno d'e Ddoje Sicilie — *неаполитанский диалект*) существовало в 1816-1861 годах и было создано при объединении Неаполитанского и Сицилийского королевств. Нередко его неофициально называли «Неаполитанским королевством» даже после объединения.

Канель И.В.
От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 82–89.

Kanel I.V.
From St. Petersburg to Naples: A Historical Analysis of Russo-Neapolitan Diplomacy during the Risorgimento
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 82–89.

9. *Чарторыйский А.Ю.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. 1913. Том 2. М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова.
10. *Oeuvres de Napoléon Bonaparte. Tome III.* 2012. Tredition Classics. 468 p.

References

1. Anisimov O.V. Generaly protiv karbonariev: vzglyad grafa Konstantina Benkendorfa na revolyutsiyu v Neapole 1820 goda [Generals against Carbonari: Count Konstantin Benckerdorff's View of 1820 Naples Revolution]. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2023. Vol. 12, no. 4, pp. 366-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-366-380 (In Russ.).
2. Berti D. Rossiya i ital'yanskie gosudarstva v period Risordzhimento [Russia and Italian States in the Risorgimento Period]. 1959. Moscow: Publ. inostrannoi literatury. 746 p. (In Russ.)
3. Dergacheva I.V. Istoriko-kul'turnyi kontsept «Italiya» v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo [The Historical and Cultural Concept “Italy” in F.M. Dostoevsky's Works]. *Novyi istoricheskii vestnik = New Historical Bulletin*. 2021. Vol. 2, no. 68, pp. 174-183 (In Russ.).
4. Zonova T.V. Rossiya i Italiya: istoriya diplomaticheskikh otnoshenii [Russia and Italy: the History of Diplomatic Relations]. 1998. Moscow: MGIMO. 46 p. (In Russ.)
5. Kanel' I.V. Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 44-51. DOI: 10.17759/langt.2022090405
6. Kapilupi S.M. Providenie i katastrofa v evropeiskom romane: Mandzoni i Dostoevskii [Foresight and Catastrophe in the European Novel. Manzoni and Dostoevsky]. 2019. Saint Petersburg: Aleteiya. 330 p. (In Russ.)
7. Mullina D.R. Frantsiya i Neapolitanskoe korolevstvo v period napoleonovskikh voyn [France and the Kingdom of Naples during the Napoleonic Wars]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete = Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2023. Vol. 43, no. 1, pp. 155-167. DOI: 10.26907/2312-3400.2023.1.155-167 (In Russ.)
8. Orsi P. Sovremennaya Italiya. Istoriya poslednikh 150 let do vstupleniya na prestol Viktora Emmanuila III [Modern Italy. The History of Last 150 Years before Victor Emmanuel III's Accession to the Throne]. In O. Shenrok, G. Forsten (eds.). 1907. Saint Petersburg: V. Berezovskii. Komissioner Voenno-uchebnykh zavedenii. 362 p. (In Russ.)
9. Chartoryiskii A.Yu. Memuary knyazy Adama Chartorizhskogo i ego perepiska s imperatorom Aleksandrom I [The Memoirs of the Prince Adam Czartoryski and His Correspondence with the Emperor Alexander I]. In A. Dmitrieva, A. Kizevetter (eds.). 1913. Volume 2. Moscow: Publ. K.F. Nekrasova (In Russ.).
10. *Oeuvres de Napoléon Bonaparte. Tome III.* 2012. Tredition Classics. 468 p.

Информация об авторе

Канель Ирина Валерьевна, аспирант, преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Канель И.В.

От Санкт-Петербурга до Неаполя: исторический анализ российско-неаполитанской дипломатии в период Рисорджименто
Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 82–89.

Kanel I.V.

From St. Petersburg to Naples: A Historical Analysis of Russo-Neapolitan Diplomacy during the Risorgimento
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 82–89.

Information about the author

Irina V. Kanel, PhD student, Lecturer, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Получена 01.09.2024

Принята в печать 15.09.2024

Received 01.09.2024

Accepted 15.09.2024

Оценка-оксюморон «больной талант»

Леденева В.В.

Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>, e-mail: ledenevavv@yandex.ru

На материале эпистолярия 90-х годов XIX века осмысливается восприятие Н.С. Лесковым характеристики-оксюморона «больной талант» в отношении его личности и творчества; анализируется объем семантики слова «талант» в ментально-лингвальном комплексе писателя в качестве одного из средств трансляции концепта «Одаренность».

Ключевые слова: Н.С. Лесков, эпистолярный 90-х годов, «больной талант», талантливость, концепт «Одаренность», оценка.

Для цитаты: Леденева В.В.. Оценка-оксюморон «больной талант» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 90–97. DOI:10.17759/langt.2024110310

The Assessment of “Sick Talent” as an Oxymoron

Valentina V. Ledeneva

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>, e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Based on the material of the epistolary of the 90s of the 19th century, N.S. Leskov's perception of the oxymoron characteristic "sick talent" in relation to his personality and creativity is comprehended; the volume of semantics of the word "talent" in the writer's mental and linguistic complex is analyzed as one of the means of broadcasting the concept of "Giftedness".

Keywords: N.S. Leskov, epistolary of the 90s, "the sick talent", talent, the concept of "Giftedness", assessment.

For citation: Ledeneva V.V. The Assessment of “Sick Talent” as an Oxymoron. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 90–97. DOI:10.17759/langt.2024110310 (In Russ.).

Введение

Характеризуя своеобразие тематики произведений и указывая на актуальность обращения к лесковским текстам, необходимость их непредвзятого прочтения, Б. Эйхенбаум подчеркнул: «*Диапазон национальной темы у Лескова огромен: его творчество охватывает не только самые разнообразные классы, профессии и бытовые состояния, но и самые разные области России с населяющими их народами*» [16, с. 354]. Это неоспоримая

аттестация. Одной из важнейших интенций, воплощенных Н.С. Лесковым в творчестве, где ярко представлена категория народности в силу предпочтения автором тематики, проблематики, типа героя его произведений, является стремление раскрыть в образах и убедить читателя в необычайной и по-разному, но широко проявляющейся талантливости простого русского человека [6, с. 142]. Талантливость — это свидетельство наличия таланта, одаренности, и в «Словаре русской ментальности» она характеризуется как «личная **способность человека к творчеству как дар** свыше — талант» [4, с. 370]. Эта черта личности (а для писателя, критика, журналиста, оратора — прежде всего личности языковой, с неповторимым ментально-лингвальным комплексом), что вытекает из определения, «обуславливает **вдохновение и воодушевление**; в отличие от наития и внушения, связана с христианскими **представлениями об истоке творческой силы**. Воспринимается как **счастье** (*талант*); но требует **труда** и от самого субъекта («не возьмешь товаром — не возьмешь и талантом»), потому оценивается по приносимой пользе («худ талант, коли пуст карман»); пренебрежение своим *талантом* осуждается как проявление **лени и гордыни** (*зарыть талант в землю*)» [4, с. 370]. Исследователи представления о таланте в какой-либо языковой картине мира, концептуализации его в лингвокультурах различных народов утверждают, что к национально- и культурно-специфичным особенностям он не относится [1, с. 297; 11]. Наличие таланта, талантливость — проявление человеческой одаренности, которая изучается и социологией, и политологией, и психологией, и педагогикой — науками, обращенными к сферам, где важна креативность действующей в них личности, при этом ценна перспективность поддержки талантливых, ибо не только близкие, но и «*власть видит в одаренных детях общественный ресурс, для которого формирует условия ранней актуализации*» [12, с. 34].

О языковых средствах репрезентации качества одаренности

В системе средств репрезентации свойства одаренности (в том числе языковой личности) и отражения объема одноименного сложного, многоуровневого концепта наличествуют единицы, номинирующие соответствующие субконцепты, представленные рядом *дар*, *дарование*, *способность*, *талант*, *гений* (помимо *ум*), содержание которых весьма близко, хотя дифференцировано градуальными компонентами [см. о градуальности: 3], указывающими на степень проявления одаренности. Выделим общие компоненты семантики ключевых экспликаторов: 'врожденный / природный', 'способность', 'потенциал', 'одаренность', 'наделенность / данное', 'обладание талантом', 'выделяющий', что подтверждают лексикографические дефиниции, служащие зеркалом национального понимания обозначающих в наивной картине мира: *дарование* — «книжн. Врожденная способность к чему-н., талант»; *талант* — «Дарование, одаренность, выдающиеся природные способности»; *способный* — «Даровитый, талантливый, наделенный способностями»; *талантливый* — «Обладающий талантом, одаренный, даровитый» [14] и т. д. Ср. различаемые по градусе 'высокая степень': *даровитость* (отвлеченное имя качества, свойства по признаку *даровитый* — 'талантливый, обладающий дарованиями' [14]) и *гениальность* — «книжн. Отвлеч. сущ. к *гениальный*»: «Исключительно даровитый, обладающий гением» [14]. «Гениальность оценивается через те способности, которые имеют высокое социальное значение в определенной культурной среде. В бытовом сознании гений выступает как до конца непознаваемая сущность» [8, с. 117; 9], в отличие от таланта, который может быть отмечен, распознан уже в раннем возрасте благодаря проявляющимся склонностям (*склонность* — «Расположение к кому-чему-нибудь, влечение, отличающееся постоянностью» [14]) природы, возвращен или, напротив, подавлен, утрачен в неблагоприятных

условиях. Еще М.В. Ломоносов заповедовал поддерживать способных при обучении, давая возможность талантам «созреть» [15, с. 226].

Исследователи называют в качестве ключевых экспликаторов концепта «Одаренность» различные единицы, среди которых *гений* в связи с этимологической детерминированностью семантики слова латинским *genius* — «дух-хранитель», дающий творческую одаренность, талант при рождении, — где индоевропейский корень *gen(e)-* означает 'рождать' [11]. Осмыслены ассоциативная, ментальная связи репрезентантов «дарование» — «способность» — «судьба»; «дар» — «способность» — «рок» — «доля» — «возможность»; «талант» — «жизнь»; нет сомнений в их принадлежности «к денотативно-идеографической сфере «Интеллект», денотативно-идеографической группе «Интеллектуальные свойства личности»» [2; 9, с. 218] в антропоцентрическом ракурсе характеристики, с одной стороны; с другой стороны, признана «божественность таланта» [см.: 2, с. 83] не только как дара, но и обязательства исполнять волю высших сил.

Об этом имеются рассуждения и в письмах Н.С. Лескова 90-х гг. XIX века к различным адресатам — материале исследования: «Он талантливый человек — стало быть, он «рука божия», посланная в мир исполнять что-то хорошее и серьезное. Такого надо поддерживать, чтобы он шел бодрее и чувствовал, что на него смотрят: то ли он делает, что нужно Отцу нашему?» (С.Н. Шубинскому. 17 декабря 1894 г.) [7, с. 603]; «Отчего не провести сравнения между огромными силами Л. Толстого и «благоустроенным» умом и талантом Тургенева? Это было бы очень благопотребно» (М.О. Меньшикову. 28 августа 1893 г.) [7, с. 557]. Писателем отмечено: талантливый человек — «рука Божия», то есть должен осуществлять то, что ему дано, доверено, вменяется свыше. Не использовать, растрачивать свой талант грешно, а нужно его поддерживать, согласно воле Всевышнего, применять во благо, для потребностей кого-либо (благопотребно). Следует беречь и обладателей божественного дара, помогать им: «А вообще можно и должно держаться такого правила, что умных и даровитых людей надо беречь, а не швыряться ими как попало; а у нас не так» (А.И. Фаресову. 17 сентября 1893 г.) [7, с. 560] (см.: беречь — «Не давать израсходоваться кому-чему-нибудь, не допускать потери, утраты кого-чего-нибудь, хранить» [14]).

Такие заключения в эпистолярии, предполагающем свободное и откровенное высказывание мнения адресантом, повторяются, отражая убежденность Н.С. Лескова в важности для культуры одаренных людей и значимости их миссии в какой-либо сфере жизни.

Талант — ценность, так что ценностный компонент присутствует в семантике всех средств экспликации концепта «Одаренность» или проявлений этого дара в деятельности личности, например, художника [6, с. 139–140], мыслителя (см.: *мыслитель* — «книжн. Человек, наделенный талантом философского, глубокого, оригинального мышления» [14]), где актуальным компонентом значения служит 'наделенный талантом'. См. у Н.С. Лескова: «По-моему, это такой был *мыслитель*, что изъяснять его нет никакой надобности и никакой пользы» (А.И. Фаресову. 26 октября 1893 г.) [7, с. 563] и т.д.

Слово *талант* в синтагматике (по эпистолярным текстам Н.С. Лескова)

Проанализированные по эпистолярным текстам Н.С. Лескова синтагматические связи слова *талант* демонстрируют особенности отражения его смыслового объема в ментально-лингвальном комплексе языковой личности автора:

1) талант обладает качеством принадлежности (*чей, у кого* — 'принадлежит'), что отражают такие синтагматические партнеры слова в контекстах, как имена собственные,

называющие обладателя этого достоинства (*талант Тургенева*); местоимения, указывающие на лицо или принадлежность кому-нибудь (*у меня талант, у меня не талант; его талант* [о Л. Толстом, Э. Золя]);

2) талант каким-либо образом выделяет, «маркирует» его обладателя, дает о себе знать, представляется, вследствие силы воздействия, осязаемым (*запах таланта*, где *запах* — метафора у визуальному «Свойство предмета, вещества, воздуха, действующее на чувство обоняния, воспринимаемое обонянием» [14] — 'выделяющий и воздействующий признак / свойство'): «*Запах таланта я тут не чувствую, но она (Л<люб>овь Як<овлевна>) умна и образованна и, наверно, может иметь успех в литературе, но только едва ли в художественном роде...*» (Л.И. Веселитской. 9 июня 1893 г.) [7, с. 539];

3) талант — средство оценки кого- или чего-либо по метонимической связи 'деятель / автор' и / или 'творение' (*говорить <банальщину> о таланте*), что наиболее четко слово реализует в роли предиката-характеризатора (*это не без таланта*): «*Июльские книжки журналов вчера прочел: в «Вестнике Европы» есть Винницкая, и это не без наблюдательности и не без таланта, но как-то, что называется у живописцев, «совсем не сделано»*» (Л.И. Веселитской. 2 июля 1893 г.) [7, с. 547];

4) талант выше достоинства ума (*ум* — «Мыслительная способность, лежащая в основе сознательной, разумной деятельности. | употр. для обозначения большой проницательности, большого и тонкого разума» [14]), но не заменяет его (*провести сравнение между ... умом и... талантом*): «*Про Золя я охотно слушаю, когда говорят о его таланте и его манере писания, но говорить о его уме и критическом чувстве — мне кажется делом напрасным*» (А.И. Фаресову. 17 сентября 1893 г.) [7, с. 559];

5) существуют разновидности таланта [см. об этом, например: 1, с. 295-297], они различны, в том числе и по степени, масштабам одаренности их обладателя (*большой талант*): «*Вам нечего бояться: у Вас ясный ум, прекрасное настроенное чувство и большой талант*» (Л.И. Веселитской. 11 января 1893 г.) [7, с. 523].

Синтагматика мелиоративного по своим ингерентным и адгерентным коннотациям слова *талант* подтверждает, таким образом, что оно называет заметное, не рядовое качество, а именно достоинство (*достоинство* — «Положительное качество» [14]) личности, отражает несомненную позитивную оценку, закрепленную в русской языковой картине мира и концептосфере. Это подтверждает портрет слова *талант* в Национальном корпусе русского языка [10].

Прагматический аспект характеристики «больной талант»

Эффектной характеристикой «больной талант», которую употребил в сильной позиции текста — заголовке своей статьи — критик-современник М.А. Протопопов, посвятивший разъяснению содержания данной концептуальной единицы немало страниц, Н.С. Лесков не был удовлетворен. Она произвела впечатление, оказала яркое экспрессивно-эстетическое воздействие, так что стала по значимости ключевой в статье, запомнилась читающей публике. Вследствие этого «больной талант» стал прецедентной единицей сферы культуры и литературы, «прикрепившись» на время к имени уже получившего широкую известность писателя, чье десятитомное собрание сочинений послужило поводом для создания этой в целом позитивной и не вызвавшей его недовольства, *приятной* [7, с. 508] (см. *приятный*: «Доставляющий удовольствие, радующий» [14]) статьи критика авторитетного журнала [13].

М.А. Протопопов выделил, отметил и обозначил эпитетами – положительнооценочными единицами предикатной лексики — особенности «оригинального таланта» (*оригинальный* —

«Своеобразный, незаурядный, странный» [14]) Н.С. Лескова. Прагматическое содержание данных критиком оценок опирается, как показывает анализ семантики слов, на компоненты ‘хороший’, ‘сильный’, ‘нравственный’, ‘глубинный’, ‘живой’: лесковский талант назван «живой нравственной силой», противопоставляющейся «мертвой», «внешней», «холодной технической способности» иных [13, с. 258]. *Талант* и *способность* выступили в контексте с разными прагматическими оценками, с различным ценностным содержанием, как контекстуальные антонимы, хотя в узусе *способность*, как это сказано выше, тоже номинирует свойство одаренного человека (*способность* — «Природное дарование, склонность к усвоению чего-нибудь, к занятиям чем-нибудь» [14]). М.А. Протопопов подчеркнул, что *талант* русского литератора должен иметь морально-нравственную, духовную основу, быть связанным с «душевым равновесием», зависящим от «мира с самим собою», и вдохновенностью «чувством любви», убеждениями его обладателя, что делает такой талант «бодрым и здоровым» [13, с. 258].

Использование характеристики «больной» М.А. Протопоповым было мотивировано, что очевидно для современных исследователей-лесковедов, его прагматической установкой указать Н.С. Лескову на особый путь его развития как литератора, выделив произведения, в которых идейно-эстетическая концепция проявляла расхождение автора с основными социально-политическими тенденциями, направлениями русской литературы, одобрявшимися критикой того времени.

Н.С. Лесков, как показывает текст письма от 23 декабря 1891 г., сдержанно полемизировал с создателем статьи, прежде выразив свою благодарность М.А. Протопопову за «немалый труд» прочтения его сочинений, «доброе желание — быть справедливым», нелицемерным, но указал, что критике «недостает *историчности*» [7, с. 508-509]. Писатель, как нам представляется, верно отметил этот недостаток, поскольку игнорировать, не учитывать эволюцию личности и творчества художника (ибо «он есть дитя своего времени» [7, с. 508]) не следует: *tempora mutantur et nos mutamur in illis*.

Н.С. Лесков не принял ведущего, концептуального определения *больной* («Страдающий какой-нибудь болезнью, нездоровый; пораженный болезнью» [14]) в характеристике вида его таланта, о чем в надежде на справедливые оценки написал Д.Н. Цертелеву 18 декабря 1891 г., ознакомившись с критикой в «Русской Мысли» и деликатно прося у адресата поддержки: «Что бы Вам хоть словом обмолвиться о Собрании моих сочинений! <...> Я ведь проработал 31 год... Неужели тут не о чем сказать слова?.. *Талант* ли у меня или *не талант*, но почему же он «*больной*»? Почему не глупый, не неуклюжий, или, вернее всего, — не *непослушный*? Был ли бы он здоровее, если бы я *их* слушался?» [7, с. 508]. Здесь писатель прямо концептуализировал вывод М.А. Протопопова как неверный, не учитывающий обстоятельств общественной и литературной жизни, сказавшихся на его судьбе, отразившихся в неповторимом идиостиле. Творческое кредо Н.С. Лескова сформировалось вопреки многим доминировавшим тенденциям, но писатель никогда не отступал от принципов реализма, народности при показе и оценке российской действительности, от гуманистического подхода к изображению героев произведений.

Заключение

Характеристика М.А. Протопопова «больной талант», несомненно, является эффективным оксюморонем, рассчитанным на привлечение внимания читателя «Русской Мысли». Она оказалась, однако, созданной не без влияния «шлейфа» сопровождавших творческие искания Н.С. Лескова тенденциозных оценок предшествующей критики. Невозможно не признать

справедливости лесковской самооценки: «*Я бы, писавши о себе, назвал статью не «**больной талант**», а «**трудный рост**»* [7, с. 508]. Рост — это прогрессивное развитие, даже если он «трудный» (*трудный* — «Требующий больших усилий, большого труда» [14] — ‘сложный’, ‘не прямой в развитии’, ‘имеющий преграды / препятствия’), связанный с долгими поисками ответа на вопрос «где истина» [7, с. 509], в каком стане [см.: 5, с. 31, 34] место этого воина в борьбе за правду, свободу, счастье народное как главные задачи русского писателя.

В узуальной семантике слова *талант* и объеме всех других репрезентантов концепта «Одаренность» сема ‘больной’, т.е. ‘лишенный сил, неспособный к действию’, не актуальна. Талант, напротив, есть дар, источник силы для деятельности, прежде всего для свершений во имя Блага.

Литература

1. Бейлинсон С.А. Аспекты лингвокультурного осмысления таланта // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана. 2023. Калининград. С. 294–298.
2. Данилова А.А. Особенности репрезентанта концепта «ТАЛАНТ» в романе Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» // Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0». Материалы форума и конференции. В 2-х томах. 2021. Томск. С. 79–83.
3. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка: монография. 2018. М.: ФЛИНТА. 231 с.
4. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А — О. 2014. Санкт-Петербург: Златоуст. 592 с.
5. Леденева В.В. Имя А.Н. Островского в текстах Н.С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 29–42. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-29-42
6. Леденева В.В. Слово Лескова: монография. 2015. М.: ИИУ МГОУ. 260 с.
7. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в одиннадцати томах / Под общей редакцией В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.Н. Груздева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума. Т. 11. 1958. М.: ГИХЛ. 862 с.
8. Миронова С.П. Акогнитивные признаки одаренности: взаимодополнительность научных и обыденных представлений // Проблема одаренности в трудах отечественных и зарубежных ученых: генезис и развитие: коллективная монография. 2020. Ялта. С. 109–120.
9. Миронова С.П. Гений как непознаваемая сущность (когнитивные проблемы одаренности) // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-1. С. 217–220.
10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/word/main?req=талант&seed=5059629572299964> (дата обращения: 10.08.2024)
11. Павленко В.Г. Семантико-этимологический анализ концепта «Одаренность» в английской лингвокультуре // Педагогическая наука и практика — региону. Материалы XVI региональной научно-практической конференции. 2016. Ставрополь: ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт». С. 275–279.
12. Песина Е.А. Русские богатыри: миссия выполняема. О социальной функции одаренности // Социальные явления. 2020. Т. 10. № 2. С. 34–40.

13. Протопопов М.А. Больной талант (Собрание сочинений Н.С. Лескова. Десять томов. Спб., 1889-1891 гг.) // Русская Мысль. 1891. № 12. С. 258–278.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова Д.Н. Тт. 1-4. 1935-1940. М. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (дата обращения: 01.08.2024)
15. Фесенко Э.Я. Мой Ломоносов. 2024. Архангельск: Изд-во ООО «ВерИ Гуд Групп». 272 с.
16. Эйхенбаум Б.М. Н.С. Лесков (К 50-летию со дня смерти) [Электронный ресурс]. ФЭБ — 1969. С. 346–356. URL: <https://feb-web.ru/feb/classics/critics/eichenbaum/eih/eih-346-.htm> (дата обращения: 10.08.2024)

References

1. Bejlinson S.A. Aspekty lingvokul`turnogo osmysleniya talanta [Aspects of the linguocultural understanding of talent]. Gumanitarnye tehnologii v sovremennom mire. Sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, glavnogo redaktora nauchnogo zhurnala «Sovremennaya kommunikativistika», professora Oskara Yakovlevicha Gojmana. 2023. Kaliningrad, pp. 294–298 (In Russ.).
2. Danilova A.A. Osobennosti reprezentanta koncepta «TALANT» v romane F.M. Dostoevskogo «Netochka Nezvanova» [Features of the representative of the concept "TALENT" in the novel by F.M. Dostoevsky "Netochka Nezvanova"]. Mezhdunarodnyj nauchno-obrazovatelnyj forum «Pedagogika XXI veka: vyzovy i resheniya». Mezhdunarodnaya konferenciya «Priority i strategicheskie napravleniya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v epohu 4.0». Materialy foruma i konferencii. In 2 vol. 2021. Tomsk, pp. 79–83 (In Russ.).
3. Kolesnikova S.M. Gradualnost v sisteme russkogo yazyka: monografiya [Graduality in the Russian language system: a monograph]. 2018. Moscow: FLINTA. 231 p. (In Russ.).
4. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Charitonov A.A. Slovar russkoj mentalnosti [Dictionary of Russian mentality]. In 2 vol. Vol. 1. A – O. 2014. Saint Petersburg: Zlatoust. 592 p. (In Russ.).
5. Ledeneva V.V. Imya A. N. Ostrovskogo v tekstah N. S. Leskova [The Name of A.N. Ostrovsky in the N.S. Leskov's Texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2023, no. 2, pp. 29–42. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-29-42 (In Russ.).
6. Ledeneva V.V. Slovo Leskova: monografiya [Leskov's word: a monograph]. 2015. Moscow: IJU MGOU. 260 p. (In Russ.).
7. Leskov N.S. Sobranie sochinenij: v odinnadczati tomakh [Collected Works: in eleven volumes]. In V.G. Bazanov, B.Ya. Buhstap, A.N. Gruzdev, S.A. Rejser, B.M. Ejhenbaum (eds.). Vol. 11. 1958. Moscow: GIXL. 862 p. (In Russ.).
8. Mironova S.P. Akognitivnye priznaki odarennosti: vzaimodopolnitelnost nauchnyh i obydennyh predstavlenij [Acognitive characteristics of giftedness: complementarity of scientific and everyday concepts]. Problema odarennosti v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh uchenykh: genesis i razvitie: kollektivnaya monografiya [The Problem of Giftedness in the Works of Domestic and Foreign Scientists: Genesis and Development: collective monograph]. 2020. Yalta, pp. 109–120 (In Russ.).
9. Mironova S.P. Genij kak nepoznavaemaya sushhnost (kognitivnye problemy odarennosti) [Genius as an unknowable entity (cognitive problems of giftedness)]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2022, no. 76-1, pp. 217–220 (In Russ.).
10. Natsionalnyj korpus russkogo yazyka (NKRYa) [National Corpus of the Russian Language (NCRL)]. [Elektronnyj resurs]. Available at: <https://ruscorpora.ru/word/main?req=talant&seed=5059629572299964>

(Accessed: 10.08.2024) (In Russ.).

11. Pavlenko V.G. Semantiko-etimologicheskij analiz koncepta «Odarennost» v anglijskoj lingvokulture [Semantic and Etymological Analysis of the Concept of "Giftedness" in English Linguistic Culture]. *Pedagogicheskaya nauka i praktika — regionu. Materialy XVI regionalnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2016. Stavropol: GBOU VO «Stavropolskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut», pp. 275–279 (In Russ.).

12. Pesina E.A. Russkie bogatyri: missiya vypolnima. O socialnoj funkcii odarennosti [Russian Bogatyrs: Mission is Possible. On the Social Function of Giftedness]. *Socialnye yavleniya = Social Phenomena*. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 34–40 (In Russ.).

13. Protopopov M.A. Bolnoj talant (Sobranie sochinenij N.S. Leskova. Desyat tomov. Spb., 1889-1891 gg.) [Sick talent (Collected works of N.S. Leskov. Ten volumes. Saint Petersburg, 1889-1891)]. *Russkaya Mysl = Russian Thought*. 1891, no. 12, pp. 258–278 (In Russ.).

14. Tolkovyj slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In D.N. Ushakov (ed.). Volumes 1-4. 1935-1940. Moscow [Elektronnyj resurs]. Available at: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (Accessed: 01.08.2024) (In Russ.).

15. Fesenko E.Ya. Moj Lomonosov [My Lomonosov]. 2024. Arkhangelsk: Publ. OOO «Veri Gud Grupp». 272 p. (In Russ.).

16. Ejhenbaum B.M. N.S. Leskov (K 50-letiyu so dnya smerti). [N.S. Leskov (On the 50th anniversary of his death)] [Elektronnyj resurs]. FEB — 1969, pp. 346–356. Available at: <https://feb-web.ru/feb/classics/critics/eixenbaum/eih/eih-346-.htm> (Accessed: 10.08.2024) (In Russ.).

Информация об авторе

Леденева Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>, e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Information about the author

Valentina V. Ledeneva, Doctor in Philology, Professor, Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>, e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Получена 28.08.2024

Принята в печать 15.09.2024

Received 28.08.2024

Accepted 15.09.2024

Творчество Максима Грека и проповедь Андрея Денисова: к постановке проблемы

Журавель О.Д.

Новосибирский государственный университет (ФГАОУ ВО НГУ), г. Новосибирск,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@ngsu.ru

Литературная школа, созданная старообрядцами Выга в начале XVIII века, — уникальное явление русской культуры. Стремление использовать новейшие риторические стратегии органично сочеталось у выговских книжников с опорой на национальную традицию, представленную, в частности, системой книжных авторитетов. В их число входил и греко-русский богослов, философ и филолог XVI века Максим Грек, глубоко почитаемый старообрядцами. Защитники старого обряда не только использовали его сочинения в церковной полемике, защищая свою позицию. Именно Выговские старообрядцы во главе с наставником Андреем Денисовым (1676–1730) продолжили рукописную традицию сочинений Святогорца, создав на основе его текстов новый свод — Поморский кодекс. В статье делается акцент на том, что Максим Грек оказал влияние и на литературное творчество лидера выговских староверов, Андрея Денисова. Он был не только инициатором многолетнего труда по созданию Поморского кодекса и не только одним из главных составителей Поморских ответов, где были использованы аргументы Максима Грека. Имя Святогорца и ссылки на его труды можно встретить в проповедях Андрея Денисова, а один из сюжетов Максима Грека, заимствованный из творчества Иеронима Савонаролы, лег в основу популярного в старообрядческой традиции сочинения Андрея Денисова — «Слова плачевна о злостраданиях и скорбех Церкви Христовой». Автор статьи делает предположения о влиянии некоторых художественных принципов творчества знаменитого Афонца на поэтику проповеди Андрея Денисова.

Ключевые слова: Максим Грек, старообрядцы, литературная культура, Андрей Денисов, проповедь, риторика, традиция.

Для цитаты: Журавель О.Д. Творчество Максима Грека и проповедь Андрея Денисова: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 98–107. DOI:10.17759/langt.2024110311

The Work of Maxim the Greek and the Sermons of Andrei Denisov: towards the Formulation of the Problem

Olga D. Zhuravel

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

The literary school created by the Vyg Old Believers the early 18th century is a unique phenomenon of Russian culture. The Vygovtsy' desire to use the latest rhetorical strategies was organically combined with a reliance on national tradition, represented, in particular, by a system of book authorities. These included the 16th-century Greek-Russian theologian, philosopher, and philologist Maxim the Greek, deeply revered by the Old Believers. The defenders of the Old Rite not only used his writings in ecclesiastical polemics to defend their position. It was the Vyg Old Believers, led by their mentor Andrei Denisov (1676-1730), who continued the manuscript tradition of Maxim' writings, creating a new codex on the basis of his texts — the Pomorian Codex. The article emphasizes that Maxim the Greek influenced the literary work of Andrei Denisov, the leader of the Vyg Old Believers. He was not only the initiator of many years of work on the creation of the Pomorian Codex and not only one of the main compilers of the Pomorian Answers, where the arguments of Maxim the Greek were used. The name of Maxim and references to his writings can be found in Andrei Denisov's sermons, and one of Maxim the Greek's plots, borrowed from the work of Hieronymus Savonarola, formed the basis of Andrei Denisov's popular work in the Old Believer tradition — Slovo plachevno o zlostrafaniyah i skorbeh Tserkvi Christovoy [the Lamenting Tales for the afflictions and sorrows of the Church of Christ]. The author of the article makes assumptions about the influence of some artistic principles of the work of the famous Athonite on the poetics of Andrei Denisov's sermon.

Keywords: Maxim the Greek, Old Believers, literary culture, Andrei Denisov, preaching, rhetoric, tradition.

For citation: Zhuravel O.D. The Work of Maxim the Greek and the Sermons of Andrei Denisov: towards the Formulation of the Problem. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 98–107. DOI:10.17759/langt.2024110311 (In Russ.).

Судьбы рукописного наследия греко-русского богослова, философа и филолога XVI века Максима Грека в последующие столетия тесно связаны с историей старообрядчества. Его сочинения активно использовали в полемике с представителями официальной церкви уже основатели движения — от Ивана Неронова до Аввакума, дьякона Федора и инока Авраамия [19, с. 80–81; 1, с. 58, 72, 145, 180, 191, 198, 217–218, 325, 342]. Глубоко почитали Святогорца соловецкие монахи, и они, видимо, послужили главными проводниками имени и трудов Максима Грека в книжную культуру Выга¹. Именно Выговские старообрядцы во главе с настоятелем пустыни, талантливым писателем и проповедником Андреем Денисовым (1676–

¹ О связи соловецких монахов с насельниками Выго-Лексинской пустыни см.: [20, с. 15–16].

1730) не только упрочили авторитет Максима Грека, расширив в полемической борьбе систему аргументации с опорой на его тексты, но и продолжили рукописную историю сочинений Святогорца [19, 20, 15].

Немалая заслуга в этом принадлежит лично настоятелю. К наследию Максима Грека Андрей Денисов обратился вскоре после избрания, в голодном 1705 году, когда *«ездыше ово з братом Симеоном, а ово и с ыными по всем градом и в Москве по всем монастырям ... промышляше книги и осматриваше, овые покупаше, а овые списываше, испытуя, како в древлеотеческом благочестии утверждатися и стояти»* [17, с. 139]. С этой целью Андрей Денисов с соратниками проникают в Троице-Сергиев монастырь и делают копии с сочинений Максима Грека, начав многолетний труд по освоению его обширного наследия, который в 1721 году завершится созданием особого Поморского кодекса [18]. По свидетельству автора предисловия *«Читателем любезнейшим», «любомудрая настоятеля к прочим многорачительным о книгах прилѣжаниях, возжелѣсте книгу дивнаго изящнаго в философѣх Максима Грека, и елико от разума премудрости свѣтлѣ хвалимаго, толико о житии добродѣтелнѣм и ревности благочестнѣй сладцѣ возносимаго, люботщательным исканием и многотрудным подвизанием прилѣжно изслѣдити, благоусердно собрати и праведно согласивше, исправити, и еже возжелѣсте сие, и сотвориста, книгу сию толикими люботрудии многолѣтна снискания ... собрану, написану и соглашену, на свѣщник чтения благочестивым постависта»*². Этапы этой работы детально прослежены А.Т. Шашковым, доказавшим личное участие настоятеля в редактировании свода [18].

Отсылки к трудам Максима Грека содержатся и в Поморских ответах (1723), важнейшем догматическом сочинении Выговских книжников, представленном как возражение на 106 вопросов иеромонаха Неофита [15]. Одним из главных составителей Ответов также был Андрей Денисов. Шесть отсылок к Максиму Греку содержится в «Слове о вере» Андрея Денисова — своего рода проповедническом ремейке главного догматического текста, Поморских ответов [5, с. 337–351].

Безусловно, для старообрядцев важна была и личность самого Максима Грека, которого они включили в число главных своих авторитетов. «Сказание о Максиме философе», вошедшее в Поморский кодекс, представляло его образцом нестигаемой верности православию, мучеником и страдальцем за веру. В предисловии к Поморскому своду он дважды назван не только «дивным в философех», но и святым: «в собрании словес и послание святого», «иная же словеса святаго Максима во иных древних книгах обретаются»³, а книги его — богодухновенными, несмотря на то, что канонизирован он будет намного позже. Цитаты из сочинения Максима Грека использовались и в эсхатологической теории выговцев [4, с. 211–214].

Однако уже А.Т. Шашков справедливо отмечал, что «в XVIII веке значение Максима Грека для старообрядцев перерастает рамки чисто полемического аргумента» [20, с. 39]. Многолетняя работа над собранием его сочинений оказалась своеобразной литературной школой для выговских книжников. Уже само по себе Поморское собрание стало ценнейшим сводом разнообразных источников, «из которого можно было почерпнуть и новые факты церковной истории, и образцы полемической, риторической и философской литературы, и многие другие «изряднейшие вещи» [18, с. 121].

Известно, что Максим Грек оказал большое влияние на русскую словесность XVI века, на

² ГПНТБ СО РАН. Собрание Тихомирова, № 271. Л. 5.

³ ГПНТБ СО РАН. Собрание Тихомирова, № 271. Л. 5 об.

литературные позиции Андрея Курбского и его кружка. Выражая новые взгляды на искусство слова, он пытался привить книжно-славянской традиции филологический опыт Византии и западноевропейских гуманистов, привнося требования филологической герменевтики и филологической обработанности текстов [13, с. 13]. В новой теории текста показателем мастерства становилось умение создавать и редактировать произведения не по освященным традицией образцам, а по законам грамматики, риторики и диалектики. В.В. Калугин проницательно заметил, что принципы литературной работы в кружке Курбского напоминают принципы работы барочных авторов начала XVIII века, например, Димитрия Ростовского [13, с. 64]. Но эта же особенность оказалась созвучной требованиям Выговской литературной школы, риторические стратегии которой были также связаны с барочными учениями о слове. Рационально и систематически мысливший Андрей Денисов, почитая духовное наследие основоположников движения защитников старого обряда, искал тем не менее словесную систему, которая бы отвечала и его запросам как проповедника и полемиста, и тенденциям эпохи. В 1705 году, до того, как на Выг попали современные, барочные в основном, Риторика [5, с. 10–85], таким образом филологической и риторической культуры становятся сочинения Максима Грека.

Центральное место в литературной культуре Выга и в творчестве Андрея Денисова занимала проповедь. Отметим, что практика проповеди связывалась с наследием Максима Грека уже на заре движения: первыми, кто вводил ее в обиход на Руси, были ревнители благочестия, в частности, друг протопопа Аввакума Иван Неронов. А он, как известно, одно время жил в Троице-Сергиевом монастыре, где хранились сочинения Максима Грека. По словам Сергия Зеньковского, «в Максиме Греке он находил как бы программу своей возможной пастырской и проповеднической деятельности» [10, с. 66]. Риторическая проповедь Андрея Денисова, представляющая собой расцвет данного жанра, станет достойным развитием этой традиции.

Доказывая в проповедях необходимость следования традициям, Андрей Денисов опирается на те же цитаты из посланий апостола Павла, что и Максим Грек в свое время, рассуждая о роли «предания» [7, с. 5]. Так, в проповеди «О содержании староверства и о укоризне раскольникам» он пишет: «Что же ли вина безвинных повинников сих, кии предѣл творя их в ненависть пред челоуѣки? <...> еже объявлено, по ревности Божией и по желанию вѣчных жизни, и по послушанию Сосуда избраннаго Павла, глаголющаго к Солуняном во главе 2: “Тѣмже убо, братие, стойте и держите предание, имже научистесь или словом, или посланием нашим”⁴. И паки той же к Галатам в послании во главе 1, опасая от инѣх новопредании, глаголет: “Но и аще мы или ангел с небесе благовѣстит вам паче, еже благовѣстихом вам, анафема да есть, якоже предрекохом”⁵. И нынѣ паки глаголю, аще кто вам благовѣстит паче еже приясте, анафема да есть» [6, с. 272–273].

Ср. у Максима Грека в Сказании об Иуде: «Аще и Ангель съ небеси будетъ благовѣствуяи намъ паче», егоже прияхомъ от богодухновенных Писании. Но анафема глаголати оному, «аще и Ангель будетъ съ небеси», якоже блаженѣишыи апостоль Павелъ пишетъ къ Галатамъ, глаголя: «Аще кто благовѣствуетъ вам паче, еже блговѣствовахом вамъ, анафема да есть, аще и Ангель съ небесе есть»⁶ [9, с. 78–79]. В Послании некоему иноку о фортуне —

⁴ 2 Фес 2:15.

⁵ Гал 1: 8.

⁶ Гал 1: 8,9.

те же отсылки: «Како же не уstraшилс я оном того же богопроповѣдника, в нихже глаголетъ къ несмысленымъ Галатамъ: «Аще кто благовѣствуетъ вамъ паче, еже приясте, сирѣчь отъ насъ, апостолъ Христовыхъ, анафема да естъ» [9, с. 101].

Отдельного изучения заслуживает богословская проблема свободы воли, или «самовластия» в творчестве выговских старообрядцев. Спорам о «самовластии» человека уделялось важное место в публицистике XVI века. Наибольшее внимание ей уделял именно Максим Грек, обсуждая ее в целом ряде своих сочинений [14, с. 141–188]. Свобода воли, по Максиму Греку, неотрывна от опоры на Бога. Основываясь на учении Августина Блаженного, Максим Грек развивает учение о свободе воли в терминах «самовластия»: «Якоже убо различна добраа дела суть и исправления Богу угодна присвоающа насъ (курсив здесь и далее мой — О. Ж.) Владыцѣ и Богу нашему, их же ради призираетъ на насъ милостивымъ окомъ и съхраняетъ насъ, якоже зѣницу ока, отъ всѣхъ враговъ видимыхъ же и невидимыхъ...» [9, с. 48]. «Мы же самовластни изначала отъ Съдѣтеля създани бывшее, властели есмы своихъ дѣлъ и благихъ, и лукавыхъ... ни ангель, ни бѣсъ, ни звѣзда, ни зодии, ни планить, ни колесо фортуны <...> Мы сами себѣ виновни бываемъ достигающихъ насъ скръбѣхъ и лютыхъ обстоянии, преслушающе спасительныхъ заповѣдей Сътворшаго насъ» [9, с. 49]. По словам А.И. Клибанова, утверждая идею самоценности человека, независимости его от внешних факторов, Максим Грек «вписал русскую общественную мысль в поступательное развитие западноевропейской культуры» [14, с. 188].

Дальнейшая судьба дискуссии о свободе воли человека связана с историей старообрядчества. Н.Н. Покровский писал о том, что выход из-под контроля церковных властей и, соответственно, осознание внешней и внутренней свободы создал благоприятные условия для бурного расцвета творчества старообрядцев. Автор статьи цитирует высказывание митрополита Платона о том, что противники реформы «сделались самовластители по церковным делам» [16, с. 24–25]. Однако проблема свободы воли решалась по-разному основателями движения, так, она составила предмет острого спора между протопопом Аввакумом и дьяконом Федором [14, с. 191–196].

В эсхатологическом ключе решается эта проблема в одном из замечательных с художественной точки зрения произведений Андрея Денисова, в «Слове о последних днях и скорбях». Причем излагает ее автор в той же логике и в тех же понятиях, что и Максим Грек. Основная мысль Андрея Денисова, выраженная в изощренной риторической форме, заключается в том, что человеку, выбравшему по своей воле соблюдение заповедей, нечего бояться, он уже под защитой Бога. «Сице убо и в самую кончину настоящего вѣка присвоеннѣйшиа ему чрезъ правую вѣру люди Своя во многоразличныхъ злодыхателныхъ отъ навождения чермнаго змия нападанияхъ и волненияхъ соблюдати и о ихъ паче, яко отецъ чадолюбивый, промышляти обѣтовать не престати... Будетъ же сие наше слово 1-е: еже предреченны дни скорбны спасающимъся, в нихъ же не оставлены отъ Бога, но сохраняемы будутъ; 2-е: обѣтование сие со уговоромъ Божиимъ, во еже хранити заповѣди и повелѣния Его, и да не отягчимся отъ грѣхъ и не стиснемся отъ беззаконий своихъ» [5, с. 351]. Господь «присваиваетъ» своихъ подопечныхъ благодаря ихъ свободному выбору — соблюдать заповеди.

Отметим в качестве интересного литературного факта и сюжетное заимствование, породившее одно из самых популярных в старообрядческой традиции сочинений Андрея Денисова. «Слово плачевно о злостраданияхъ и скорбяхъ Церкви Христовы» известно во множестве списков, оно вошло и в Антологию сочинений Андрея Денисова, составленную его последователями (1764 г.) [5, с. 205–214]. Слово Андрея Денисова представляет собой образец мастерски исполненной барочной проповеди. В риторическую канву облечен аллегорический

сюжет, повествующий о встрече «некоей жены», «сединами убеленной» (аллегория Церкви, понимаемой как единство верующих) с путником. Тема церкви представлена в эсхатологическом ключе, и это не что иное, как церковь старообрядческая. В ходе беседы путнику удастся выяснить причины ее плача — оказывается, она печалится о своих грешных детях, нарушающих обеты и тем предающих ее. Основной источник сюжета указан в монологе «жены»: «...сокращу о яже вернейшии мои служители Ездра, Иеремия и прочии неисчисленно мой плачь изобразиша, преиду, яже премудрейший мой таинник Максим ероглифически и исторически моего благородия всеплачевное расхищение изобразив, воспроповеда» [5, с. 206].

Имя Максима Грека названо в одном ряду с пророками Ездрой, Иеремией и «прочими». Некоторые списки содержат уточняющие глоссы: указание на главу 26 или 27 Максима Грека. Речь здесь идет о «Слове о нынешнем окаянном вецѣ» Максима Грека [8, с. 216–232; 9, с. 26–43]. Андрей Денисов пишет, что «таинник Максим» изобразил бедствия церкви «ероглифически». «Ероглифам» придавалось большое значение в европейских риториках. Этимология слова указывает на связь с иероглифами, однако со временем египетский источник был забыт, и под иероглификой понимались практически символы, но символы, понимаемые в системе с эмблемами — в этом особенность именно барочной эстетики. То есть в иероглифах-символах акцент делается на визуальном образе. В словесном сочинении, где нет изображений, он заменяется словесным образом. У Андрея Денисова это, как правило, образы, связанные с глубинными онтологическими или сакральными сущностями — вера, девство, добродетель и т.д.

Исследователями [2, 12, 11, 3] установлены основные источники сочинения Максима Грека. Это канцона Иеронима Савонаролы «О разрушении церкви» (*De ruina ecclesia*) (1474) и его же «*De ruina mundi*». В канцоне Савонаролы плачущая женщина — аллегория церкви, страдающей в «последние времена». Максим Грек переакцентировал смысл образа, в его сочинении женский образ представлен как «Василиа», царство. По мнению М. Гардзанити, это не просто «истина», но евангельская истина, объясняемая в свете учения пророков и Отцов Церкви [3], некая сакральная сущность царской власти. Андрей Денисов продолжает эсхатологическую линию в трактовке образа, но возвращается к экклезиологической теме. Как и у Савонаролы, «жена», встреченная путником, — это Церковь, только в данном случае старообрядческая.

Следующие поколения выговских книжников свято чтит наследие основателей Выга, и, в частности, Андрея Денисова. Писатель и историограф Иван Филиппов, автор знаменитой «Истории Выговской пустыни» создает «Слово о наставниках Выговской пустыни»⁷, в которое дословно включает «Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы».

Помимо общих цитат и сюжетного заимствования, мы можем отметить некоторые сходные риторические и стилистические особенности, общие для Максима Грека и Андрея Денисова. Так, Л.И. Журова отмечала, что Максим Грек создает ситуации непосредственного общения через прием обращения к адресату, в том числе мнимому [8, с. 489]. В текстах Максима Грека часто присутствует разговорная речь, диалоги. Адресатом мог быть и условная фигура, как, например, Григорий Богослов. «Но да придет в посредѣ зѣлный въ божественых Григории... и да научит насъ...» [8, с. 67]. Этот прием выполняет эмоциональную и суггестивную функции, усиливает убедительность высказывания.

Один из излюбленных приемов Андрея Денисова — подключение через местоименно-глагольные формы к словам сакральных персонажей и усиление таким образом своей позиции:

⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, собрание Перетца, № 474, л. 174-249 об.

«...с пророком Давидом воспою плачевно: «Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобнии, яко умалишася истины основ человеческих суетная глагола ко искреннему своему»? Или с божественным Златоустом реку: «Гдѣ есть собор он древнии богоносных отец?» Возглаголю и аз: «Гдѣ есть православнии наши древнии российстии учителя и чудотворцы? Да станут и отвѣщают за ны, за многоскорбныя своя чада!» Проповедник обращается и к князю Владимиру: «Глаголи ты первие, о равноапостольнии княже Владимире, киими ты учителя научен, просвѣтих святым крещением Рускую землю?...» [6, с. 274].

Отмечая переходы тональностей в сочинениях Максима Грека, Л.И. Журова делает вывод об усилении эмоциональной окрашенности речи в конце сочинений, пишет о сильной позиции начала и особенно конца. «Възненавидимъ злобу и многообразна беззакония ихъ. Възлюбимъ ниневитяновъ доброе по Бозѣ измѣнение и пребудимъ въ немъ о конца... Да не скръбимъ убо безмѣрно въ наспастехъ падающе ...» [9, с. 50–52].

Перформативные конструкции, характерные для проповеди и превращающие слово в активное действие, присутствуют во всех проповедях Андрея Денисова, это его постоянный прием. «Сего ради возненавидим мерския грѣхи и отженем, отринем, попрем беззаконная сквернения, яже паче саж потемнѣвают, паче смолы почерневают.... Возлюбим, воспримем, сохраняем заповѣди Божия, яже нас от диявольской злости остѣняют, яже нахождения сатанинския побѣждают, яже Божию милость на ны изливают...» [5, с. 357].

Л.И. Журова отмечала эволюцию обращения со словом Священного Писания в творчестве Максима Грека. Если в ранних сочинениях он очень корректно представляет авторитетные тексты, приводит точные цитаты и даже реферируя их, то поздние сочинения отличает творческое отношение к сакральному источнику. Он формулирует основную мысль, почти не прибегая к точным цитатам [8, с. 64]. То же мы наблюдаем у Андрея Денисова как системное явление. Например, один из важнейших в его художественной системе — образ Церкви-Жены. Применительно к Выговской пустыни он реализуется как контаминация нескольких библейских мотивов, создающих новый образ [5, с. 199–202].

Максим Грек сокращает, редуцирует конкретные детали, факты, поскольку главным средством убеждения становится слово как таковое, и упор делается на приемы организации повествования. Важны повторы, ритмика, ассонансы. Ведущий принцип организации текста — заставить услышать слово автора. [8, с. 488–489]. Проповеди Андрея Денисова, рассчитанные на произнесение вслух, были призваны воздействовать на убеждение слушателей, поднятие их духа. Андрей Денисов использовал богатейший арсенал риторических фигур, опираясь на стратегию «ключевых слов», прошивающих проповедь и через повторы доносящих основные идеи [5, с. 142–159].

Вопрос о роли Максима Грека в литературной культуре Выга — это вопрос о перекличке двух эпох в литературном процессе России. XVI век и начало XVIII оказываются связаны глубинными процессами в теории слова. То, что было начато Максимом Греком и филологами его круга, нашло продолжение в риторическом творчестве не только мастеров церковного красноречия, но и старообрядцев, исповедующих концепцию «любомудрия». Конечно, эта проблема ожидает своего дальнейшего изучения, связанного с более полным освоением литературного творчества старообрядческих авторов, с одной стороны, и более глубокого филологического освоения обширного наследия великого Афонца.

Литература

1. Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. 1995. СПб.: Библиотека Российской Академии наук. 435 с.
2. Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia*. 1939. Т. XVII. № 1–2. С. 128–133.
3. Гардзанти М. «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека: к источникам Плача Василии // *Русская литература*. 2021. № 1. С. 55–70.
4. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. 2007. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской Академии наук. 379 с.
5. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. 2012. Новосибирск: Издательство СО РАН. 442 с.
6. Журавель О.Д. О содержании староверства и о укоризне раскольникам» Андрея Денисова — проповедь в защиту традиций» // *Новое прошлое*. 2023. № 3. С. 268–282.
7. Журова Л.И. О роли неписаных преданий в русской публицистике XVI в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. Т. 22. № 3. С. 5–10.
8. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Часть 1. 2008. Новосибирск: Издательство СО РАН. 494 с.
9. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Часть 2. Сочинения. 2011. Новосибирск: Издательство СО РАН. 302 с.
10. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринт. 1995. Москва: «Церковь». 528 с.
11. Иванов А.И. Максим Грек и Савонарола // *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 23. 1968. Л.: Наука. С. 117–226.
12. Иконников В.С. Максим Грек и его время. 1915. Киев. 640 с.
13. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). 1998. М.: Языки русской культуры. 416 с.
14. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. 1996. М.: Аспект Пресс. 368 с.
15. Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества: (первый период — аккумуляция) // *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen: Akten des Heidelberger Symposions vom 28 bis 30 April 1986*. 1988. Heidelberg. С. 224–263.
16. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока*. Вып. 14. Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. 1978. Новосибирск. С. 19–40.
17. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. 1862. СПб.: издание Д.Е. Кожанчикова. 480 с.
18. Шашков А.Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // *Источниковедение и археография Сибири*. 1977. Новосибирск: Наука. С. 93–123.
19. Шашков А.Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 33. 1979. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. С. 80–87.
20. Шашков А.Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII века Урала, Поморья и Сибири // *Из истории духовной культуры дореволюционного Урала*. 1979. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та. С. 28–39.

21. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. В 2 т. 2002. М.: Языки славянской культуры. Т. I. 544 с.

References

1. Bubnov N.J. *Staroobryadcheskaja kniga v Rossii vo vtoroj polovine XVII v. Istochniki, tipy i jevoljucija* [Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century. Sources, types and evolution]. 1995. Saint Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences Publ. 435 p. (In Russ.)
2. Viskovaty K. K voprosu o literaturnom vliyanii Savonaroly na Maksima Greka [On the Question of Savonarola's Literary Influence on Maxim the Greek]. 1939. *Slavia*. Vol. 17, no. 1-2, pp. 128-133 (In Russ.)
3. Gardzaniti M. "Slovo o nestroeniyakh i bezchinyakh Maksima Greka": k istochnikam Placha Vasilii ["The Word on Disorders and Outrages" by Maximus the Greek: to the sources of the Lamentation of Basil]. *Russkaya literatura = Russian literature*, 2021, no. 1, pp. 55-70 (In Russ.)
4. Gur'janova N.S. Staroobryadcy i tvorcheskoe nasledie Kievskoj mitropolii [Old Believers and the Creative Heritage of the Kyiv Metropolis]. 2007. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. 379 p. (In Russ.)
5. Zhuravel' O.D. Literaturnoe tvorcestvo staroobryadcev XVIII — nachala XXI vv.: temy, problemy, pojetika [Literary creativity of the Old Believers 18th — early 21st centuries: themes, problems, poetics]. 2012. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. 442 p. (In Russ.)
6. Zhuravel' O.D. "O sodержanii staroverstva i o ukorizne raskol'nikam" Andrey Denisova — propoved' v zashchitu traditsii ["On the content of the Old Faith and on the reproach to schismatics" of Andrey Denisov — a sermon in defence of Traditions]. *Novoe proshloe = The new Past*. 2023, no. 3, pp. 268-282 (In Russ.)
7. Zhurova L.I. O roli nepisanykh predanii v russkoi publitsistike XVI v. [On the role of unwritten legends in Russian journalism of the 16th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. 2015, vol. 22, no. 3, pp. 5–10 (In Russ.)
8. Zhurova L.I. Avtorskii tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii [Author's text by Maxim the Greek: manuscript and literary traditions]. Part 1. 2008. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 494 p. (In Russ.)
9. Zhurova L.I. Avtorskii tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii [Author's text by Maxim the Greek: manuscript and literary traditions]. Part 2. Works. 2011. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 302 p. (In Russ.)
10. Zen'kovskij S.A. Russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizheniya semnadcatogo veka [Russian Old Believers: Spiritual Movements of the 17th Century]. Reprint. 1995. Moscow: Cerkov' Publ. 528 p. (In Russ.)
11. Ivanov A.I. Maksim Grek i Savonarola [Maxim the Greek and Savonarola]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury = Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 23. 1968. Leningrad: Science Publ., pp. 117–226 (In Russ.)
12. Ikonnikov V.S. Maksim Grek i ego vremena [Maxim the Greek and his time]. 1915. Kyiv. 640 p. (In Russ.)
13. Kalugin V.V. Andrei Kurbskii i Ivan Groznyi. (Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. Theoretical views and literary technique of the ancient Russian writer]. 1908. Moscow: Languages of Russian Culture Publ. 416 p. (In Russ.)

14. Klibanov A.I. *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi* [Spiritual culture of medieval Rus']. 1996. Moscow: Aspect Press Publ. 368 p. (In Russ.)
15. Pozdeeva I.V. *Drevnerusskoe nasledie v istorii traditsionnoi knizhnoi kul'tury staroobryadchestva: (pervyi period — akkumulyatsiya)* [Old Russian heritage in the history of traditional book culture of the Old Believers: (first period — accumulation)]. *Language, literature and history of the Old Believers: Proceedings of the Heidelberg Symposium from 28 to 30 April 1986*. 1988. Heidelberg, pp. 224–263 (In Russ.)
16. Pokrovsky N.N. *O roli drevnikh rukopisnykh i staropechatnykh knig v skladyvanii sistemy avtoritetov staroobryadchestva* [On the role of ancient manuscripts and early printed books in the formation of the system of Old Believers' authorities]. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka = Scientific libraries of Siberia and the Far East*. Issue 14. *Voprosy knizhnoi kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka = Questions of book culture of Siberia and the Far East*. 1978. Novosibirsk, pp. 19–40 (In Russ.)
17. Filippov I. *Istoriya Vygovskoi staroobryadcheskoi pustyni* [History of the Vygovskaya Old Believer Hermitage]. 1862. Saint Petersburg, D.E. Kozhanchikov Publ. 480 p. (In Russ.)
18. Shashkov A.T. *Pomorskii kodeks sochinenii Maksima Greka* [Pomor Codex of Maxim the Greek's Works]. *Istochnikovedenie i arkhografiya Sibiri = Source studies and archeography of Siberia*. 1977. Novosibirsk: Sciences Publ., pp. 93–123 (In Russ.)
19. Shashkov A.T. *Maxim the Greek and the ideological struggle in Russia in the second half of the 17th — early 18th centuries (Forgery and its exposure)*. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury = Works of the Department of Old Russian Literature*, vol. 33. 1979. Leningrad: Leningrad Department of Science, pp. 80–87 (In Russ.)
20. Shashkov A.T. *Maksim Grek v staroobryadcheskoi rukopisnoi traditsii XVIII veka Urala, Pomor'ya i Sibiri* [Maxim the Greek in the Old Believer manuscript tradition of the 18th century in the Urals, Pomorie and Siberia]. *Iz istorii dukhovnoi kul'tury dorevolyutsionnogo Urala = From the history of spiritual culture of the pre-revolutionary Urals*. 1979. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural State University, pp. 28–39 (In Russ.)
21. Yukhimenko E.M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'. Dukhovnaya zhizn' i literatura* [Old Believer Hermitage of the Vyg. Spiritual Life and Literature]. In 2 v. 2003. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, v. 1. 544 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующая Лабораторией археологии и источниковедения НОЦ «Наследие» Гуманитарного института, профессор кафедры теории и истории журналистики, Новосибирский государственный университет (ФГАОУ ВО НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

Information about the author

Olga D. Zhuravel, Doctor in Philology, Head of the Laboratory of Archeography and Source Studies of the Scientific and Educational Center “Heritage” of the Humanitarian Institute, Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0535-7765>, e-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

Получена 16.08.2024
Принята в печать 15.09.2024

Received 16.08.2024
Accepted 15.09.2024

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Когнитивное развитие языковой личности: к проблеме формирования самоорганизующегося ментального лексикона посредством корпусных технологий

Гайворонская С.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Московский институт психоанализа, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Формирование лексического знания протекает последовательно, по мере накопления индивидом жизненного опыта и в соответствии со ступенями его психофизического развития. Лингвокогнитивные репрезентации в билингвальном сознании формируются посредством установления ассоциаций, являющихся устойчивыми элементами памяти. Различия функционирования билингвального лексикона от монолингвального заключается в характере ассоциативных связей. Представленная статья посвящена экспериментальному изучению проблемы формирования и развития искусственной билингвальной языковой личности посредством корпусных технологий. В работе рассматриваются понятия когнитивных репрезентаций, ментального лексикона, ассоциаций, формирующейся языковой личности, когнитивно-прагматической программы и интеркаляции. Цель работы — проследить закономерности восприятия иноязычной лексики и ее интерпретации изучающими иностранный язык (английский), а также определить степень целесообразности и обоснованности прямого применения корпусных технологий в процессе обучения иностранному языку для обеспечения условий когнитивного развития искусственного билингвизма у взрослых. Исследование проводилось посредством ряда методов, включая анкетирование, семантический анализ языковых данных (лексических единиц) и ассоциативный эксперимент (направленный и свободный). Исследуемая группа представлена студентами-лингвистами в возрасте от 18 до 25 лет, изучающими иностранный язык (английский) более 10 лет. Согласно сопоставительному анализу результатов анкетирования и семантического анализа исследуемой лексики, семантическое наполнение исследуемых заимствований в сознании испытуемых не является исчерпывающим, т.е. не соответствуют лексемам английского языка. Рассматриваемые в работе технологии корпусной лингвистики позволяют пересмотреть привычные способы организации лексического материала в процессе обучения иностранному языку. В соответствии с выдвигаемой исследованием гипотезой, предложены модели формирования саморазвивающегося ментального лексикона, основанные на принципах моделирования когнитивно-прагматической программы.

Ключевые слова: когнитивное развитие, формирующаяся языковая личность, ментальный лексикон, искусственный билингвизм, ассоциативное обучение, корпусные технологии.

Для цитаты: Гайворонская С.О. Когнитивное развитие языковой личности: к проблеме формирования самоорганизующегося ментального лексикона посредством корпусных технологий [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 3. С. 108–120. DOI:10.17759/langt.2024110312

Language Identity Development: Cognitive Aspects of Being a Self-made Bilingual

Svetlana O. Gaivoronskaya

Moscow State University of Psychology & Education; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Overall cognitive development of a person might be evaluated through the analysis of their speech. Thus, language reflects the way people process the information coming from the outer world. In this work we look into the problem of how to form language habits that would affect human cognition. In particular, we look into the ways to develop a mindset for associative language structures from the point of lexical semantics. The problem of acquiring new lexical knowledge mostly occurs in second-language learners. Nevertheless, the phenomenon of linguistic intercalation might be observed in adult bilinguals with a high proficiency level in their second language. Processes underlying first language attrition might be a key to mental lexicon development in second-language acquisition. The presented study is aimed to consider the ways to boost learners' vocabulary through associative learning based on corpus technologies principles. Methodology of the study includes a cohort survey analysis, a set of associative experiments and semantic analysis of target vocabulary represented by slang words derived from English. The comparative analysis of the cohort group (represented by students studying a linguistics degree) survey results and the target words' semantic meaning proves the considerable difference in associative-relations patterns formed within bilingual mind. Corpus technologies discussed in the article allow reconsidering the usual ways of organizing lexical material in the process of teaching a foreign language. In accordance with the hypothesis put forward by the presented study, models for a self-developing mental lexicon formation are proposed.

Keywords: cognitive development, second-language identity formation, mental lexicon, artificial bilinguism, associative teaching, corpus technologies.

For citation: Gaivoronskaya S.O. Language Identity Development: Cognitive Aspects of Being a Self-made Bilingual. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 3, pp. 108–120. DOI:10.17759/langt.2024110312 (In Russ.).

При освоении первого (родного) языка в сознании человека — по мере его физического и психического развития — формируется система знаний об окружающем мире. Эти знания представляют собой информацию, заключенную в концептах, которые помогают нам различать или создавать категории неких объектов, взаимосвязей между этими объектами, а также событий, которые могут с ними происходить. Соответственно, в первую очередь в сознании формируются концептуальные репрезентации реальности, затем — языковые репрезентации этих явлений, позволяющие человеку говорить о приобретенном опыте. В результате психофизического развития формируются языковые и речевые привычки — модель речевого поведения индивида. Исходя из этого, основным вопросом изучения взаимосвязи когнитивного и языкового развития становится следующее: сохраняются ли в сознании концептуальные репрезентации или они замещаются языковыми? Оба типа репрезентаций так или иначе присутствуют в сознании, однако следует обратить внимание на то, возможен ли процесс их замещения.

Системы различных языков существенно отличаются, и, в соответствии с этим, отличаются способы и средства репрезентации пережитого опыта. Осваиваемый ребенком язык непосредственно влияет на языковую форму, в которой он выражает свое представление о феноменах реальности: предметах, межпредметных связях, времени, явлениях и событиях. Это относится не только к лексическим структурам языка, но и грамматическим. Можно предположить, что второй изучаемый язык (иностраный) формирует и непосредственно трансформирует когнитивные репрезентации, что обеспечивает успешность овладения этим языком.

Изучение лингвистической и культурной интеркаляции (обратной интерференции) в рамках лингводидактики и, непосредственно, данного исследования позволяет раскрыть **проблему** выявления причин, обуславливающих трудности в формировании иноязычной коммуникативной компетенции во взаимосвязи с принципами обучения иностранному языку.

Гипотеза представленной работы заключается в предположении о том, что лингвистический корпус может являться эффективным средством установления в сознании индивида прямой связи «слово — концепт» при соотнесении иноязычного слова с индивидуальной репрезентацией явления в сознании индивида.

Когнитивное развитие представляет собой изменение структур мыслительных процессов по мере взросления человека [1]. Основные мыслительные процессы, на уровне которых наблюдаются эти изменения, включают в себя восприятие, формирование смыслов, память, логику, представление и поиск решений. Л.В. Выготский отмечал, что развитие сознания возможно исключительно при условии общения и взаимодействия людей друг с другом [3]. Обусловлено это, соответственно, пониманием процесса мышления как направленного действия — на Другого (слушателя) или на Слово (когнитивную репрезентацию события, предмета, явления).

Восприятие явлений окружающей действительности связано с понятием рефлекса — реакцией человека (или животного) на какой-либо раздражитель [6]. В рамках данной работы понятие «рефлекс» понимается как закономерная реакция на некоторое количество информации внешнего мира.

Физиолог И.П. Павлов отмечал, что каждая первая ассоциация является моментом рождения мысли [3]. Однако полноценный процесс мышления невозможен без образования второсигнальной системы нервных связей — речи.

Для понимания механизма акта коммуникации, в которой принимают участие более одного человека (личность и «Другой») [2], необходимо рассмотреть особенности процесса речепорождения.

Высшей психической функцией, позволяющей человеку формировать представления и оперировать понятиями, является память. В понимании Г. Эббингауза, память является «механическим процессом образования следов» [8]. С целью выявления закономерностей образования в памяти новых информационных следов были использованы методы, которые по сей день лежат в основе теории преподавания: 1) заучивания и 2) сбережения.

В случае с проводимыми Г. Эббингхаузом экспериментами, контрольный материал представлял собой набор выборочных слогов, которые не образовывали общеизвестные слова (так называемые «не слова» — «non-words»)¹, однако был предусмотрен порядок и способы подачи данного материала. Выявленные в ходе экспериментов закономерности присущи также запоминанию реальной информации и осмысленной памяти. Ученым был сделан вывод о том, что забывание наряду с запоминанием является закономерным процессом, по причине чего необходимо возвращаться к изученному материалу, или вновь переживать приобретенный опыт. Чем чаще опыт переживается, тем прочнее становится ассоциативная связь между элементами.

Было предложено понятие *фактора края* — это закономерность усвоения элементов относительно их расположения среди других элементов. Г. Эббингхаузу удалось установить, что в ряде заданных элементов успешнее запоминаются те, что находятся в его начале и в конце. Однако для нашей работы важно установить не только структуру организации материала, но также определить способы формирования ассоциаций, то есть внутренних связей между понятиями, предметами, явлениями, временем и пространством.

Рассматривая окружающий мир в качестве единого потока информации, человек оказывается на пересечении полей поступающих и производных данных, а его сознание при этом является средством ее обработки, декодирования, рекодирования и продуцирования. Опираясь на исследования измерения объема памяти И. Поллака (I. Pollack), Р. Гарнера (R. Garner), Э. Т. Клеммера (E. T. Klemmer) и Ф. К. Фрика (F. C. Frick), Дж. Миллер делает ряд выводов, которые позволяют приблизиться к пониманию процесса обработки и удержания информации в памяти. Так, важно понять созависимость поступательного и осваиваемого количества информации (variance) [13].

Речевые и языковые способности личности являются аспектом личностного развития, отражающегося в речевом поведении. Таким образом, современный подход к пониманию языковой личности, описываемый, например, в работе С.Г. Тер-Минасовой («Язык и межкультурная коммуникация»), является наиболее оптимальным с точки зрения и психологии личности, и лингводидактики: языковая личность — это носитель системы представлений о мире, заключенных в понятия и отраженных в языковой форме [7]. Система репрезентаций обладает сложной структурой, которая основана на личностных закономерностях (паттернах) восприятия мира.

Основанием для гипотезы о возможности моделирования когнитивно-прагматической

¹ ‘Nonce word’, или ‘non-word’ - понятия, которые обозначают лексику, представляющую собой некоторую последовательность букв или звуков, являющихся продуктом речи, но не распознаваемых в качестве слова в рамках рассматриваемого языка. Понятие предложено британским лексикологом Дж. Мюрреем (J. Murray).

программы билингвальной языковой личности является то, что **когнитивно-прагматическая программа** индивида является психической структурой, которая связывает воедино сознание, особенности мышления, интеллектуальный (IQ) и эмоциональный (EQ) коэффициент личности; которая последовательно формируется по мере физического и психического развития человека в контексте, полисемиотическом пространстве (созданном из всевозможных знаковых кодов).

Когнитивно-прагматический аспект изучения как первичной, так и вторичной языковой личности предполагает изучение этапов и закономерностей формирования, становления и трансформации когнитивно-прагматической программы. Система когнитивно-прагматических программ в свою очередь складывается из двух независимых подсистем (универсальных и производных), понимание работы которых способно внести большой вклад в разработку методики формирования вторичной языковой личности. Наиболее подробное их описание изложено в работах Д.И. Иванова².

Исследования первичной языковой личности (Cramer, J. Deese, H.L. Roediger и др.) показывают, что языковое поведение, которое формируется на ассоциативных паттернах, является ключом к пониманию сложных мыслительных процессов. Характер реакции на слово-стимул отображает закономерности мыслительных процессов, свойственных определенному человеку. Соответственно, изучение более простых элементов мышления — например, лексических единиц и присущих им концептов — позволит выявить закономерности порождения мысли в целом: понять, по какому принципу мы выбираем те или иные слова для выражения наших мыслей и выстраивания внешней речи.

Модели лексических связей, раскрывающиеся в ментальных репрезентациях носителей языка и изучающих язык, имеют существенные отличия. Важно отметить, что формирование этих моделей зависит и от парадигматических, и от синтагматических, и от фонологических ассоциативных паттернов, которые в своей совокупности формируют количественный показатель содержания и структуры ментального лексикона. В то же время именно качественная характеристика отражается в количестве ассоциаций, определяющих размер, общепринятость и неоднородность семантического поля ассоциаций [17].

Механизм формирования лексической компетенции в процессе овладения вторым языком является более сложным процессом по сравнению со становлением компетенции грамматической [4]. Это связано с тем, что в процессе расширения ментального лексикона задействуется эксплицитный вид долгосрочной памяти, в то время как усвоение грамматического знания происходит благодаря имплицитной памяти. Имплицитный вид долгосрочной памяти реализуется в неосознанных речевых действиях, которые обусловлены постепенным накоплением поступающей информации. Эксплицитный же вид памяти в контексте речевого развития подразумевает накопление семантического и эпизодического знания. Первый вид позволяет осуществлять усвоение общих фактов об окружающем мире и выстраивать связи между усваиваемыми понятиями/знаниями и словами, в который они реализуются. Эпизодическая эксплицитная память служит для реализации понимания событий и их лингвистического окружения, иначе говоря — контекста [9].

² Иванов Д.И. Основные этапы формирования метанарративной когнитивно-прагматической программы синтетической языковой личности [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4(70). С. 106-109.

Таким образом, одним из наиболее важных аспектов овладения вторым языком и формирования билингвального ментального лексикона является формирование в сознании нового концептуального содержания, соответствующего новым лексемам или ряду лексем (семантическому полю ассоциаций); в другом случае, задачей будет являться установление связи между новой лексемой и устоявшимся в сознании концептом. Это может быть продемонстрировано на примере употребления слова «ambiguous» (неясный, нечеткий, неоднозначный). Лексически точное соответствие определить достаточно трудно. Для этого необходимо учесть контекст коммуникативной ситуации.

Согласно словарю синонимов, синонимичными лексемами могут служить лексемы «ambivalent», «mixed», «dubious», «controversial», «complex». При сравнении результатов поиска контекста и частотности употребления лексем «ambiguous» и «ambivalent», удалось выявить, что в поле окружения лексемы «ambiguous» наиболее частотной является лексема «obscure», в то время как лексема «ambivalent» не имеет в своем окружении этой же лексемы, и единственным синонимичным словом, встречающимся с ней в едином контексте, является «contradictory». Можно отметить, что, действительно, «ambivalent» не будет являться равнозначной заменой лексеме «ambiguous». Частотные сочетания рассматриваемых прилагательным с существительными имеют существенные различия. Наиболее частотными словами в контексте лексемы «ambiguous» являются «words» (25) и «word» (20): “Such material clearly discloses the mischief aimed at or the legislative intention lying behind the *ambiguous* or *obscure words*.” В то же время частотная сочетаемость слова “ambivalent” представлена лексемами «feelings» (21) и «attitude» (30): “You seem oddly *ambivalent* in your *attitude*. I sense that you neither wish to drop this matter, or to pursue it.” Более того, по результатам поиска BNC (British National Corpus), среди сотни существительных, употребляемых с лексемой «ambiguous» не найдено соответствий с наиболее частотными словами, сочетаемыми с лексемой «ambivalent».

Ранние эмпирические исследования лексико-семантического аспекта сознания билингва, которые проводились посредством методики ассоциативного эксперимента, свидетельствуют о том, что в семантически связанных парах слов, где первое слово (prime) — лексема, входящая в тезаурус второго языка, а второе слово (target) — лексема родного языка, распознавание второго слова происходит быстрее, нежели распознавание первого. Данное явление определяется как **семантический прайминг**. Кроме того, отмечено, что время распознавания непосредственно связано с позицией слова в цепочке: время распознавания сокращается, если первое представленное слово — лексема первого (родного) языка, а второе представленное слово — лексема второго (иностранного) языка [4].

Однако У. Вайнрайх (U. Weinreich), продолжая идеи Ф. де Соссюра, считал, что второй язык билингва находится в прямой зависимости от первого, и освоение нового опыта (расширение лексикона) происходит посредством соотнесения знаков двух языков: усвоение лексики второго языка происходит через поиск эквивалентов в первом языке [15].

Особого внимания требует рассмотрение связи между концептом и лексемой, которая возникает в конкретных и абстрактных словах. Конкретные слова проще соотносятся с общей концептуальной базой, поскольку проще соотносятся с объектами реальности, в то время как абстрактные понятия, как, например, «execration», «cherish», «obdurate» и т.п. требуют другого способа установления связи концептов со словом.

А. Пайвио в рамках теории двойного кодирования (Dual-code hypothesis) утверждал, что

информация, представленная как в образной, так и в словесной форме, лучше поддается запоминанию, и в этой связи конкретные слова запоминаются лучше, нежели абстрактные [14]. Соответственно, соотнесение абстрактных лексем происходит через создание сложного образа, который складывается через лексемы более конкретные (например, через происхождение конкретного слова: «a few sandwiches short of a picnic» — «stupid/crazy» — обозначающий отсутствие важного элемента в предмете, «нескольких сэндвичей на пикнике» — «доли ума»). Данная модель формирования билингвального ментального лексикона представляется наиболее перспективной с точки зрения аудиторного изучения и методики преподавания иностранного языка.

Отечественный психолингвист А.А. Залевская отмечает, что структура вторичной языковой личности отличается от структуры первичной языковой личности незначительно. Ввиду данного факта, освоение способности к речепорождению первичной и вторичной языковой личности характеризуется наличием общих психофизиологических и физиологических основ, в которых заключается сущность умственных операций [5].

Лингвистический корпус в представленной работе выступает в качестве средства комбинированной модели обучения, предоставляя возможность сочетать эксплицитные и имплицитные способы передачи информации интерпретатору (изучающему ИЯ), предоставляя, с одной стороны, структурированную информацию о формальном устройстве языка, и с другой стороны — погружает адресата в языковой контекст.

Интегративная модель работы с лингвистическим корпусом подразумевает использование технологии в качестве дополнительного средства работы с материалом, подлежащим изучению. Каждое из упражнений основывается, прежде всего, на когнитивных интенциях личности, т.е. источником речевых интенций всегда являются сами обучающиеся — они определяют ход построения заданий, а корпус служит источником релевантного аутентичного входного материала и языкового контекста.

В рамках представленной статьи были изучены различные способы организации двуязычного ментального лексикона. На основании результатов анализа литературы, наиболее преимущественной моделью организации развивающегося лексикона стала DEVLEX II (Developmental Lexicon model), описанная Ц. Ли (Z. Li) и Б. МакУитни (B. MacWhitney) [11]. Данная модель была разработана с целью активизации раннего детского лексического развития [12]. В работе «Dynamic self-organization and early lexical development in children» отмечается, что в ментальном лексиконе существуют следующие уровни самоорганизующихся ассоциативных карт: 1) фонологический/графический; 2) лексико-семантический; 3) артикуляторный. В рамках данной статьи мы рассматриваем их лексико-семантический уровень.

Преимуществом представленной модели SOM (Self-organising model) является принцип того, что самоорганизующиеся ассоциативные ментальные карты формируются на основе валидных данных лингвистических корпусов. Данная модель направлена на трансформацию процессов усвоения иностранного языка, изменение закономерностей усвоения языковой информации и потому является наиболее универсальным способом реализации принципов естественного освоения языка [10]. Сознательное изучение иностранного языка переходит в разряд бессознательного именно за счет изменения характера внутренних (когнитивных) процессов усвоения информации: обучающиеся разных возрастов и обладающие разным уровнем владения языком развивают «чувство» языка и учатся находить межъязыковые и внутриязыковые связи,

что и является основной целью представляемой диссертации — «научить учиться».

Организация работы с лексическим материалом в рамках модели DEVLEX II предполагает активизацию нескольких различных аспектов изучения языка. Такая стратегия моделирования ментального лексикона сосредоточена на его свойстве производить обобщение ассоциаций «слово — объект» (визуальный инпут — акустический инпут). Такой подход развивает в сознании способность к категоризации лексической информации, которая, в свою очередь, равно пропорционально влияет на успешность (скорость) изучения новых слов [12]. Модель самоорганизующегося развивающего ментального лексикона базируется на теории Хебба³.

В качестве примера построения модели развивающегося билингвального лексикона можно обозначить группу эмоционально-оценочных концептов. Модель включает в себя 10 слов, которые являются основными звеньями ассоциативной сети. Посредством слов, включенных в их периферию, между понятиями также выстраиваются эти связи. Ассоциативные поля ключевых понятий были сформированы при помощи сервиса Visuwords (Visuwords: visual dictionary, visual thesaurus, interactive lexicon. Помимо этого, были учтены лексемы, вошедшие в ассоциативное поле экспериментальной группы. Каждое ассоциативное поле содержит данные о семантическом наполнении собранных в нем ассоциаций в виде дефиниции, содержание которой также является источником слов, являющихся элементом данного поля.

Представлено ассоциативное поле понятия лексемы «*cringe*». Ассоциативное поле носителей русского языка по данной лексеме включило в себя слова *shame, feeling, oops, funny, bad, strange*. Было также исследовано ассоциативное поле лексемы «*shame*», поскольку именно оно вошло в ядро ассоциативного поля, исходя из показателей частотности ответа.

На основе данных ассоциативного словаря и результатов проведенного ассоциативного эксперимента удалось вывести три ассоциативных поля, формирующих значение слова *cringe*.

1. Draw back, as with fear or pain: «she flinched when they showed the slaughtering of the calf». В данную группу вошли следующие понятия: *flinch, squinch, funk, cringe, shink, wince, recoil, quail*.
2. Show submission or fear. Вторая группа ассоциаций включает в себя: *fawn, crawl, creep, cringe, cover, grovel*.
3. To say that something is a cause for feeling sad or disappointed.

Отметим, что ассоциативные карты данных понятий не обладают общими связями и не имеют общие элементы сети, однако в сознании русскоговорящих испытуемых данные слова функционируют как синонимичные друг другу. Задачей модели КПП (когнитивно-прагматической программы) является поиск способов объединения понятий в единую ассоциативную сеть посредством построения правильных ассоциативных связей. Это возможно сделать посредством изучения семантического наполнения слова и возможного контекста его употребления в речи, что представляется возможным посредством применения

³ Правило Хебба в контексте обучения ИЯ определяет, что сила связи между элементами А и В увеличивается в результате их частых ассоциаций в нервной деятельности. Гипотеза Хебба лежит в основе идеи мультисенсорного воздействия на нейроны, что способствует их объединению в сеть.

технологии лингвистического корпуса.

Сперва обучающимся предлагается составить ассоциативную карту из понятий, которые были определены в ходе проведения ассоциативного эксперимента (*shame, feeling, oops, funny, bad, strange*). Студенты коллективно определяют степень удаленности каждого из слов относительно центрального понятия «*cringe*». В ходе выполнения задания семантическая карта дополняется связанными с каждым из понятий словами посредством дефиниций, поиска синонимичных и антонимичных слов. Одна из ключевых лексем (*prank*) встраивается в ассоциативную карту в понятия «*cringe*» через ассоциативную единицу «*funny*». Образуется сложная система взаимодействия понятий, происходит их классификация посредством сужения семантического значения.

Таким образом студенты постепенно выстраивают понятийную парадигму, где центральной лексемой ассоциативного поля становится понятие «*feeling*» — именно оно является связующим элементом двух ассоциативных полей. Схожим образом производится определение семантического наполнения лексемы «*feeling*», в поле которой встраиваются остальные понятия (*hate, chill, mood, vibe*).

Формирование такой модели лексической организации в процессе развития искусственного билингвизма обладает значительным преимуществом: студенты имеют возможность дополнять семантическую карту не только словами, но и междометиями, фразовыми единствами, изображениями, видеоматериалами, т.е. — любыми способами отражения реальности и интерпретации получаемой извне информации, которую предстоит структурировать. Посредством такой организации работы с лексикой реализуется модель развивающегося ментального лексикона. Студенты развивают способность формировать ассоциативные связи нового и закрепившего знания на основе орфографии, фонологии, семантики и непосредственно физической репрезентации (например, для эмоционально-оценочной лексики анализируется физиогномика лица, предметы интерьера, характер звука/мелодии, звучащей в помещении и т.д.).

В рамках учебного модуля «Иностранный язык» одним из приемов ассоциативного обучения может стать создание ментальной тематической карты, на основе которой представляется возможным реализовать несколько видов заданий (*activities*), основанных на применении технологий лингвистических корпусов.

Одним из наиболее распространенных заданий на основе непосредственной работы студентов с корпусами является проведение сравнительного анализа языковых данных ряда лексем.

В качестве примера, обозначим возможности изучения семантического наполнения эмоционально-оценочной лексемы «*cringe*». Слово «*shame*», которое экспериментальная группа обозначила в качестве основного синонима центрального понятия, имеет значительно отличное семантическое наполнение. Студентам предлагается провести сравнительный анализ контекстного употребления двух обозначенных лексем. Для этого в поисковые строки «*Word 1*» и «*Word 2*» раздела «*Compare*» вводятся лексемы «*cringe*» и «*shame*», соответственно. Раздел «*Sections*» позволяет учесть стилистический регистр контекста употребления данных слов: примеры и частота употребления будут подобраны с учетом жанра подобранных текстов. В случае с лексическим материалом, обозначенным в рамках данного исследования, все упражнения составляются на основе данных текстов СМИ («*Newspaper*») и скриптов речи («*Spoken*»).

В результатах поиска участникам экспериментальной группы предлагается ознакомиться

с примерами употребления двух слов в максимально близком словарном окружении. В данном случае рассматриваются примеры сочетаемости слов с лексемой «IT».

Исходя из анализа примеров, обучающиеся выводят дефиницию обеих лексем и обозначают их различия в их семантическом наполнении. Затем организация полученного лексического знания производится посредством составления группой ассоциативных карт.

Выводы

Данный вид организации работы с лексикой, который служит для проявления смысла той или иной лексемы, наиболее полноценно может быть организован в качестве коллективной проектной деятельности и осуществляться в формате как онлайн-, так и оффлайн-обучения (при условии наличия соответствующего оборудования). Семантические карты могут создаваться на электронных досках (например, онлайн-доска Miro) или же размещаться на пробковых досках, расположенных в аудитории.

Конкорданс является источником больших объемов информации, как лексической, так и грамматической (также существуют корпуса звучащей речи). Прямое применение лингвистического корпуса в процессе обучения студентов-лингвистов или преподавателей ИЯ позволяет воздействовать на динамику развития нескольких уровней языка одновременно. При этом один из языковых аспектов всегда остается в фокусе, а другой осваивается имплицитно. Это позволяет сохранять баланс между осознанным и бессознательным изучением иностранного языка.

Модель трансформации сознания с целью облегчения освоения иностранного языка основана на общих принципах развития психики, которые определяют возможности воздействия на человеческое сознание. Этапы такого воздействия включают в себя осведомленность, исследование, принятие решения, действие.

Применение корпусных технологий в обучении иностранному языку может происходить как в контексте сознательного (эксплицитного), так и бессознательного (имплицитного) усвоения категориальных последовательностей. Основными лексическими упражнениями, реализующими возможности прямого и косвенного применения корпусных технологий, являются:

- изучение текстов корпуса по ключевой теме;
- работа с корпусом и ассоциативными картами для организации активного вокабуляра через тексты собственного сочинения;
- изучение семантики и сочетаемости лексем, сравнительный анализ частотности, выполнение заданий на заполнение пропусков;
- осуществление коррекции ошибок посредством конкорданса;
- семантический анализ видеоматериалов.

Основная цель применения технологии лингвистического корпуса в обучении — развитие у искусственных билингвов способности к языковой догадке, которая является потенциальным источником активного словаря. Степень развитости данной способности свидетельствует о реализации модели развивающегося ментального лексикона.

В **заключении** следует отметить, что лингвистический корпус представляет собой программу оперирования понятиями и их реализации внутри контекста. Можно сказать, что по схожему принципу понятия организуются в человеческом сознании.

Глубокое изучение заданного пласта лексического знания (например, эмоционально-оценочных слов) может способствовать усилению общей динамики когнитивного развития студентов. Основаниями для данного заключения являются следующие положения:

- методические разработки по внедрению корпусных технологий в процесс обучения соответствуют принципам развития билингвального ментального лексикона;
- задания, построенные по принципу организации корпусных технологий, основываются на уже сформированных знаниях искусственных билингвов;
- предложенные способы организации лексического знания базируются на ассоциативных сетях сознания билингвов, первым языком которых является русский — что отвечает принципу достраивания лингво-когнитивной программы личности и способствует ее трансформации.

Основными целями применения технологий корпусной лингвистики (лингвистических корпусов и ассоциативных карт) являются:

1. Способствовать развитию у студентов навыка поиска внутриязыковых связей;
2. Способствовать сужению в сознании искусственных билингвов семантического значения слов;
3. Расширение в сознании билингвов ассоциативной карты понятий.

Обозначенные в результате исследования теоретических материалов и проведения ассоциативного эксперимента выводы позволили предложить новые способы работы с лексическим материалом. Была предложена концепция развития билингвального ментального лексикона на основе интегрирования корпусных технологий в систему лексического подхода к обучению ИЯ.

В соответствии с полученными в ходе исследования данными, можно заключить, что дополнение когнитивно-прагматической программы новыми концептами способно оказать влияние на динамику развития языковой личности, не допуская при этом интеркаляции понятий. Предложенные в работе способы организации лексического знания определяются как потенциально эффективная модель, способствующая усилению общей динамики когнитивного развития студентов-лингвистов или преподавателей иностранных языков.

Литература

1. Бехтерев В.М. Мозг и разум: физиология мышления. 2020. М.: АСТ. 256 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования [Электронный ресурс]. 1934. М., Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во. 324 с. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=84077> (дата обращения: 17.03.2024).
3. Выготский Л.С. Мышление детей: Психология развития человека. 2005. М.: Смысл; Эксмо. 1136 с.
4. Голигузова О.А. Формирование лексических концептов у поздних субординативных билингвов как основа их двуязычной компетенции [Электронный ресурс] // Трибуна молодых ученых. Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 150-162. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-150-136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-kontseptov-u-pozdnih-subordinativnyh-bilingvov-kak-osnova-ih-dvuyazychnoy-kompetentsii/pdf> (дата обращения: 09.03.2024).
5. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования. 1990. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 204 с.

6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 1999. М.: Смысл. 287 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. 2000. М.: Слово. 387 с.
8. Ebbinghaus H. Memory: a contribution to experimental psychology. Martino Fine Books. 2011. 134 p. DOI: 10.5214/ans.0972.7531.200408
9. Frances W. Bilingual Semantic and Conceptual Representation. In Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. 2005. OUP, pp. 251-268.
10. Li P., Farkas I. A self-organizing connectionist model of bilingual processing. In Heredia R., Altarriba J. (eds.). Bilingual Sentence Processing. 2002. Amsterdam: Elsevier, pp. 59-85.
11. Li P., Zhao X., MacWhinney B. Dynamic self-organization and early lexical development in children. Cognitive Science. 2007. Vol. 31, pp. 581-612.
12. Li P., Zhao X. Self-organizing map models of language acquisition. Frontiers in Psychology. 2013. № 4, pp. 1-15. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00828
13. Miller G.A. The magical number seven plus or minus two: some limits on our capacity for processing information. Psychological review. 1956. No. 63(2), pp. 81-97.
14. Paivio A. Mental Representations. A Dual-Coding Approach. Oxford Psychology Series. 1990. No. 9. OUP. 322 p.
15. Weinreich U. Languages in Contact Findings and Problems. 1968. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers. 148 p.
16. Yilmaz G., Schmid M.S. First language attrition and bilingualism. Bilingual Cognition and Language: The state of the science across its subfields. In Studies in Bilingualism, 54. Ed. Miller D., Bayram F., Rothman J. & Serratrice L. 2018. John Benjamins Publishing Company, pp. 225-250.
17. Zareva A. Structure of the second language mental lexicon: how does it compare to native speakers' lexical organization? [Электронный ресурс] // Second Language Research. 2007. No. 23 (2), pp. 123-153. DOI: 10.1177/0267658307076543

References

1. Bekhterev V.M. Mozg i razum: fiziologiya myshleniya [Brain and Mind: Physiology of Thinking]. 2020. Moscow: AST. 256 p. (In Russ.)
2. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech': psikhologicheskie issledovaniya [Thinking and Speech: Psychological Researches] [Elektronnyi resurs]. 1934. Moscow, Leningrad: Gos. ucheb.-ped. izd-vo. 324 p. Available at: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=84077> (Accessed: 17.03.2024) (In Russ.)
3. Vygotskii L.S. Myshlenie detei: Psikhologiya razvitiya cheloveka [Children's Thinking: Psychology of Human Development]. 2005. Moscow: Smysl; Eksmo. 1136 p. (In Russ.)
4. Goliguzova O.A. Formirovanie leksicheskikh kontseptov u pozdnykh subordinativnykh bilingvov kak osnova ikh dvuyazychnoi kompetentsii [Lexical Concepts Formation in Late Subordinate Bilinguals as the Core of Their Bilingual Competence] [Elektronnyi resurs]. *Tribuna molodykh uchenykh. Voprosy psikholingvistiki = Tribune of Young Scientists. Questions of Psycholinguistics*. 2018, no. 4 (38), pp. 150-162. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-150-136. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-kontseptov-u-pozdnykh-subordinativnykh-bilingvov-kak-osnova-ih-dvuyazychnoy-kompetentsii/pdf> (Accessed: 09.03.2024) (In Russ.)
5. Zalevskaya A.A. Slovo v leksikone cheloveka: psikholingvisticheskie issledovaniya [Word in Human's Lexicon: Psycholinguistic Researches]. 1990. Voronezh: Publ. Voronezh. un-ta. 204 p. (In Russ.)

Russ.)

6. Leont'ev A.A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. 1999. Moscow: Smysl. 287 p. (In Russ.)
7. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: ucheb. posobie* [Language and Intercultural Communication: a textbook]. 2000. Moscow: Slovo. 387 p. (In Russ.)
8. Ebbinghaus H. *Memory: a contribution to experimental psychology*. Martino Fine Books. 2011. 134 p. DOI: 10.5214/ans.0972.7531.200408
9. Frances W. Bilingual Semantic and Conceptual Representation. In *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches* / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. 2005. OUP, pp. 251-268.
10. Li P., Farkas I. A self-organizing connectionist model of bilingual processing. In Heredia R., Altarriba J. (eds.). *Bilingual Sentence Processing*. 2002. Amsterdam: Elsevier, pp. 59-85.
11. Li P., Zhao X., MacWhinney B. Dynamic self-organization and early lexical development in children. *Cognitive Science*. 2007. Vol. 31, pp. 581-612.
12. Li P., Zhao X. Self-organizing map models of language acquisition. *Frontiers in Psychology*. 2013. № 4, pp. 1-15. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00828
13. Miller G.A. The magical number seven plus or minus two: some limits on our capacity for processing information. *Psychological review*. 1956. No. 63(2), pp. 81-97.
14. Paivio A. *Mental Representations. A Dual-Coding Approach*. Oxford Psychology Series. 1990. No. 9. OUP. 322 p.
15. Weinreich U. *Languages in Contact Findings and Problems*. 1968. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers. 148 p.
16. Yilmaz G., Schmid M.S. First language attrition and bilingualism. *Bilingual Cognition and Language: The state of the science across its subfields*. In *Studies in Bilingualism*, 54. Ed. Miller D., Bayram F., Rothman J. & Serratrice L. 2018. John Benjamins Publishing Company, pp. 225-250.
17. Zareva A. Structure of the second language mental lexicon: how does it compare to native speakers' lexical organization? [Электронный ресурс] // *Second Language Research*. 2007. No. 23 (2), pp. 123-153. DOI: 10.1177/0267658307076543

Информация об авторе

Гайворонская Светлана Олеговна, аспирант кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление»; Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), преподаватель, Московский институт психоанализа, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Information about the author

Svetlana O. Gaivoronskaya, PhD student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education; Lecturer, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Получена 01.09.2024

Принята в печать 15.09.2024

Received 01.09.2024

Accepted 15.09.2024